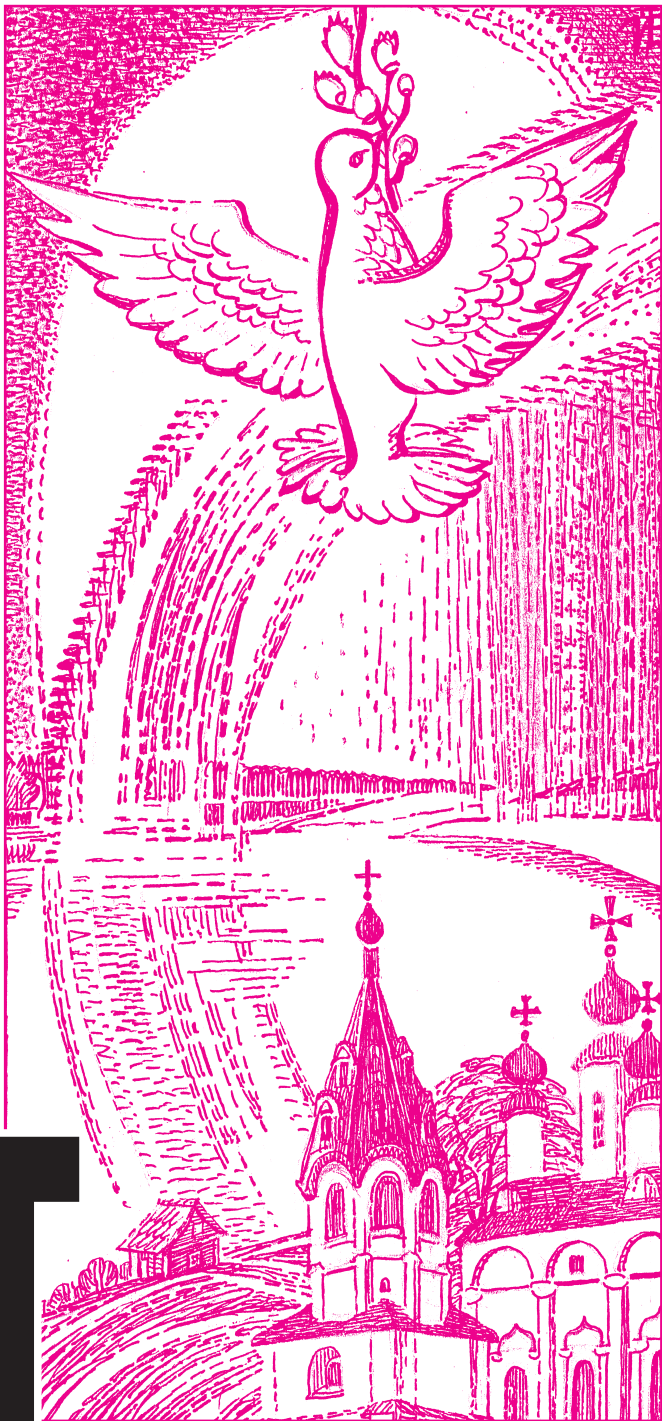
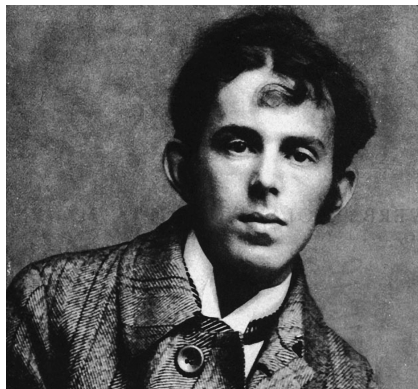

ИСТОКИ

ИСТОКИ

2016

О. Э. Мандельштам (1891–1938)

* * *

Дано мне тело — что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить.
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник. Я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.

На стёкла вечности уже легло
Моё дыхание, моё тепло.

Запечатлется на нём узор,
Неузнаваемый с недавних пор.

Пускай мгновения стекает муть—
Узора милого не зачеркнуть!

ИСТОКИ
АЛЬМАНАХ

Выпуск № 9

МОСКВА

2015–2016

УДК 882-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
И 89

Главный редактор
Александр Такмаков
(*Серафимов*)

Редколлегия:
Ирина Антонова
(ответственный
секретарь
редакции),
Евгения
Славороссова
(выпускающий
редактор)

Рассматриваются и принимаются только руко-
писи, набранные на компьютере (предстален-
ные на дискете и в распечатке на бумаге или
присланные по электронной почте).

E-mail: rifistoki@yandex.ru

*Тексты некоторых авторов даются
в авторской редакции*

Контактные телефоны:

**8-909-9655305,
8-903-1803787**

Редакционный совет:

Елена Ерёмина
Ирэна Сергеева (г. Санкт-Петербург)
Леонид Володарский
Ольга Бондаренко
Людмила Осокина
Владимир Пустовитовский
Татьяна Хачумова
Валерия Светланова
Лидия Баклашкина (г. Калуга)
Вадим Максимов
Ирина Егорова-Нерли

ISBN 978-5-903852-02-4

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

СОЛДАТСКИЙ МЕДАЛЬОН **6**

Стихи и проза к 70-летию Победы
в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

**Валерий Желыбенцев, Валентин Ермаков,
Вера Чижевская, Анри Маркович, Инна Варварица,
Татьяна Хачумова, Валентин Терещенко, Александр
Серафимов**

ПОЭМА **22**

Владимир Пустовитовский
«Марьяна роща»

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ **28**

Кирилл Столяров (публикация **Сергея Столярова**)

НОВОЕ ИМЯ **38**

Стихи **Григория Егоркина**

«РУКОПИСЬ» —
МОЛОДЕЖНЫЙ ЛИТКЛУБ **222**

Стихи **Максима Елфимова**

Сказка **Марии Славоросовой** (перевод с английского)

КНИГА В АЛЬМАНАХЕ

Александр Серафимов «Провокаторы»
(повесть, окончание)

48

Валерия Шубина «Колыма становится рукописью» О прозе Георгия Демидова «Венера в бушлате»	129
--	------------

ГОЛОСА КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛИ 92

**Стихи Игоря Красовского, Татьяны Баклашкиной,
Станислава Колчина, Людмилы Филатовой,
Евгения Марта, Марины Улыбышевой**

ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 105

Ирина Егорова – Нерли. «Под Сенью радужных вершин»,
«Далёкий мир»

Наталья Божор. Эссе о творчестве Ильи Репина

ПОЭЗИЯ

Ольга Наровчатова	154
Пётр Гулдедава	156
Наталья Божор	159
Татьяна Хачумова	161
Евгения Славороссова	168
Татьяна Шведовская	173
Инна Варварица	183
Дарья Солдатенкова	186
Татьяна Хатина	191

ПРОЗА

Леонид Володарский	163
Алексей Кебадзе	179
Владимир Митренин	194
Ирина Антонова	210
Татьяна Хачумова	233
Олег Кубинский	257

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Юрий Влодов (стихи о войне)	142
Людмила Осокина «Люди Влодова» (мемуары)	148

НАШИ ЮБИЛЯРЫ **215**

Карина Петровская (мемуары)

ВСТРЕЧА В ПУТИ

Елена Мочалова	208
Лия Елфимова	209
Валерия Светланова	229
Анри Маркович	232

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КУНШТЮКИ **239**

Вадим Максимов (пародии, марши, песни вагантов)

ЗРИ В КОРЕНЬ

Эссе Александра Крохмаля	248
Стихи	
Валерии Светлановой	227
Николая Иодловского	254

Алфавитный указатель авторов **264**

СОЛДАТСКИЙ МЕДАЛЬОН

Валерий ЖЕЛЫБЕНЦЕВ

9 мая

Отгремела давно мировая война,
Не подняться знамёнам третьего рейха!
Ветераны надели опять ордена,
Они снова в строю на парадной поверке.

С каждым годом всё тают, их тают ряды –
Тех, кто брали Берлин и мятежную Прагу.
Кто остался живым, стал до срока седым,
Опалённым военною, огненной правдой.

Они отдали всё, чтоб Россия жила,
Чтобы мирным всегда было небо...
Над странною салют, сердца стук, тишина,
Мы причастны к Победе, кто был там, кто не был.

Солдатский медальон

Солдатский медальон — послание живым
От без вести пропавшего солдата.
Последнее «Прощай» любимым и родным,
Он верил, что листок дойдет до адресата.

Пластмассовая гильза сохранила
Фамилию —

мы памятью живем.

Есть у солдата имя и могила.
Он без вести пропал,
но помнили о нем.

И есть теперь куда приехать близким...
Где шли бои, застыли обелиски.

СОЛДАТСКИЙ МЕДАЛЬОН

Валентин ЕРМАКОВ

(1933–2015), г. Обнинск

* * *

*Памяти тети Маши Охотниковой,
приветившей нашу семью во время оккупации.*

Картошки — и той не осталось.
Что делать?
Пришлось променять
И платье, в котором венчалась
Моя бережливая мать.
Два дня от деревни к деревне
В июльский немислимый жар
Несла она праздничный, древний,
Такой неуместный товар.
Да, было тогда не до свадеб —
Шли годы военной поры.
В безмолвной и горькой досаде
Она покидала дворы...
Скажу ли обидное слово
О женщине той из села,
Которая за обнову
Неполную цену дала?
Ей платье-то было не нужно:
В избе обгорелой своей,
Вестей ожидая от мужа,
Растила одних сыновей!

В этом доме жили погорельцы

В этом доме жили погорельцы:
Женщины и уйма малышей.
В этот дом пускали обогреться
Стариков из мокрых шалашей.
В этот дом со всех фронтов России
Похоронки шли, как на почтамт.
В этом доме вслух не голосили —
В поле убегали причитать.
Этот дом, безлюдный, темный, древний,
Весь перекосялся и осел.
А по славе — первый дом в деревне:
От войны один лишь уцелел.

Скрипка оружейного мастера...

ОНА — бежала с односельчанами
в тёмные глухие леса —
к партизанам —
от фашистов,
вломившихся в ЕЁ родную деревню.

ОН — был оружейным мастером
в партизанском отряде
(снова на фронт не пустила
контузия
от разорвавшейся фашистской бомбы).

...Когда в небе
НЕ ревели немецкие самолёты,
люди из землянок
заполняли паузы танцами -
длинной в короткую ночную лесную тишь —
под музыку скрипки,
на которой играл ОН —
советский солдат-партизан.

ОНА подошла и сказала:
— А я тоже
умею играть на скрипке...
на одной струне...

...Молодые, красивые, полные надежд
шутили, веселились
и любили друг друга,
если над головой
НЕ ревели немецкие самолёты.

...Фашистов вышибли из деревни.
И в мире он и она
родили дочку и сына.

...ОНА умерла спустя три года
после войны.
ОН прожил ещё полвека.
После них остались
дети
и скрипка...

Я знала тебя,
старая скрипка —
без струн, без смычка и футляра —
когда ты уже не могла
воспроизвести мелодию,
соединившую моих родителей...

Пленные немцы в Майори

Пленных несчастных видели в Маори
Через два года после войны.
Рыли канаву, по-немецки гутарили. —
Трудное время Советской страны.

Мы отдыхали с мамой в Майори.
Дом отдыха, полуразрушенный вид...
Немцы здоровались, не базарили.
В воздухе туберкулёз, а не СПИД.

Тогда менингит был зловещий.
Детям смерть приносил.
Палочка Коха вползала в вещи,
Только стрептомицин лечил.

Мы проходили — июль был жаркий,
Гутен таг — говорили они.
Красиво на взморье, роскошно в парке.
Для пленных были нелёгкие дни.

Рижское взморье. Река Лилеупе,
Очень глубокая река.
Ракушки на пляже. Мир в Европе.
Горячий песок обжигал слегка.

Немцы носили разбитую обувь,
Еле-еле вдевали шнурки.
Портянки летом — здоровье гробить,
В ответе за Гитлера мужики.

За ними следил конвоир русский
С винтовкой обычной за плечом.
Исчез у немцев дух прусский.
Мама встречалась с главврачом.

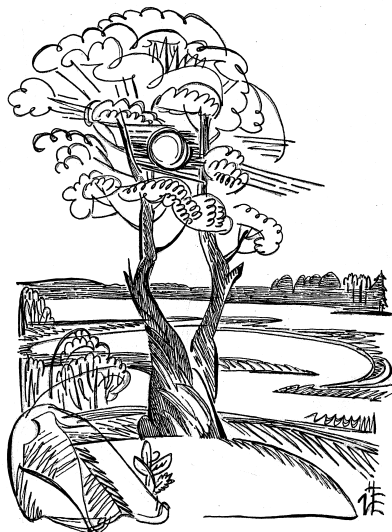
Жалела мама врагов проклятых,
Они твердили; мы — не враги,
И не нацисты, и не фанаты
Сдались сами и не могли

Трепаться с немцем. (я был школьник,
Перешёл в третий класс,
впервые линейку взял, угольник.)
Рижское взморье для нас!

У мамы муж погиб на фронте,
Я потерял отца.
К пленным — ненависть. Но, позвольте,
Нельзя им мстить без конца!

Мама сказала: дядя сдался.
Чинил нам розетку — не починил.
Русский монтёр легко разобрался.
Немец боялся и спешил.

Просили немцы купить смородину
И дали маме три рубля.
Прошрое набило оскомину.
Латвия — чужая земля.

Два Петра

У дочки моей два деда
были. Два деда Петра.
С фашизмом война до победы
их молодостью была.
Подлый враг вероломно
вторгся в наши границы!
Дома остались жёны,
дети должны родиться,
но время лихое настало —
и встали стеной единой
Фёдорыч — русский с Урала,
Семёнович — грек с Украины!
В лязге железа и стали,
в грохоте взрывов войны
на разных фронтах воевали,
духом единым сильны.
Вести из дома почта
в год принесла один:
у Фёдоровича — дочка,
а у Семёныча — сын!
Родина, дом и дети —
всё слилось воедино.
Были за всё в ответе!
Путь до победы длинный —
мины, снаряды да пули
вёрсты войны считали.
Сколько смертей обманули!
Сколько друзей потеряли!

Выжили, победили!
В мирную жизнь вернулись.
Жили, детей растили.
Судьбы соприкоснулись,
пусть и не близко были
Москва и Донбасс, но их
дети в Москве породнили,

внучка одна на двоих.
Жили в стране единой,
съезжались друг к другу в гости
Семёнович с Украины
и Фёдорович московский...
Из жизни ушли, не зная,
что Родину развалила
хищная, жадная стая,
новая вражья сила.

Пётр Семёнович, грек по крови,
на Донбассе с рожденья жил,
только не на украинской мове,
а по-русски всегда говорил.
Но сегодня за русское слово
и за память о той войне
убивать друг друга готовы
те, кто жили в одной стране.
Пётр Семёныч, разведчик, вечным
стать не смог тебе вечный покой —
он осколками тоже мечен,
ты опять на передовой!
Там, где бьют «Ураганы» и «Грады»,
с ополченцами вместе стоят,
с фотографий сурово глядя,
все надгробья былых солдат!
Память предков наших... Единство,
братство, дружба — пример живой
защищающим от бесчинства
отчий дом и язык родной!

Розовые цветы

Папе

Падает мокрый снег. Мгла, пустота и боль...
А на столе стакан, фото, свеча и соль,

Соль с непросохших век, а за окном февраль.
Китель в шкафу всегда будет хранить медаль.

Песни военных лет тихо звучат в ушах,
Падает мокрый снег, пряча в сугробе страх:

«Скоро Победы день! Будет он без тебя...»
Падает мокрый снег, вместе со мной скорбя.

И к «журавлям войны», может, примкнешь и ты.
Ветер поднимет ввысь розовые цветы.

СОЛДАТСКИЙ МЕДАЛЬОН

Валентин ТЕРЕЩЕНКО

(1937–2011)

Отец мой — Григорий Данилович

Ко мне приходит иногда
Отец с гремящими вещами...
И угощает калачами! — с войны —
Какая ерунда...
Я понимаю и во сне —
Что нет ни может быть такого —
Давно я выучил толково —
Что он остался на войне..
А что ж выходит. Что не все
Частицы разума смирились —
И вот ,Отец. Скажи на милость! —
Идёт в обмотках по росе...
Кладёт на лавку вещмешок —
Винтовку ставит у порога —
И говорит мне: «Слава Богу! —
Однако. Вырос ты. Сынок...!»

Обелиск

Чугунна ограда,
И скорбь высока,
Как будто бы рада
Вонзить облака
Подобием иска
Творцу за разбой
Иглу обелиска
С горячей звездой.

Как будто бы рада
Она облакам,
Как гроздь винограда —
Девичьим рукам,
Но ива роняет слезу на гранит,
Который не знает
Чьё имя хранит.

Дочке Валерии

Горя нет и нет печали...
Журавли вчера кричали.

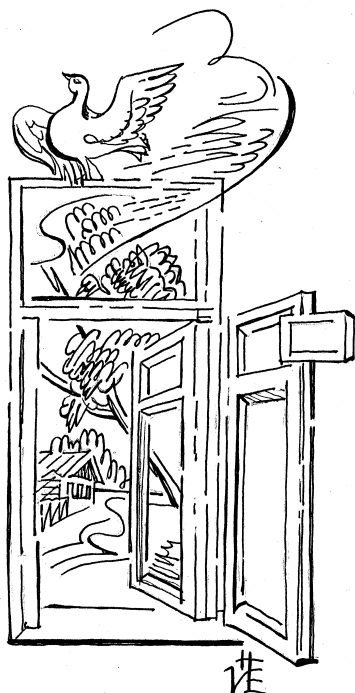
Облетев почёта круг
Сели белые на луг,

Но плясать ещё не смели,
Лишь на отмели белели...

Дань платили журавли
Тяготению Земли..

Всё ж они по воле рока,
Как трещит с утра сорока,

Посеревшие слегка
Поминали вожака.

СТЕПАНИДА

Рассказ

Увидев в руках почтальонки серую бумажку, Степанида обмерла, сердце защемило от предчувствия беды, холодный пот проступил на лбу и щеках, ноги ослабли, и, чтобы не упасть, она ухватилась за калитку. Такие небольшие четвертушки серой бумаги означали одно — отец, сын или брат погиб в бою с фашистами. Осознание, что её муж погиб за правое дело не смягчало горечь утраты. Скомкав в руке роковую бумажку и постояв несколько минут у калитки, она вытерла фартуком слёзы и вернулась в дом. Этот дом они вместе с мужем построили сразу после скромной свадьбы на участке, который выделил им райсовет. По правде сказать, это был не дом, а засыпная халупа, сбитая из досок и покрытая от дождей рубероидом. Посреди халупы возвышалась русская печь, которая делила помещение на кухню и комнату, где стояли две железные кровати, на одной спали родители, на другой старшая дочь и её младший братик. У самой печи на топчане, над которым висела люлька малышки, спал престарелый отец мужа, Степан, который на время отсутствия невестки присматривал за детьми

Теперь она одна должна была вырастить троих детей, двое из которых были совсем крохами — Стёпке шёл четвёртый год, Насте год, третья двенадцатилетняя дочь Дуся была её помощницей по дому и в огороде. Собственно, если бы не огород, они уже давно бы померли от голода. Картошки, квашеной капусты, морковки и свеклы им хватало до апреля. Весной, когда сходил с полей снег, Степанида с Дусей отправлялись на ближайшее картофельное колхозное поле в поисках остатков прошлогоднего урожая. В раскисшей от избытка воды холодной земле они отыскивали перемершие за зиму картофельные клубни, из которых пекли драники. В мае, когда очнувшаяся от зимней спячки земля расцветала, Степанида с Дусей шли за город и вдоль дороги рвали лебеду, из которой варили суп, а осенью собирали калину, черёмуху и грибы — тем и питались всю зиму.

Протопив с утра печь и собираясь на работу, Степанида укладывала малышкой на теплые полати, разжёвывала ржаной хлеб, обёртывала жвачку в марлю и засовывала в рот малышам.

— Мамочка я хлебушка хочу — выплёвывая жвачку изо рта — заплакал Степка.

— Потерпи, мой хороший, вот схожу на работу и принесу тебе хлебушек.

— А ты скоро придёшь?

— Скоро, очень скоро, а пока ты поспи, поспи милый, да присмотри за малышкой, пока Дуся в школе будет и за дедушкой тоже присмотри, он совсем хворый, а ты у меня мужчина, старший в семье, — прижимая к себе и утирая слёзы, давала наказ Степанида.

— Мамочка, а у меня вон какой животик — подняв подол рубахи, вдруг заявил Стёпка.

— Господи, неужели рахит? Так и есть — рахит, — оглядывая водянистый живот сына с ужасом подумала Степанида и, погладив сына по головке, спросила — а он не болит?

— Не болит, мамочка.

— Хорошо, очень хорошо, а хлебушек я скоро принесу — сказала Степанида, а про себя подумала, как будет поить Степку рыбьем жиром, которым только и можно было вылечить рахит.

Работала Степанида путевым обходчиком на ближайшей от дома железнодорожной станции, куда устроилась за три года перед Великой отечественной войной. В любую погоду, несмотря на дождь и снег, она ежедневно обходила свой участок железной дороги, осматривала шпалы и рельсы и, если обнаруживала ослабленные гайки, тут же подтягивала их. Особенно тяжело было зимой, когда снег заносил соединения рельс, которые она должна была откопать и проверить стыки. Однажды она обнаружила, что несколько крепёжных гаек, совсем по Чехову, были отвинчены, а в это время должен был пройти состав, гружённый углём. Недолго думая, Степанида выхватила из футляра красный флажок и размахивая им, бросилась бежать навстречу поезду. Помня, что тормозной путь гружённого состава почти километр она, преодолевая слабость от хронического недоедания, с большим трудом, но пробежала большую часть пути и остановила поезд. За этот самоотверженный поступок руководство наградило её отрезом шёлковой материи, которую она тут же променяла на кусок мяса.

Однажды на станции она познакомилась с помощником машиниста, будущим мужем Дмитрием, который более года ухаживал за ней и только благодаря своей настойчивости взял её в жёны.

Степанида долго не соглашалась выходить замуж потому, что последние восемь лет после всего случившегося с ней и её семьёй, она жила воспоминаниями о прошлой счастливой жизни, где у неё был любимый муж, большая дружная и работающая семья, которую в одночасье уничтожила советская власть.

Очаровательную девушку из бедной семьи сосватали за Колмогорова Ивана из зажиточной семьи, когда её исполнилось восемнадцать лет. Жених был хорош собой — статный, черноволосый

с выразительными ласковыми карими глазами, о которых многие девушки села Пospelиха втайне мечтали. На свадьбе счастливой пары целую неделю гуляло всё село, мать жениха и несколько её помощниц буквально сбились с ног, готовя угощения и подавая на столы всё новые блюда.

Семья Колмогоровых, куда переехала после свадьбы Степанида, была дружной и работающей. Кроме родителей мужа в большом доме с многочисленными хозяйственными постройками проживали сестра, брат Ивана Андрей с женой и тремя детьми, бабушка с бабушкой по отцовской линии.

Дед Ивана, Колмогоров Григорий Спиридонович потомственный донской казак, в девяностые годы 19 века во время пьяной ссоры покалечил своего атамана в результате чего вынужден был покинуть станицу и переселиться на Алтай. Здесь в предгорьях в селе Пospelиха он получил несколько десятин плодородной земли, построил дом, обзавёлся хозяйством и женился на местной девице. Со временем его сын, Прохор, продолжил дело своего отца, прикупив к уже имеющимся три десятка десятин земли, заливной луг для пастбища, отару овец, двух коров, рабочую лошадь и рысака для выездов. Хозяйство разрасталось, требовались работники и Прохор женил ещё совсем молодого старшего сына на соседской, крепкого телосложения девице. На все возражения сына он отвечал — красота приглянется, а крепкая рука пригодится. Все обязанности в доме были расписаны, каждый знал, чем ему заниматься, какую работу в данный момент выполнять — мужчины пахали, сеяли и убирали урожай, косили сено, стригли овец и заготавливали дрова на зиму, женщины работали на кухне — готовили еду на семью, варили похлёбку для животины, убирали навоз, а по вечерам пряли дотканые холсты, из которых шили нательное бельё и рубахи для мужиков. Жена старшего сына Марфа была обязана сбывать излишки продукции на городском рынке, до которого было верст пятьдесят и куда по пятницам отвозил её муж.

Когда Степанида вошла в дом своего мужа, ей сразу определили работу по дому — в её обязанности входила уборка в доме, хозяйственных постройках и обширном дворе. По вечерам, как и все, садилась за пряжу, ловко вращая веретено, сучила шерстяную нить для будущих носков, рукавиц и шарфов. С раннего детства приученная в доме своих родителей к тяжелому крестьянскому труду, она воспринимала работу по дому совсем не тяжелой и помогала на кухне своей свекрови чистить картошку и овощи.

Через полгода Степанида забеременела и к концу 1929 года решила стать девочкой, которую называли в честь бабушки Евдокией.

Всё шло хорошо, деревня после гражданской войны в годы нэпа начала процветать, наиболее старательные и трудолюбивые крестьяне обзаводились скотом, разводили бахчу, на которую был большой

спрос в городе. Раз в неделю в селе появились перекупщики, которые за умеренную цену скупали зерно, арбузы, дыни, яблоки и облепиху, которой была особенно богата алтайская земля.

Но однажды, в конце апреля в село вернулся местный забияка и пламенный борец за справедливость Аркашка Мешков. После освобождения Сибири от Колчака, Аркадий, бросив больного отца и мать добровольно записался в Красную Армию, дошёл с ней до Владивостока, потом оказался в Туркестане, где гонялся за басмачами, был тяжело ранен и в связи с этим комиссован из армии. Пока он воевал с международным империализмом, умер отец, больная, рано постаревшая мать вынуждена была просить у сердобольных односельчан кусок хлеба, тем и жила в ожидании своего неугомонного сына. Вернулся он в ту пору, когда в стране началась знаменитая коллективизация, в результате которой было раскулачено сотни тысяч крестьянских хозяйств, беднота объединялась в колхозы, а крепкие хозяева ссылались в Сибирь. Там, в глухих, необжитых местах большинство из них погибло от голода и неустроенности.

Приехал Аркадий в село с особыми полномочиями — уничтожить, как класс, местных кулаков, а за одно и всех середняков, особенно тех, кто во время уборки урожая нанимал сезонных рабочих. Одетый в кожаную куртку и красные революционные галифе с кольцом на поясе и именной саблей на боку он, размахивая постановлением Губкома о коллективизации, наводил ужас на своих селян. Затем созвал сельский сход и объявил о начале коллективизации в селе, которая будет осуществляться неким комитетом, образованным из числа наиболее сознательных граждан. К сознательным гражданам, как правило, относились беднейшие крестьяне, у которых всё хозяйство ограничивалось огородом, одной коровой да парой поросят. Летом большинство из них нанимались в работники к крепким хозяевам, получая за свой труд пшеницу, гречиху и бахчевые.

Раскол на богатых и бедных в селе начался давно, те кто не могли или не хотели обрабатывать землю, продавали свои наделы более трудолюбивым и хозяйственным мужикам, сами же превращались в сезонных батраков. Вот они-то и стали объединяться в колхозы.

Впервые Аркадий увидел Степаниду на сходе, она стояла вместе с мужем в первом ряду и явно выделялась своей красотой из общей массы односельчан.

— Кто это? — обратился он к одному из своих помощников.

— Кто?

— Вот та, что стоит рядом с Колмогором.

— Как кто, его жена.

— Значит жена, красивая жена досталась кровопивцу, нехорошо.

— Брось Аркаша, у них дочь растёт, и потом Колмогор крепкий мужик, своего просто так не отдаст.

— Поживём увидим, а муж объелся груш, не китайская стена, обойти можно.

С тех пор Аркадий стал выслеживать Степаниду и всячески старался привлечь её внимание. Дошло до того, что она пожаловалась мужу на приставаания Аркадия. Однажды поздним вечером, когда Аркадий возвращался домой после очередного заседания комитета Николай подстерёг его и, схватив за грудки, сказал — не отстанешь от моей жены, убью.

— Ты на кого руку поднял? Ты на власть руку поднял, упеку туда где Макар телят не пас.

— Я не на власть руку поднял, а на подонка, который на чужом горбу хочет в рай въехать и запомни, я тебя из-под земли достану, если не перестанешь домогаться моей жены, — схватив Аркадия за ухо, сказал Иван и пошёл домой.

— Скажи спасибо, что я сегодня безоружен, пристрелил бы тебя, как собаку, — крикнул Аркадий.

На следующий день Аркадий отправился в Барнаул и через два дня вернулся с небольшим отрядом Губчека, в его задачу входило аресты и высылка из села всех недовольных советской властью, конфискация в пользу государства их имущества, а также принудительное вовлечение колеблющихся в колхозы.

Первыми с кого начали раскулачивание, оказались Колмогоровы. Рано утром к их усадьбе подкатила тачанка и несколько подвод, с них спрыгнули вооруженные солдаты и направились во двор. На истошный лай Барса на крыльцо дома вышел глава семьи Прохор.

— Зачем вломились в чужой двор, люди добрые?

— Ты, Прохор и твоя семья подлежат раскулачиванию, — крикнул Аркадий.

— Вы, что же белены объелись, мы же не кулаки, мы всё, что у нас есть, своим горбом наживали, что же получается, те, которые кормят народ и есть враги советской власти?

— Ты, Прохор, демагогию тут не разводи, сказано подлежишь раскулачиванию, значит отдай своё добро и дело с концом, а не отдашь возьмём силой, — заявил Аркадий.

В это время на крыльцо вышел Иван с двустволкой в руках:

— Убирайтесь туда откуда пришли, — прицеливаясь в командира отряда, крикнул Иван.

В тоже мгновение один из солдат вскинул винтовку и выстрелил, пуля попала прямо в сердце Ивана.

Так закончилось недолгое счастье Степаниды, начались годы скитаний, тяжкого труда и спасения детей от голода и болезней.

г. Высоковск, 2016 г.

МАРЬИНА РОЩА

Поэма

1

Переулоч Второй Стрелецкий,
Я когда-то родился в нём,
Небу ватному прямо в сердце
Дым пускал из трубы мой дом.

А весной заросшие грядки
В окнах первого этажа
Отражались. И длинные прядки
Распускала весна-госпожа.

Над дырявым дощатым сараем
Сизари ворковали с утра,
Как и я, спутав с призрачным Раем
Солнцем залитый мусор двора.

Был сосед мой фальшивомонетчик.
Позабывтые матушкой щи
Добывал как заштатный разведчик,
Половицею скрипнув в ночи.

А другой, приложившись к острогу,
Из застенков домой возвратясь,
Выходил на пустую дорогу
С папироской как марьинский князь.

Бывший флотский соседом был тоже,
Сев на суше как трал на мели,
Доставал ржавый ножик из ножен,
И мальчишкам строгал корабли.

Но штормила матросика водка,
Он твердил мне: «Я встать не могу,

Эх, Володька, Володька, Володька,
Потерял я на флоте ногу».

Дела нет до ноги флотоводца,
Я тогда был в соседку влюблён.
Мне на небе как в бездне колодца
Отражался серебряный клён.

Клён разросшийся гибкою веткой
Бил в открытое настезь окно,
Где с косичкою русой соседка
Моё имя склоняла давно.

И тогда до истерик, до дурки,
Изучив скорбный вид сквозь очки,
Верный друг приносил мне окурки,
По помойкам искал мне бычки.

И... легчало от первой затяжки,
«Трын-трава» - от второй говорил...
В бликах солнца, поправив подтяжки,
Надо мной воспарил Гавриил.

Он одёрнул замызганный батник,
С плеч стряхнул два прилипших пера,
Тем архангелом был голубятник,
Он кормил голубей по утрам.

Гавриил, белобрысый наш Гришка,
Хмырь болтливый, а значит меня
Встретит гнева отцовского вспышка,
Ритуальная пляска ремня.

И тогда, после третьей затяжки,
В Гавриила швырнул я бычок.
И слетела с макушки фуражка,
И стрельнул чёрным гневом зрачок.

И когда как Христос на Голгофу
Шёл домой, миновав частокол,
Проплыла мимо русая Софа,
Как звезда на небесный престол.

И мне что-то шепнула соседка,
И я что-то не к месту сказал.
Мы молчали. В саду над беседкой
В чистом небе сверкнула гроза.

Прославляли весну коростели,
Между туч крался мутный желток,
На короткие дни и недели
Две души завязав в узелок.

Но... однажды услышал: «Володька».
Это был флотоводец – моряк.
Он кричал мне: «Володенька, подь ка,
Расскажу тебе разный пустяк.

Может быть не настолько он мальй,
Пустяком может не назовёшь».
Морячок замолчал. Ветер шквалом
Гнал по улице пыльную дрожь.

Фонари словно цапли в болоте
Погружались в разросшийся шквал.
Я стоял. Как в рулетке из сотен
Всё один вариант выпадал.

И сосед, мой герой одноногий,
Опираясь на шаткий протез,
Выжидал. И на узкой дороге
Жизнь меняла значенье и вес.

И услышал: «Дружище, намедни,
Обуял моряка пьяный транс,
Я побрёл-похромал на последний,
В синима на последний сеанс.

С педантичностью глупой немецкой
В кассу встал. Взял билет. Влез в беду.
Мы храним, Вовка, с Первым Стрелецким
Как араб с иудеем вражду.

За сараями стенка на стенку
Мы сойдёмся. Зовут пустыри.

Завтра вновь кулаки да коленки
Кровью скрасят оттенки зари».

Я вспылел: «Ты меня только, право,
Не записывай в дикую рать.
Не хочу за бойцовскую славу
До костей кулаки разбивать!»

Но ответ был: «На первом стрелцеком,
Где берёзок унылый купаж,
Твою Софу мозгаль молодецки
Взял с фарватера на абордаж.

И девчонка такому пассажи
Улыбаясь, ладьёй поплыла.
Ты ищи дорогую пропажу
У реки, где горюет ветла.

Где весеннею белою вьюгой
Тополя осыпают причал,
Потерял ты, Володька, подругу,
Как ногУ я свою потерял».

И ударили в мозг реки крови.
И ладонь превратилась в кулак,
И поднявшись отчаянью вровень,
Я не мог совладать с ним никак.

И сказал: «Да, давно наши предки
Били Первый Стрелецкий. Не нам
Доедать от победы объедки,
Соберём свою рать по дворам».

Мы пошли в тусклых красках заката,
Флотоводец скрипел и хромал...
Помнишь, Марьяна Роцца, когда-то,
Чтил я грязных дворов ритуал.

2

Ровесник сотворенья мира
По тротуару гонит воз,
В тулупе из заплат и дырок,
Не взглянешь на него без слёз.

Старьёвщик, мой старьёвщик милый,
В телеге катится своей.
И ржание гнедой кобылы
Мне лечит сердце как елей.

По мостовой стучат копыта
Скрипят колёса на оси,
Давно втянув меня в орбиту
Умом не познанной Руси.

Заржала низенькая кляча,
Свернул старьёвщик в пыльный двор
Господь, ты вору дай удачу,
А без удачи вор не вор.

И я из тёмного подвала
Умело, как багдадский вор,
Тащу палас, и покрывало,
И молью съеденный ковёр.

И вот уже близка удача,
Крадусь по темноте как рысь.
Но третий раз заржала кляча,
И чёрный грач сорвался ввысь.

Со всею неподъёмной ношей
Упал, вскочил и вновь упал.
Я мог ещё бы стать хорошим,
Но гаснут свечи, кончен бал.

Стоит заплаканная Софа.
Двор опустел. Исчез старик.
Как мне вместить в скупые строфы,
Всё, что я пережил в тот миг.

Качнулась поздняя рябина,
Закат над крышею погас.
И сердце стало мягче глины
От девичьих зелёных глаз.

Бросает мне она, что слишком
Сильны в пустой башке ветра,

Что я испорченный мальчишка,
Что мне забыть её пора.

И я молчу не возражая,
Любовь упрёк бросает мне,
Так от соседского ножа я
Стоял, припав к сырой стене.

О, Марьина святая Роща,
На несколько дворов страна,
Где мальчуганом с кошкой тощей
Сажу у тёмного окна.

А за окном летят куда-то
Ветра. Слепли фонари.
По крыше дождь стучит стаккато,
И в грязных лужах пузыри.

И дождик шепчет мне украдкой
Не о соседке, а о том,
Что мёрзнет под мостом лошадка,
Старик зарезан под мостом.

07.06.2016

НА КРУГИ СВОЯ**Семейная хроника***(продолжение)*

«Это не написано, это наговорено на диктофон.

Сколько он успел...»¹

Все мы родом из детства.
Антуан де Сент-Экзюпери

Рано или поздно все возвращается на круги своя. Так устроена жизнь. Так об этом сказал Экклезиаст, и мне хотелось бы тоже вернуться на круги своя, вернуться на свою родину, в то место, где я родился.

Моя бабушка родом из купеческого семейства Самохиных. Это довольно известная купеческая семья. У них были свои дома в Лялином переулке, в Подсосенском, и бабушкин отец, мой прадед, Семен Данилович был серьезным купцом. У него было свое дело, как тогда называли. Он был печник.

Вообще русскому человеку свойственно начинать от печки. Печка — это центр жизни. Мы живем в холодной северной стране. Печка — это наш очаг, спальня, кухня, и, когда надо, баня. Это наше спасение. Это наша лечебница. Все крутится вокруг печки. И в России, на Руси в избе, в истоке, главная была, конечно, печка. Вот знаменитая русская печь; ее удивительная конструкция, вьюшки, ее дымоходы, ее умение держать тепло, ее красота, и функциональность идеальная. За печкой жили животные. На печке лежали дети, бабушка, дедушка. Печь — это главный источник благополучия. Все, что есть в печи, все на стол мечи. Печники были всегда уважаемыми людьми в Москве. Нужно построить печь, чтобы она не дымила, была красивая, экономно расходовала дрова, долго удерживала тепло, — масса нюансов.

Кроме того, Москва всегда был пожароопасный город, и печники даже селились в отдельных местах. Например, на Поварской, где были царские стольники, скатертники, хлебники, там был и Трубниковский переулок. Некоторые почему-то утверждают, что

¹ См. Сын об отце. Вып. 7-8, 2014.

Сергей и Кирилл Столяровы

Трубниковский переулочок происходит от слова «трубы». Но что, собственно, трубить-то? Холодно зимой. Поэтому надо печь топить. А чтобы не случилось каких-то неприятностей, необходимо эту печку чистить. Трубники, трубочисты — почитаемые люди на Западе, трубочист — это особый человек, вот созданием этого уникального, чисто национального произведения — русская печь, и занимались печники.

Семен Данилович был большой мастер. Вероятно, это ремесло к нему пришло по наследству. Он был поставщиком печей для Большого театра. Я помню эти печи. Не знаю, после реставрации сохранились они или нет. Это были такие же печи, как у нас в доме, те, которые поставил Семен Данилович Самохин для своей дочери и для своего зятя. Великолепный образец эстетики печной. Печи трехзеркальные выходили на три комнаты. Дом строили для себя. Было несколько печей в доме. И когда к нам приходили наши знакомые, в частности

такой замечательный художник Эмиль Виноградов, он был главным художником театра Вахтангова, театра Моссовета, восхищался этой красотой, эlegantностью, простотой, изяществом, каким-то аристократизмом этой печи.

Семен Данилович был замечательный, оборотистый человек. Он как-то сумел так прожить жизнь, что, когда всех ограбили, в частности, Константиновых, всё отняли: и банки, и магазины, он где-то сумел спрятать какие-то деньги; и его семья жила относительно благополучно во времена нэпа.

Бабушка иногда даже завидовала Самохиным, а это ее ближайшие родственники. Ее брат Николай был женат на Александре Будеровой. Будеровы тоже купцы. Они делали мебель в стиле Буль. У нас стояла в гардеробной мебель: великолепный шкаф красного дерева, двухметровое чудесное зеркало, внизу ящик, открывается дверь — и там множество можно повесить одежды, и огромное количество мелких ящичков, секретеров, совершенно уникальных. Этот шкаф всегда меня привлекал. Там лежали замечательные ценности, к которым меня не всегда допускали. Там лежало самое дорогое, что было у бабушки, — свадебные свечи, которые горели у них в руках, когда они венчались в храме Николая Чудотворца. Вот эти свечи лежали, остались. Флёр д'оранж — фата. Там лежал бабушкин страусовый веер, корсет, который я нещадно потрошил, он был сделан из китового уса. Там было много тайн. Однажды одну тайну такую раскрыл дед. Он достал пакет, перевязанный ленточкой, аккуратно развернул его и вынул погоны поручика, золотые погоны с вытканым инициалом «НII» — «Николай II». Обратная сторона была зеленая, из такого бильярдного, что ли, сукна, немножко побитая молью. Но больше всего меня поразило даже не само золото погон, а тот запах, который от них исходил, какой-то удивительный, таинственный запах, расшифровать который я до сих пор не могу. Иногда запахи могут сказать гораздо больше, чем любое изображение, любое слово. Этот запах остался у меня на всю жизнь. Там была тайна прошлой жизни, прошлых поколений. Это немножко пахло нафталином, немножко — лавандой, какими-то еще, совершенно нездешними запахами. Вот эти погоны с царским вензелем.

Там лежала дедовская каракулевая папаха, с кокардой. Кокарда меня потрясла особенно. Это было в 40-м, наверное, году. Кокарда — это был признак белогвардейщины, почти было запрещенное дело — кокарда, и лежала такая шпага, что ли. Дед был не строевым офицером, он работал по интендантской части, такая парадная шпага. Мне шпагу эту не дали, но дали ножны от этой шпаги. Я их схватил, был страшно счастлив. Дед и отец смотрели на меня. Это было ле-

том. Светило солнце, чудесная погода. Я с этими ножнами от шпаги, кричал: «За Родину! За Сталина!» Дед грустно улыбался.

* * *

Мой прапрапрадед и вообще первые Константиновы поселились на Басманной, рядом с Разгуляем. Я был потрясен, когда увидел замечательные книги — «Жить», «Жизнь», «Жительство», — книга, составленная архимандритом Дионисием. Потрясающая книга. Я увидел моих родственников. Там была межевая комиссия, которая подтверждала земельный участок Покровского поселения. Тогда Покровское еще не входило в черту Москвы. Это было Подмосковье. Покровское, Дворцовая слобода принадлежало Романовым. Вообще Покровское существует чрезвычайно давно. Но это особый разговор. Имя моего прапрапрадеда Михаила Константинова впервые упоминается в этой межевой грамоте.

У меня сохранилась фотография Михаила Константинова. Он, наверное, был из городских жителей, из мещан, был москвичем, и начал свое дело очень рано. Потому что фирма существовала с 1831 года, еще до отмены крепостного права. Михаил Константинов эту фирму создал. У него была своя контора, своя лавка. И быть купцом 2-й гильдии в Басманной части — это серьезное дело. У него было несколько сыновей, в том числе вот мой прадед Григорий Михайлович, и старший брат — Яков Михайлович. Яков Михайлович Константинов — тот самый человек, который впервые поселился на землях, принадлежащих храму Николая Чудотворца.

Только в 1869 году, по-моему, было разрешено сдавать эту землю под стройку. И вот первый, кто построил там дом, был брат моего прадеда Яков Михайлович Константинов. Был установлен договор, который долго и очень тщательно составлялся. Ему было разрешено поставить дом под железной крышей, каменный низ, там была лавка, и деревянные покои. Это типично московский дом. Впоследствии мой дед построил для своей семьи тоже такой же дом.

* * *

Почему дома московские строились деревянные? После пожара 12-го года ведь почти все дома новые, которые делал, допустим, архитектор Бове, Жилярди, они внешне делались под камень, но по сути это были деревянные дома. В деревянных домах в России лучше жить. Они более здоровые. Климат холодный. И не было парового отопления. Поэтому самая страшная болезнь, которая была в России, — чахотка — от холода, от сырости. В каменных домах неуютно. Низ — для прислуги, для кухни, для прачечной, дворницкая, где жили

горничные, — каменный. У нас дом 102, он не строился, как лавка, он строился, как частный дом. Этот дом делал один из замечательных архитекторов, очень популярный, который строил такие дома. При чем называлось это строение — бельэтаж. Чудесный дом такой на Проспекте Мира построил для себя архитектор Баженов. Бельэтажный дом, но он уже был в камне, такой как бы европейский изыск. А этот дом мой дед построил, построил в 904—905-м году, когда они поженились с моей бабушкой.

* * *

Москвичи того времени, жили как-то коммунарами, пытались поселиться там, где уже были свои. Константиновы поселились на Басманной. Самохины жили на Покровке в Лялином переулке, в Подсосенском. Дудеровы жили там же недалеко.

Купцы выбирали своим сыновьям и своим дочерям пару с тем, чтобы и дело развивалось, чтобы и люди были порядочные. Фирма Константинова существует с 1831 года. Это о чем говорит? — О том, что не воровали там. О том, что это была честная торговля. О том, что продукт, который готовили они там, отличался удивительным качеством. Константиновы, в частности, отец иногда в шутку смеялся над матерью — «колбасники». Он-то был беспризорник из села Беззубово, так сказать, пролетарий, а они вот были купцами. Ну и константиновская колбаса славилась в Москве. Это что за продукт? — Это твердая сухая колбаса, которая делалась по особой технологии. К сожалению, секрет ее утрачен, остались, некоторые детали. Но это, прежде всего, отбиралось качественное мясо, в основном мясо быка, гусяное мясо, свинина. Это мясо с добавками ингредиентов обрабатывалось, коптилось и потом как-то благородно выдерживалось, что ли, на армянском коньяке. Прадед Григорий Михайлович занимался снабжением. Он доставал продукты, привозил их на фабрику, на производство, там была коптильня, там были специальные такие шкафы, где выдерживали колбасу. Колбаса была совершенно удивительная. Потом пытались сделать аналог — так называемая кремлевская, микояновская, колбаса — до войны. Бутерброд с такой колбасой стоил столько, сколько бутерброд с черной икрой. Но это была все-таки не та колбаса. Был утрачен вот этот личный, что ли, интерес в этом продукте. Ведь специально от Шустова из Армении в огромных бутылках, я просто видел эти бутылки, они стояли у нас на чердаке, огромные, в мой рост бутылки, оплетенные ивовыми прутьями. На этом коньяке выдерживали долго эту колбасу. Она становилась твердой. Когда ее резали тонкими кусочками, она была прозрачной, светилась насквозь. Вкус был

совершенно упоительный. Колбаса была продуктом уникальным. И вот на бренде магазина, на вывеске, «Колбасная торговля» — было написано с гордостью. Это не какая-то там немецкая колбаса, сосиски с капустой, а это было русское изобретение. Почему я говорю, что русское? — Потому что не было холодильников. Были большие переезды. Самолетов не было, да и поездов было не много. Поэтому люди часто ездили в каких-то санях, тележках, экипажах. Это были длительные переезды. И иметь с собой качественный продукт, который бы не портился в дороге, это было очень важно. Поэтому эта колбаса особенно ценилась. По вкусу, и по сохранности, и по тому аромату, неповторимому совершенно, который был в ней, — вот эти все качества делали этот продукт совершенно уникальным. Поэтому у прадеда было два магазина. на Покровской улице — с правой и с левой стороны.

* * *

В одном из наших магазинов открыли первый салон по продаже автомобилей. Там продавали «Победы» — тот самый легендарный автомобиль и немецкие «Опели». В будущем они назывались «Москвичи». Но это были просто немецкие «Опели», вывезли завод и производили здесь. Там продавали велосипеды, «ИЖИ» — мотоциклы. Мы забегали туда, смотрели. Это было потрясающее зрелище. Не знал я, что это наш магазин. И однажды бабушка, я, наверно, учился во 2-м или 3-м классе, пришла за мной, по-моему тогда отменили карточки и открыли первые коммерческие магазины. И напротив нашего магазина, где продавали автомобили... Кстати, в этом магазине свой первый автомобиль купил студент МХАТа Алексей Баталов. Он об этом говорил по телевидению и мне рассказывал. Купил автомобиль на деньги, которые дала его матери Анна Андреевна Ахматова, чтобы он прилично выглядел, студент, купил бы себе костюм. Вместо костюма он купил себе вот автомобиль в нашем магазине. Так вот, напротив этого магазина стоял другой магазин. И бабушка взяла меня за руку и повела в этот магазин. Это было наше первое посещение коммерческого магазина. Там была икра, ветчина, балык, лососина, то есть то, что мы никогда не видели и есть не могли. И цены были совершенно фантастические, заоблачные. Но об этом написано у Булгакова в романе «Мастер и Маргарита». И там тогда на последние деньги, которые у нее были, она купила два пирожных, одно мне. Я до сих пор помню это пирожное. Она с таким трепетом мне его передала. Для нее, наверно, это очень много значило. Это как бы возвращение на круги своя, туда, в детство, когда было все — было пирожное, была прекрасная жизнь.

Бабушкины приятельницы, старушки собирались, вечером приходили, не в дверь стучали, а под окном. Это был условный стук. Бабушка их встречала. И каждая из этих бывших людей, как они себя назвали — «мы бывшие», приносила что-то. Кто-то постный сахар, кто-то хлебушек, кто-то селедку. А одна, Анна ее звали, Нюшка, всегда приносила керосин. Где-то у нее была возможность достать этот керосин. Бабушка наливала керосин в огромную стосвечовую лампу керосиновую, которую поднимали, как люстру, зажигала ее. И освещался стол, и они вспоминали минувшие дни, вспоминали людей, которых они знали, говорили о тех, в кого были влюблены. Бабушка говорила: «Вот наш Сергей. Не знаю. Не знаю. Вот наш Всеволод...» Всеволод — это брат деда. Он умер от чахотки. Красивый молодой человек. «Вот наш Всеволод несколько не хуже». Отец был тогда чрезвычайно популярный человек после картин «Цирк», «Василиса Прекрасная» и других - символ был страны, России того времени. Все эти беседы проходили шепотом. Эти люди были напуганы патологически раз и навсегда, и разговаривали только шепотом. Все время на полную мощность работал репродуктор картонный. Он работал и день, и ночь. Его нельзя было выключить, потому что утром поднимали на работу в 6 утра, по нему объявляли воздушную тревогу.

И продолжалось уже накануне второй войны, в 41-м. Я это говорю потому, что здесь, вот на этом треугольнике, между Большой Покровской, Хапиловской и Николо-Покровским переулком царило удивительное отношение к памяти, к памяти не героев даже, павших за Отчизну, а просто простых людей, которые здесь жили, работали в этих полях, жили в этих домах, отстраивали Москву. Это были простые люди, те самые люди, силами, волею которых и строилась Москва. Москва не сразу строилась — это верно. Вот они строили этот город. Я говорю об этом с болью и с огромной благодарностью вот тем людям, которые охраняли эту память. Здесь, вот на этом треугольнике, вот на этом месте, которое я для себя называю Никольский погост, прошло все мое детство. Я про это не знал. Мы здесь бегали, играли в свои мальчишеские игры. И здесь потом уже, возвращаясь через многие годы, я понял, что это совсем для меня непростое место. Поэтому меня сюда влечет. Мне хочется думать об этом удивительном, небольшом, но духовно для меня чрезвычайно важном куске земли. И когда я прихожу и вижу, что здесь по-прежнему растет трава, бурьян, нет никаких построек, хранится память, и опять я невольно возвращаюсь на круги своя, к тем людям, которых я не знал, и они меня не знали. И я ничего не могу о них рассказать. Но память о них жива в моей душе.

Для меня в книге архимандрита Дионисия было одно удивительное открытие: первое здание, единственное, которое было построено, по-моему, в начале XIX века, и построено по необходимости, — домик-просфирня. Нужны были просфоры для службы, для деятельности храма, для того, чтобы совершался обряд моления. И вот одной из первых просфирен была, как выяснилось, бабушка великого русского драматурга Александра Николаевича Островского. Для меня это было удивительное открытие, подтверждение целого ряда моих размышлений о русском языке, о русской речи, в частности о московской речи. «Я учусь русской речи у московских просфирин», — говорил Пушкин, который учился говорить и писал свои первые стихи на французском языке. «А как речь-то говорит? Словно реченька журчит». Это журчание естественное русской речи, хранится и живет в Москве. В Петербурге появились всякие французские слова, обороты, построение предложений, часто с немецкой грамматикой схожие. Появились выражения, свойственные бюрократии, — бюрократизмы, которую загрязняли эту речь. Вообще, русская московская речь отличалась от петербургской, как отличалась речь, допустим, Малого театра от Александринского театра. Другое произношение. По-другому произносились некоторые слова. И школа русской речи, в частности даже в профессиональных учреждениях, в театральных училищах была особая. И московская речь была узнаваемая. Московские обороты, московские образы — это неповторимый источник и родник именно московской жизни. Ведь Москва всегда была некой антитезой официальному Петербургу. Москва — это был свой, исконный, рожденный древними обычаями, привычками, традициями, русский город. Он не был европейским городом. Как писал Есенин: «Золотая дремотная Азия опочила на куполах». Здесь встречались Европа и Азия, и рождалась Россия. Здесь в чистоте содержался великий русский язык, обороты русской речи, неповторимые образы русской речи. Здесь слагался тот самый русский речевой этикет, особый, который ты чувствуешь, узнаешь, то, что мы сейчас утрачиваем. Это речь, которая живет в душе народа, которая слагается и хранится народом. Это тот родник чистоты, понимания образа. Утратить язык — значит утратить свою самобытность, просто утратить нацию, утратить свою культуру. Я вспоминаю некие московские речевые обороты, которые жили в нашем доме, к несчастью, не записывал их, но мне запомнился какой-то чисто московский оборот, когда мне перешли рубашку, мне нечего было носить, и она оказалась велика. Бабушка увидела меня в этой рубашке и сказала: «Да что ж вы ему рубашку-то дали, как на Минина и Пожарского». И потом рубашку мне переделали.

Я так и не мог понять, а причем тут Минин и Пожарский. А при том, что это первый памятник, поставленный в Москве, который потряс москвичей. До этого памятники не ставились. Был кумир на бронзовом коне в Петербурге, но в Москве Православие хранило свою чистоту. И не было кумиров. «Не сотвори себе кумира» — это первая заповедь. И вот появились памятники. Появились они через 200 лет после подвига, который совершили гражданин Минин и князь Пожарский, через 200 лет, только в 1817 году, после изгнания французов, вспомнили героев и установили им первый памятник в Москве на Красной площади. Это был памятник великанам. И москвичи были потрясены. Такие огромные люди. Поэтому они спасли Отечество, поэтому они и спасли Москву. То есть это воспринималось впрямую. Минин и Пожарский — это некие Антеи, великаны, былинные герои. И поэтому рубашка-то была, конечно, огромная, на Минина и Пожарского. Я это говорю потому, что обретение русской речи, русского самосознания происходило и происходит не по чьей-то воле, не по воле каких-то институтов, которые издают орфографические словари, а только волей народа, волей поколений, который держит в душе, в памяти вот эти образы. И эти образы есть выражение всех чувств, их понятий. Потому что за каждым словом, за каждым звуком стоит огромная история. Я говорю, что даже звучание нынче другое. Сейчас мы слышим речь, когда поднимают концы: «Оставайтесь с нами!» — говорят нам. Это «Голос Америки». Это иностранное звучание русской речи ставит точку. И нас наказывали, когда мы говорили так, что вроде бы ставился знак вопроса. Нет. Точно, конкретно, известно. Я останавливаюсь на этом неслучайно, потому что действительно кудесниками русской речи были такие мастера, как Александр Николаевич Островский, Николай Лесков.

Я опять возвращаюсь на круги своя, в детство, в то время, когда была война, не было электричества. Не было телефонов, телевизоров, Интернета — ничего не было. Был только один картонный громкоговоритель, который не выключался никогда. Утром он поднимал людей на работу, ибо опоздание на работу грозило арестом, а иногда и расстрелом. Он сообщал нам последние новости. Он сообщал нам о тех событиях, которые происходили на фронте. Это была информация. И это еще было звучание, как ни странно, вот в то суровое, мрачное, ужасное время, звучание замечательной русской речи. Тогда на радио работали крупнейшие мастера. Тогда даже было такое звание — мастер художественного слова. По радио звучали выступления Качалова — он читал Пушкина, Достоевского. Выступали лучшие русские артисты. По радио передавались лучшие детские передачи, которые являются классикой до сих пор. Я

вспоминаю эти радиоспектакли, «Клуб знаменитых капитанов». Там был и Осип Абдулов, Ростислав Плятт, Всеволод Ларионов. По радио были лучшие детские сказки, передавались лучшие спектакли. Например, спектакль Художественного театра «Три сестры» я несколько раз слушал по радио в постановке Немировича-Данченко. В 43-м году были поставлены вторично «Три сестры». «На дне». Особенно поразил меня спектакль Малого театра «Волки и овцы». Я несколько раз слушал этот спектакль. До сих пор помню интонации Пашенной, которая играла помещицу Гурмыжскую, Рыжова, Владиславского, Чугунова. Эти спектакли были как живые. Не было другой информации, и поэтому воспринималась через слово, через речь та культура, которую несет русская драматургия, русская литература.

С. К. Столяров

(окончание следует)

Лёшкина лёжка

Ах, как трель птичья громко
Над излучиной всей!..
Зной.
Нейтралка.
Зелёнка.
Где-то там — Алексей.

Улыбается Лёшка
С погонялом Шахтёр:
Вышла славною лёжка,
Не заметишь в упор.

За спиною крапивы
Непролазной пласты,
Слева — старая ива,
Справа — топь и кусты.

Он лежит, незамечен,
За пожухлой травой,
Утром даже кузнечик
Не учуял его:

Выгнул длинные ножки
И присел у лица.
Следом — жук мимо Лёшки,
Не взглянул на бойца.

Терпеливый он, Лёшка,
Целый день недвижим.
Муха, бабочка, мошка...
Безразличен он им.

Что ж, они не в разведке,
Как Шахтёр. Рядом чиж
Бойко скачет по ветке.
Ну чего ты свистишь?

Твои песни некстати
В этот час, потому-
Что он нынче в засаде,
Не до песен ему!

Должен он, не филоня,
Передать в штаб о том,
Сколько пушек в колонне.
Ну а песни — потом.

...Резко вздрогнули плечи,
Стало сухо во рту...
Снайпер — он не кузнечик,
Углядит за версту.

Ночь.
Излучина.
Лёжка утопает в тиши.
Чиж умолк. Только мошка
Продолжает кружить.

Вот такое кино

Тут звенит звонок? Едва ли.
И линеек нет давно.
В школе, в простеньком спортзале,
Смотрят мальчишки кино.

Не за деньги смотрят — даром,
Не за рупь, не за мильён.
Школа — месяц как казарма,
А в казарме батальон.

На полу расселись прямо,
Без претензий, без обид.
На экране — Шварц с Ван Даммом,
Сигал,
Ли,
Сталлоне,
Питт...

Здесь нельзя быть не в экстазе,
Не открыть в восторге рот.
Как Арнольд врагов дубасит!
Как злодеев рвёт Жан Клод!

Брэд замочит всех в округе,
У него есть огнемёт.
Ну а Стивен из базуки
Обезвредит целый взвод.

То и дело фразы с места
(Знать, бойцы вошли во вкус):
«Я балдею от Сильвестра!»,
«Зацени, что сделал Брюс!».

Будет в плеере крутиться
Старый диск за часом час,
А кумиры биться, биться...
А потом придёт приказ:

«Бой... Прорыв у террикона...
Где разведка, мать её?...
Град...
Обстрел...
Бронеколонна...
Батальон, подъём! В ружьё!»

Слышишь из-за поворота
Этот скрежет, этот гуд?
Без базук, без огнемёта
Там мальчишки танки жгут.

Я — наган

Я был рождён как пистолет —
Не саблей, не пращой.
Мне очень-очень много лет,
Да, мне уже за сотню лет,
Но послужу ещё.

Ведь, как и прежде, мой курок
Изгибом крут и зол,
Не сточен временем боёк,
Стальной проверенный боёк,
И смазан маслом ствол.

Я помню ночь на тыщу ватт
И день черней угля,
И в брата шлёт три пули брат,

Свинцовых пули — в брата брат,
Он из меня стрелял.

В подвале штаба Колчака
Я метился в шинель
Седого дядьки из ЧК,
Казак сказал, что из ЧК.
Все пули — точно в цель.

Что дальше? В памяти забор,
Норильск, барак, февраль...
Когда чуть сзади и в упор,
В затылок — резко и в упор,
Промажете едва ль.

Теперь я стар. Но я солдат
И вот о чём прошу:
Хочу туда, где целит брат,
Сегодня в брата целит брат.
Я честно послужу!

Гуманитарка

«Разбирай, братва, подарки!» —
Слышен крик.
«Это к нам с гуманитаркой
Грузовик».

Нервный смех у ополчения —
До слезы.
Ладно б тонны две печенья,
Колбасы.

Пусть газводы — «Буратино»
И «Дюшес»,
Пусть сгущёнка, буженина,
Майонез.

Ну, варенье, ну, бананы,
Кетчуп, сыр,
Помидоры, баклажаны,
Ну, кефир.

Хрен с ним, выпьем. То же — с чаем,
Выпьем квас...
Но тампоны получаем
В первый раз.

Это ж, братцы, непорядки,
Стыд и срам!
Глядь: а там ещё прокладки —
Что для дам.

Вот бы знать до подноготной,
Чья вина,
Но берёт тут слово ротный
Старшина:

«Хватит ржать, не на концерте,
В рот фугас!
Я ж для вас старался, черти,
Мой заказ.

Чтоб иметь сухую пятку,
Богатырь,
В берцы стелькой ложь прокладку,
Когда сырь.

Хоть кого о том спросите,
Дикарьё.
А тампоны берегите
Для боёв.

Миной кроют — не до цирку,
Есть закон:
Прилетит в тебя — ты в дырку
Суй тампон.

Вы ж, ребята, не в горпарке,
Тут война...»
Знает толк в гуманитарке
Старшина.

Разговор с пленным

Он приткнулся в углу, на матрасах —
Молодюсенький, двадцать не дашь.

Бинт на шее, синяк возле глаза
И в засохшей грязи камуфляж.

Миска с кашею.
Кружка с водою.
На часах — с карабином казак.
«Эй, герой! Со вчерашнего боя?»
Приподнялся малой:
«Точно так».

Неприятна у хлопца фатера,
Свет скупой из-под самых стропил...
«Получается, из БТРа
Ты по мне разрывными лупил?

Дело прошлое — всей нашей роте
Было жарко от вашей брони».
Пожимает плечами:
«Выходит,
Я стрелял по тебе. Извини.

Но и вы наподдали рассолу,
С двух «шмелей» взяли нас на прицел.
Вот тогда и убило Миколу,
А Толян в БТРе сгорел».

Зуб за зуб или око за око...
Так, кажись, испокон говорят?
В том бою потеряли мы Дока
И трёхсотыми пару ребят.

Дать за Дока бы в лоб со всей дури,
Так домой Док хотел к декабрю!
Держит что-то однако.
«Закурим?»
Виноватый смешок: «Не курю».

Не идёт разговор. Между нами
Боль.
Война.
Окаянные дни...
«Мне б короткий звонок... Мне бы маме...»
Достаю телефон: «Позвони».

На привале

Чудно:

Считали, что покатит,
А взяли к ночи с гулькин шиш.
Взвод закрепился в старой хате,
Сарай сараем, а поди ж...

На крыше толь, на стенах глина,
Ворота вкось... Но боже мой:
В углу, у койки, — пианино.
Откуда?
Как?
Кому?
На кой?

Притих устало ратный табор,
Когда привал, — какой азарт?
От печки хриплый бас начштаба:
«Отставить сон. Давай, Моцарт!»

Не увильнёшь, коль старший в теме,
Коль знает он про твой талант.
Вздыхнул боец в потёртом шлеме,
Артём.
В той жизни — музыкант.

А в этой — снайпер он. От бога,
Как говорится, высший сорт.
Сел Тёма, клавиши потрогал.
Аккорд, другой, ещё аккорд...

Чудно:

Рахманинов — в сарае!
Гудит начштаб, усами рыж:
«Вон что, зараза, вытворяет!
Всего семь ноток, а поди ж...»

Не счесть талантов у артиста,
С таким на службе благодать.
Ему что сбачать чардаш Листа,
Что часового с вышки снять.

Бьёт в точку — если без помехи,
Будь цель в окопе, будь в траве...
Там, где приклад у эсвэдэхи,
Зарубки.
Счётом — тридцать две.

Дым у ставка? Шумок в низине?
Шмальнёт разок — в низине тишь.
Чудно:
Патронов в магазине
Десяток только.
А поди ж...

Про пулю

На гражданке оно как?
Коль собака, значит, Жуля.
А на фронте всё не так,
Псина здесь зовётся Пуля.

Пульку взяли в танк щенком,
С ней в прорыв, с ней отступали...
Не была б она с хвостом,
«Дочь полка» её б назвали.

Пёс иной: сработал Град —
Тут же рёв а-ля белуга.
Пуля — нет, иной расклад,
Боевая вышла сука.

Смерч ударил в капонир?
Где-то залпы Урагана?
Перелёты от Рапир?..
Пуле всё по барабану.

Да и то: военный стаж
У собачки стал богатым.
Но когда она — в блиндаж,
Значит, кроют сто двадцатым.

Ухмыльнётся часовой:
Что такого в вое минном?
А она под этот вой
Вспоминает дочку с сыном.

...Был апрель. Был вечер тих.
И под хатой малоросской
Принесла она двоих:
Тот — с пятном,
А та — с полоской.

Ух, и тешился народ,
Сам майор включился даже:
«Поздравляю славный взвод
С пополнением экипажа!»

Дальше — мощный артралёт,
Два часа в чумном угаре,
Бил тяжёлый миномёт.
Как понять, куда ударит?

Утро.
Греется мотор.
Прикопав кутят у кадки,
Пот с лица смахнул майор:
«Не люблю я стодвадцатки».

Над колонной след ракет,
Танки, взыв, вперёд рванули.
В башне, где боекомплект,
На брезенте плачет Пуля.

Храни меня. . .

Ядрён комбатов перегар:
«Брат, касок нет совсем.
Трофейный, вроде, был кевлар,
Поглянь у ПКМ.

Ну что, берёшь?»
Беру, комбат,
Кевлар бойцу броня.
А там три слова — где подклад:
«Христос храни меня».

И кто же, палец сняв с курка,
На каске жёт тавро?

Андрей, наводчик «василька»?
Телефонист Петро?

Максим ли, Ян крестили лоб
Под гуд свинцовых ос?
Шептали, падая в окоп:
«Храни меня Христос».

Витёк-танкист,
Тарас-начкар,
Корректировщик Стас...
Кому из них помог кевлар?
Кого из них не спас?

Где ты жужжишь, моя оса,
Отсчитывая дни?
Трофей надвину на глаза:
«Христос меня храни».

Челябинск, 2015–2016 гг.

ПРОВОКАТОРЫ¹*Повесть*

Глава 9

Когда начался погром мэрии, Павел Одинцов попытался остановить толпу, уговаривая наиболее решительных и громогласных не поддаваться на провокации, но, когда толпа ворвалась в здание, он понял всю бессмысленность своих попыток и бросился бежать в милицию. К его удивлению дверь в милиции была плотно закрыта, а на его настойчивые звонки никто не отвечал.

— Странно, — подумал он, — они что, вымерли? Нет, эти скоты точно знают, что происходит в городе и специально попрятались в своей норе.

В это время дверь слегка приоткрылась, в образовавшуюся щель высунулась, чья-то изрядно помятая, полупьяная рожа и,дохнув на Павла перегаром, спросила:

— Зачем припёрся? Зачем беспокоишь людей? Кроме меня нет никого.

— Да где же все, где начальство, чёрт побери? — вскричал Павел.

— Не ори, ночью все уехали в область, там вроде, как будто что-то назревает, вот и вызвали всех для поддержания порядка, так, что иди, иди с миром, — ответила заспанная морда и скрылась за дверью.

— Да катись всё к чёртовой матери, если властям всё равно, то мне и подавно, — и, махнув на всё рукой, Павел направился в сторону от центра, где в это время молодчики в чёрном громили магазины и жгли автомашины.

Павел долго бесцельно бродил по улочкам городка, пока не вышел к вокзалу.

— В привокзальном кабаке всегда мало народу, там можно выпить водки, тихо посидеть, никто с разговорами в душу не полезет, — шагая по привокзальной площади, подумал он и, погрузившись в свои тревожные мысли о том, что будет дальше с участниками беспорядков, не заметил, что за ним, вот уже минут тридцать идет какой-то невзрачный тип в серой поношенной куртке и надвинутой на глаза помятой шляпе.

¹ Продолжение, начало в № 50.

В зале ресторана прямо у дверей за двумя столами, в окружении целого выводка цыганят, сидели пять или шесть цыганок и пили чай, чуть дальше у окна, в ожидании поезда, расположились три деревенские бабы с корзинами из-под грибов и несколько мужиков с баулами, перед которыми стояло два полупустых графина водки.

Павел прошёл в самый дальний конец зала и сел за свободный столик.

— Бутылку столичной, холодец и гуляш, — не глядя в меню, заказал Павел подошедшему круглолицему официанту.

— Ишь, харю наел, присосался к дармовой кормушке, не оторвать, — глядя на лоснящееся лицо официанта, раздражённо подумал Павел и добавил:

— И не тяни kota за хвост, подавай всё сразу.

— Как скажете, через две минуты всё будет на вашем столе, — осклабился парень.

Не успел Павел оглядеть зал ресторана, как на его столе появились графин с водкой и холодец.

— Гуляш через десять минут, не возражаете?

— Не возражаю, — отрезал Павел и, налив полный фужер водки, залпом выпил её и, закусив холодцом, тут же налил ещё.

— Для начала триста в самый раз, — подумал Павел и одним глотком выпил водку.

В это время в зал ресторана вошёл мужчина в серой куртке, снял с головы помятую шляпу, и, оглядев зал, прямиком направился к Павлу. Подойдя вплотную к столику, он, не спрашивая разрешения, уселся на свободный стул. Затем, глядя в глаза Павлу, представился:

— Жора, свободный художник.

— Где волосы-то потерял, свободный художник? — оглядывая Жорину лысину, с издёвкой, спросил Павел.

— На бытовом фронте, — не замечая издёвки, улыбнулся Жора.

— Ты вот скажи мне, свободный художник, в чём заключается человеческое счастье и почему одни счастливы, им всегда везёт, а другим постоянно с самого детства не везёт, а значит, и счастья нет? — наливая в чистый фужер водку, слегка заикаясь, спросил Павел и добавил:

— Ответишь — выпьешь, нет — прости.

— Послушайте, как вас там... — начал Жора.

— Павел.

— Так вот, Павел, выпивку я могу заказать и сам, но сначала отвечу на ваш вопрос. На мой взгляд, счастье человека заключается в его постоянной борьбе — борьбе с самим собой, то есть с искушениями, в борьбе с проблемами, которые возникают перед ним, и, наконец, с недугами, особенно если они унижают человеческое достоинство, — глядя Павлу в глаза, ответил Жора и, подумав, добавил:

— Но, чтобы бороться, у человека должна быть цель в жизни, или много задач, которые он ставит перед собой, понял?

— Хорошо сказал, но давай сначала выпьем, а потом я расскажу тебе о своём друге, который успешно решал свои задачи, добивался результатов, а счастья так и не добился.

Они выпили, и Павел продолжал:

— Был у меня школьный друг, очень устремлённый человек, — поставил для себя задачу, обязательно выполнит её. Так вот, из-за пьющего и буйного отца он решил закалить себя, овладеть восточными единоборствами и многого добился, уже к окончанию школы получил пятый дан и стал чемпионом Москвы среди юношей. А всё для чего? Вот в чём вопрос.

— И для чего же? — поддакнул Жора.

— А для того, чтобы усмирить отца, прекратить его запои и установить мир в семье. Как ты думаешь, получилось у него?

— Думаю, навряд ли, сделать другого лучше против его желания неподъёмная задача, большинство из нас не желают совершенствоваться, зачем, когда и так хорошо, — усмехнулся Жора.

— Ты прав, но мой друг понял это слишком поздно и оттого в душе его сидит большущая заноза, которая не даёт ему покоя ни днём, ни ночью, — скрипнул зубами Павел и, стукнув по столу кулаком так, что часть посуды упала на пол, продолжал. — Но тогда моему другу до того обрыдло пьянство отца, что он решил не давать ему опохмелиться и не выпускать его из дома до тех пор, пока тот окончательно не придёт в себя от очередного запоя, а затем уже трезвого уговорить его бросить пить.

— Нормальное решение.

— И моему другу казалось так же, да только сердце отца не выдержало, и он умер от инфаркта, а когда приехали врачи, они заявили, что если бы отец вовремя опохмелился, то инфаркта не было бы. Но это ещё не всё. Через год его мать умерла от цирроза печени, как он потом выяснил, она уже много лет по ночам вином снимала стресс. Оставшись один, мой друг поставил себе новую задачу — поступить в военное училище и стать офицером. Отучился, женился, казалось бы, всё хорошо, но эта сука вскоре бросила его, заявив, что ей надоело быть соломенной вдовой, вдобавок, присвоив квартиру, выгнала его на улицу. Судиться с неверной женой, он посчитал ниже собственного достоинства, вместо этого напросился в Чечню, отличился в боях, получил тяжелейшее ранение и был по инвалидности списан из армии, — тяжело вздохнув, Павел плеснул в фужер немного водки и молча выпил.

— Думаю не всегда решённая задача приносит желаемый результат, есть люди, которым от рождения противопоказана борьба, а они

этого не понимают и оттого с годами становятся несчастными, — резюмировал Жора и, пристально глядя в глаза Павла, вдруг спросил:

— Говорят это ты организовал погромы в городе, это так?

— Ты, что офонарел? Или офуел? Кто говорит, отвечай! — вскинулся Павел.

— Как сказал Господь наш — «Имеющий уши да услышит» — усмехнулся Жора.

— Ты кто? Мент вонючий или продажный газетчик? Да я тебя сейчас здесь, гнида, размажу, — прошипел Павел.

— Успокойся, ни тот и ни другой, меня прислали хорошо известные тебе люди, чтобы я рассказал всем, как всё было на самом деле, — ответил Жора.

— И что же эти за известные люди? — слегка заплетающимся языком, спросил Павел.

— Не будем называть фамилий, но имя Николай из Москвы тебе наверняка известно? — ответил Жора и, помолчав, добавил:

— Позвонил он мне и попросил съездить и посмотреть, мол, там будут происходить какие-то важные события. Назвал твоё имя, вот так.

— Значит, Николай, вот суконец, ну я с ним поговорю... — тряхнул головой Павел и, прищурив глаза, долго вглядывался в лицо Жоры и, наконец, спросил:

— Значит, ты из их банды? Подставить меня решили, суки! Ну, я вам покажу!

— Успокойся, никто тебя не подставлял, наоборот решили тебя в это дело не вмешивать, как я понял у них совсем другие планы. Насчёт банды, ты это напрасно, хорошие, незашоренные ребята, я им просто помогаю, — ответил Жора и, положив перед Павлом визитную карточку, добавил:

— Если что пойдёт не так, звони, я помогу.

С этими словами Жора поднялся и вышел из-за стола.

— Рад был познакомиться с отличным мужиком, я обязательно о тебе напишу, — помахав на прощание рукой, улыбнулся Жора.

— Нет, ты постой и послушай, что я скажу тебе на прощание, — вы, газетчики, пишете, а ничего не меняется. Люди имеют в виду, что изблiчiнных прессой чиновников не сажают, даже не увольняют, и они продолжают воровать. Годами. О том, чтоб они сами подали в отставку, и речи нет. Дело в том, что наши министры, депутаты, губернаторы и прочие не признают своей моральной ответственности. И никакой другой тоже. Они бесстыжие. Власть в России ни разу, даже для виду, не подала в отставку, когда сотни людей гибли в результате государственных, правительственных ошибок. Вспомни первую чеченскую, из-за просчётов командования погибло огромное количество молоденьких салаг — и что? Ничего! А ошибка, как

говорил французский министр Талейран, хуже, чем преступление. Тем более не буду говорить о невероятном воровстве. Если они не стыдятся сотен жертв, станут ли они стыдиться воровства, исчисляемого всего лишь сотнями миллиардов долларов?

— Я тебе отвечу так! Пресса им совесть не пришлёт, — махнул рукой Жора и направился к выходу.

Павел долго рассматривал визитку, но буквы плыли перед глазами и он, бросив бумажку на стол, позвал официанта.

— Неси ещё и подай второе и салат, — махнул рукой Павел.

— Вторая поллитровка на одного не слишком много? — спросил подошедший Алексей Быданов.

— Чего стоишь? Садись за стол и разливай, — поднимая голову от стола, мрачно произнес Павел. — Может быть, тебе пока хватит? Сначала ты покушаешь, потом немного передохнёшь, а потом и выпьем, — предложил Алексей.

— Может быть, может быть, — раздумчиво ответил Павел.

— Между прочим, я ждал тебя дома, приготовил отличный омлет с ветчиной, думал посидим, помолчим, а потом пригласим девушек в кино, говорят, там идёт нечто с Бредом Питтом.

— Какое кино? К чёрту кино, лучше налей.

— Налью, но сначала ты съешь гуляш, — отрезал Алексей.

Поняв, что друга не переспорить, Павел молча взял вилку и торопливо съел остывшее блюдо.

— Ну, вот съел, наливай.

Алексей разлил водку в рюмки и подал Павлу.

— Послушай, я не в том настроении, чтобы пить водку мензурками, налей в фужер.

Алексей пододвинул к себе два фужера и наполнил их до краев.

— Так хватит? — глядя на своего мрачного друга, спросил он.

— В самый раз, — ответил Павел и одним глотком опорожнил фужер. — Вот это по-нашему, — закусывая салатом, добавил он.

— Можно и так, — одним глотком, проглотив водку, усмехнулся Алексей и внимательно оглядев Павла, приказал. — А теперь рассказывай, как весь этот бедлам мог произойти в этом тихом, далёком от политики, городке?

— Провокация! — воскликнул Павел. — Кто-то специально организовал беспорядки и погром.

— Но это же не ты и не твои люди? — спросил Алексей.

— Ты, что? Я бы никогда этого не допустил! — резко ответил Павел. — И потом, в нашем городке нет людей, способных организовать нечто подобное.

— Насколько мне известно, погром учинили приезжие ребята, притом явно профи — все были одеты в чёрный камуфляж, у каждого имелись резиновые дубинки и бейсбольные биты, — сказал Алексей.

— Это всё дело рук моего друга, Кольки Мохова, — сказал Павел.

— С древних времен известно — в политике нет друзей, есть попутчики, — усмехнулся Алексей. — Здесь явно чувствуется рука не только твоего друга, а опытного режиссёра и уверен, твоим городом дело не обойдётся.

— Может быть, и так, но наверняка меня обвинят во всех смертных грехах, и что мне делать в этой ситуации? — спросил Павел.

— Ничего не делать, люди видели, как ты пытался остановить разбушевавшуюся толпу. Всё, допиваем водку и идём домой, — тоном, не терпящим возражения, сказал Алексей.

— Нет, сначала я позвоню Кольке Мохову и скажу ему, что он мерзавец, — заикаясь, заявил Павел.

— Только не сейчас, ты по пьяни ещё брякнешь чего-нибудь лишнего, о чём потом будешь жалеть, — остановил его Алексей.

— Ладно, согласен, поговорю завтра и допрошу его с пристрастием, а если надо, поеду в Нижнегорск и на месте разберусь, что к чему, — согласился Павел.

Глава 10

Ещё издали они увидели милицейский уазик и молодого человека в штатском у калитки дома.

— Это за мной, — констатировал Павел.

— Тебе нельзя появляться в таком виде, это только осложнит дело, — сказал Алексей.

— Я уже проветрился и не настолько пьян, чтобы уклоняться от разговора, — парировал Павел.

— Хорошо, идём, но я буду всё время рядом, — согласился Алексей.

Пройдя ещё метров сто, Павел, глядя на молодого человека в штатском, воскликнул:

— Я его знаю, это помощник прокурора Иванцов.

— Тем лучше, значит, разговор получится, — заметил Алексей.

— Здравствуй, Иванцов, ты за мной? — подходя к молодому человеку, спросил Павел.

— Прокурор города хочет поговорить с тобой, Одинцов, едем, — строго посмотрев на Павла, ответил Иванцов.

— Меня, что, сначала в кутузку, а потом уж к прокурору?

— Нет, едем прямо к прокурору, арестовать тебя, Одинцов, мы всегда успеем, — усмехнулся Иванцов.

Павел сел в машину на заднее сидение и помахал рукой Алексею:

— Я скоро, жди.

— Я с вами, так, на всякий случай, — и, подтолкнув Павла, Алексей сел рядом с ним.

Городской прокурор Едвин оказался человеком простым, без показного высокомерия, так свойственного многим, обладающим властью, государственным чиновникам.

— Скажите, Одинцов, вы сами принимали участие в погроме?

— Я, что, сумасшедший? Я собрал народ, чтобы призвать власти города обратить внимание на бедственное положение людей и не мог даже представить, что кто-то может поджечь мэрию. Одно знаю, это были провокаторы, а кто их нанял, мне неизвестно.

— Верю, знаю так же, что вы пытались позвать на помощь нашу милицию, но весь личный состав оказался в отъезде. А теперь напишите всё, что вы знаете по поводу случившегося, — пододвигая чистый лист бумаги, попросил прокурор.

Затем, сделав эффектную паузу, добавил:

— Завтра в город придёт высокая комиссия, возможно, вас, Одинцов, пригласят ещё раз. На наше счастье мэра в городе не было, могли ведь и убить, вот тогда было бы совсем худо.

— Напишу всё, что знаю, но добавлю и то, что мэр совсем обнаглел, за любой пустяк берёт взятки, тем временем город чахнет, безработица растёт, а он ничего не делает, думает только о собственном кармане. Вот народ и взбесился, — неожиданно вскинулся Павел.

— Может быть, вы и правы, — неожиданно согласился прокурор, — да только всё это досужие разговоры о взятках, заявлений нет, значит, дела нет! Как говорится — не пойман — не вор. А теперь, Одинцов, идите, а то мы тут с вами договоримся ещё до чего-нибудь.

— Заждался? — похлопав Алексея по плечу, спросил Павел.

— Пустяки, идём домой, там поговорим, — усмехнулся Алексей.

Вернувшись домой, Павел несколько раз прошёлся по комнате и, остановившись около сидящего на диване Алексея, сказал:

— У тебя там, где-то коньяк остался, предлагаю смыть всю эту мерзость стаканом коньяка и завалиться спать.

— Ты прав, у меня тоже как-то нехорошо на душе, — доставая бутылку коньяка, ответил Алексей. Разлив по стаканам коньяк, Алексей хотел что-то сказать, но Павел остановил его:

— Командир, давай без тостов, — и залпом, не отрываясь, выпил содержимое стакана.

— Паша, ты бы закусил, — предложил Алексей.

— К чёрту, — опуская голову на стол, ответил Павел и в ту же минуту уснул крепким пьяным сном.

Алексей, отпив несколько глотков коньяка и поставив стакан на стол, задумался о событиях прошедшего дня:

— Неудавшийся митинг, погромы имеют одну цель — создать в городе обстановку нестабильности, при этом кто-то хочет втянуть Павла если не в большую политику, то по крайней мере, сделав его

крайним, свалить на него беспорядки. Больше всего меня тревожит то, что всё это делается втёмную, исподтишка.

Минут через десять, допив коньяк, Алексей встал из-за стола, поднял спящего Павла и, взвалив его на плечи, втащил в спальню.

Вернувшись в комнату, Алексей собрал посуду и направился на кухню, в эту минуту открылась входная дверь, и Даша вошла в комнату. Тревожно посмотрев на Алексея, спросила:

— Павел дома?

— Дома, спит у себя в комнате, проходи, садись за стол, я тебя буду угощать чаем, — улыбнулся Алексей.

— Спасибо, Паше нужна помощь, я к нему, — с этими словами Даша стремительно прошла мимо Алексея и скрылась за дверью спальни.

Подойдя к кровати, она поправила подушку, затем медленно сняла с Павла куртку, затем рубашку и, на секунду задумавшись, стянула штаны, отстегнула протез и, уложив всё это на стул, разделась сама и легла рядом.

— Милый, любимый, родной мой, теперь я всегда буду рядом, я буду верной, любящей и заботливой женой, — целуя лицо и мускулистую грудь Павла, шептала Даша.

Проснулся Павел от внутренней тревоги, ему показалось, что кто-то неведомый вот-вот задушит его. Он приподнял голову, открыл глаза и увидел сидящую рядом с ним полуголую Дашу. Увидев, что Павел открыл глаза, она взяла его руку и, положив её на свою оголённую грудь, призывно вздохнула. Затем медленно стянула с Павла одеяло, легла рядом с ним и, скользнув рукой по животу, завладела его членом.

— Ты не представляешь, как давно я мечтаю ласкать твоё тело, прижиматься к нему, целовать твою плоть и стать частью тебя.

С этими словами Даша приподнялась, затем села на него и овладела им.

— Даша, может, не надо? — прошептал Павел.

— Надо, Паша, надо, мы же любим друг друга, но ты чего-то боишься, а ты не бойся, я так сильно люблю, что не представляю своей жизни без тебя! — воскликнула Даша.

Было далеко за полдень, когда они, наконец, уставшие до изнеможения, но счастливые вышли из спальни и прошли на кухню.

— Пока вы отдыхали, я тут похозяйничал, приготовил, что смог, прошу отведать, — снимая салфетки с тарелок, широким жестом пригласил друзей к столу Алексей, и в это время зазвонил его мобильный телефон.

— Извините, я сейчас, — Алексей встал из-за стола, вышел на крыльцо и услышал в трубке хорошо знакомый голос своего начальника штаба:

— Привет, командир, узнал?

— Привет, Семён, конечно узнал.

— Я звоню вот почему, тут последнее время вокруг батальона шныряют чеченцы, всё о тебе выспрашивают, мол, где ты, как тебя найти, предлагают большие деньги за информацию. Ты, командир, будь поосторожней, знаешь же, они стреляют из-за угла.

— Понятно, они объявили мне джихад, потому и ищут, ничего, пусть ищут, я давно готов к встрече с ними, спасибо, что сообщил, — ответил Алексей, отключил телефон и, мрачно посмотрев вокруг, подумал:

— Им мало того, что меня выгнали из армии, травят как бешенного пса, так они ещё объявили мне кровную месть.

— Плохие новости? — взглянув на посуровевшее лицо Алексея, спросил Павел.

— Не обращай внимания, — отмахнулся Алексей и принялся за салат.

— Кстати, мне утром звонил Николай Мохов, настойчиво приглашает приехать в Нижнегорск, говорит, есть очень важный и полезный для нас обоих разговор, так как, едем или ну его к чёрту? — спросил Павел.

Алексей внимательно посмотрел на Павла и, подумав о недавнем звонке и о том, что он может нечаянно подставить своего друга, решительно сказал:

— Едем, обязательно едем.

— Тогда сегодня вечером поездом, утром будем в Нижнегорске, — согласился Павел.

За прошедшую ночь погода резко изменилась, свинцовые облака плотной пеленой окутали небо, казалось, ещё немного, и хляби небесные обрушатся на землю.

— Ну и погодка, — глядя в окно вагона, заметил Павел.

— Да-а-а, погодка, быть дождю, — покачал головой Алексей.

— Погодка шепчет, может, того, для бодрости по глоточку, а? — улыбнулся Павел.

— Хватит, вчера она тебе нашептала, так, что ты едва добрался до дома, — отрезал Алексей.

— Брось, ты прекрасно знаешь, что один хороший глоток только взбодрит и не более, — продолжал улыбаться Павел.

— Ладно, уговорил, но только по глоточку, — доставая из кармана фляжку и протягивая её Павлу, по-командирски строго сказал Алексей.

— Есть, товарищ командир, — вытянувшись по стойке смирно, отчеканил Павел и, сделав большой глоток, крикнул. — Хорош коньячок, армянский?

— Армянский, ребята в части перед отъездом постарались, — сделав глоток, ответил Алексей.

— А вот и вокзал, смотри, командир, солдатики на перроне толпятся.

— Это не солдатики, это спецназ, как ты думаешь, для чего они здесь?

— Не стоит гадать, командир, скоро узнаем, смотри, там чуть в стороне стоит пижон в длинном чёрном пальто и с белым шарфом вокруг шеи, это мой друг, Колька Мохов, нас встречает, — заявил Павел.

— По-моему, у них здесь что-то назревает, а иначе, зачем вызывать из Москвы этих парней, — заметил Алексей.

Друзья вышли из вагона и подошли к Николаю Мохову.

— А эти зачем здесь? — вместо приветствия спросил Николая Алексей.

— Не знаю, но догадываюсь, что их мог вызвать губернатор, у него бзик, ему всюду мерещатся заговоры и мятежи, так что не обращайте внимания, — и, подхватив друзей под ручки, Николай повёл их к машине.

В столовой дома Векслера, куда друзей привез Николай, их ждал обильный завтрак, у плиты стоял сам хозяин дома и жарил омлет.

— Дорогие гости, позвольте представиться, Векслер Леонид Иванович, а вы, значит, Павел Одинцов и Алексей Быданов, как же, слышан, герои, очень рад знакомству, — увидев входящих, воскликнул Векслер. — А я, знаете ли, люблю поутру похозяйничать на кухне и угостить гостей своим фирменным омлетом, прошу к столу.

Позавтракав, все поднялись на третий этаж, где их ждал Лев Моисеевич Березуцкий.

— Здравствуйте, господа, прошу садиться, поговорим о делах наших скорбных. Леонид Иванович, расскажите нам, что мы хотим предпринять, чтобы изменить существующее положение дел в городе и области.

— Но мы-то здесь причём? — подал голос Алексей.

— Это не более чем информация, и, когда вы её выслушаете, тогда и примете решение, касается она вас или нет, и, если касается, то примете соответствующее решение, — ответил Лев Моисеевич, и, посмотрев на Векслера, сказал:

— Леонид Иванович, прошу вас.

— Господа, вы прекрасно знаете о положении дел: в нашем регионе процветает казнокрадство, взяточничество и коррупция, промышленность в упадке, скудный областной бюджет разворовывается, и делает это небольшая кучка людей, которые уверены, что им всё дозволено. Тем временем народ нищает, пенсионеры месяцами не

получают пенсии, безработица растёт в геометрической прогрессии, а власти во главе с губернатором набивают свои карманы народными деньгами и ничего не делают для простых людей. Для подтверждения своих слов сообщаю, что только за последний год наши чиновники всех рангов построили 180 коттеджей общей площадью более 20 тысяч квадратных метров, приватизировали и продали с молотка 79 крупных предприятий, в результате работы лишились 210 тысяч работников. И более того, в городе в очередях на квартиры стоит 11 тысяч семей, но ни одного квадратного метра жилья не построено и не строится. Как видите, ситуация аховая, поэтому наша партийная организация решила вывести народ на демонстрацию протеста и потребовать отставки губернатора и его команды.

Кроме того, на действующих предприятиях пройдут предупредительные забастовки, а если потребуется, то и голодовки. Для обеспечения порядка и противодействия провокациям мы создали из добровольцев отряд самообороны, который предлагаем возглавить, вам, Алексей. На ваш, Павел, молчаливый вопрос о беспорядках в вашем городе отвечаю: то была репетиция, которая прошла не совсем так, как мы планировали, извините. У меня всё, если есть вопросы, я с удовольствием отвечу.

— Когда будет демонстрация? — спросил Алексей.

— Через три дня, в ней примут участие не только жители Нижнегорска, но и других городов области, всего планируем привлечь к шествию более ста тысяч человек, приглашаем и вас, Павел, приехать со своими ребятами, оплату за проезд мы берём на себя, — ответил Векслер.

В это время дверь открылась и в холл стремительно вошла Марина Бабилова.

— Как не придёшь к вам, Леонид Иванович, вы непременно с кем-нибудь шепчетесь, и впрямь, как заговорщики! — приставив палец к губам, прошептала Марина и, оглядев всех, воскликнула: — Вау, кого я вижу? Сам знаменитый на всю Россию подполковник Алексей Быданов. Значит, всё серьёзно, так, Лёвушка? Скажи, что так, а то я начну сомневаться в твоей честности.

— Марина, скажите, почему вам всюду мерещатся заговоры? — выступил вперед Векслер. — Почему не предположить, что мы обсуждаем последнюю игру нашей сборной по футболу?

— Бросьте, Леонид Иванович, я вас очень хорошо знаю и знаю и то, что вы никогда футболом не интересовались, а потом зачем здесь военные? А затем, чтобы провести какую-то акцию, например, захватить что-то, так? Так, так, я угадала, — захопала в ладоши Марина. — Кстати, я не одна, за дверью вас ждёт прокурор, поговорить решил с вами о делах ваших тёмных, позвать?

— Собственно, поговорить я хотел с Леонидом Ивановичем и Львом Моисеевичем, если не возражаете, — сказал вошедший низкорослый, невзрачного вида мужчина средних лет.

— Сопраньков Геннадий Петрович, советник юстиции, — представился он.

Увидев вошедшего прокурора, Лев Моисеевич приосанился и принял важный вид государственного деятеля.

— Господа, прошу в столовую, там вас ждёт прекрасное баварское пиво и байкальский омуль, отдохните, а мы поговорим и присоединимся к вам, — на правах хозяина распорядился Векслер.

— Итак, о чём вы хотели поговорить? — когда Алексей и Павел вышли, обратился к прокурору Векслер.

— За последние два года я собрал обширный материал о злоупотреблениях администрации области и, в частности, на губернатора и его помощников.

Несколько раз отсылал копии этих материалов и представление о возбуждении уголовного дела в Генпрокуратуре, но каждый раз делу не давали ход. Влиятельные покровители в Москве прикрывают их, всё спускают на тормозах. Вот я и подумал через вас, в частном порядке, опубликовать эти материалы в центральной прессе и тем самым кое-кого заставить дать ход этому делу, — протягивая объёмную папку Льву Моисеевичу, заявил Сопраньков.

— А вы не бойтесь, что эти публикации рикошетом ударят по вам? — спросил Векслер. — Народ там дотошный, быстро сообразит, откуда ветер дует.

— Хватит бояться, тем более, мне известно, вы готовите акции протеста, и я с вами, но предупреждаю, всё должно быть в рамках закона, — ответил Сопраньков и, не прощаясь, ушёл.

— Въедливый тип, — усмехнулся Векслер.

— И не только, жёлчи в нём много, но принципиален, честен и неподкупен, а материальчик он вовремя нам подкинул, — заметил Лев Моисеевич и, взяв Векслера под ручку, добавил:

— А теперь спускаемся вниз, к гостям, выпьем кофе и продолжим разговор.

Тем временем внизу в холле, где расположились гости, назревал скандал. После двух кружек баварского пива Павел Одинцов подошёл к буфету, достал бутылку водки, налив почти полный стакан, и выпив его залпом, мрачно уставился на Николая Мохова. Предчувствуя надвигающуюся ссору, Марина подхватила входящего в холл прокурора под ручку и, помахав на прощание честной компании, вместе с ним вышла из дома.

— Ты, вот, что мне скажи, дружок, — подойдя вплотную к Николаю, спросил Павел, — кто это вас надоумил устроить погром в

нашем городе? Твой шеф или Векслер? А, может быть, это ты решил отличиться, а? Говори, а то я за себя не ручаюсь!

— Паша, успокойся, ничего страшного в твоём городе не произошло, ну пошумели ребята, такое часто бывает стихийно, народ возмутился и понёс, у нас на Руси, всегда так, — примирительно ответил Николай.

— Значит, по-твоему, ничего страшного не произошло, а то, что вы своими действиями вызвали не народное возмущение, а погромы и мародёрство, это как? Разные подонки специально, под шумок громили магазины и тащили всё, что попадало под руки, особенно спиртное, и теперь в городе идет повальное пьянство, но и это ещё не всё, многие меня считают зачинщиком этих погромов, это я привёл к мэрии толпу, это я хотел провести митинг, а что получилось? Отвечай! Ты думаешь, я не догадался зачем ты оставался в городе, ты подкупил нескольких подонков, снабдил их коктейлями Молотова и приказал разгромить мэрию. Какая же ты скотина, Николай Мохов, не думал я, что можешь вот так, за спиной друга поступить!

— Павел, успокойся, — вмешался Алексей. — Ты сейчас наговоришь такое, о чём потом будешь горько жалеть, надо просто спокойно во всём разобраться, а не пороть горячку.

— Это я-то порю горячку? Нет, меня подставили по полной программе, и я же порю горячку! — возмутился Павел.

— Прости, Паша, я не думал, что всё так получится, — попытался извиниться Николай.

Павел хотел что-то ответить, но в это время в холл вошли Лев Моисеевич и Векслер.

— А вот и главные виновники беспорядков в моём городе, — тыча пальцем на вошедших, воскликнул Павел.

— Что случилось, почему кричим? — взглянув на Павла, спросил Лев Моисеевич.

— А то и случилось, что вы, уважаемые господа, прислали к нам в город банду чернорубашечников и устроили погром, — крикнул Павел. — Скажите, как я теперь буду смотреть в глаза людям? Ещё вчера многие поверили мне, пришли на митинг, и тут такое, да они теперь уверены, что это я всё организовал и спрос будет с меня.

— Никто к тебе не предъявит никаких обвинений, и ты прекрасно знаешь, что власти не связывают тебя с беспорядками, — веско сказал Векслер.

— А люди, люди, у которых сожгли машины, а владельцы разгромленных магазинчиков? — продолжал кричать Павел. — Кто им возместит убытки, вы? Нет, вы в стороне, о вас никто не знает, значит и никакого спроса. Уверен, эти люди считают, что это я спровоцировал беспорядки, это я провокатор. Да ну вас к чёрту, со всей вашей иезуитской политикой.

С этими словами Павел снова подошел к буфету, налил водки и, выпив, заявил:

— Я ухожу, а вы тут продолжайте плести свои интриги, но уже без меня.

И, махнув рукой, Павел направился к выходу.

Потом остановился, посмотрел на Алексея и сказал:

— А ты, командир, оставайся, здесь дело как раз для тебя.

Проводив взглядом уходившего Павла, Векслер подошёл к Алексею и сказал:

— Теперь мы можем поговорить о наших делах. Мы предлагаем тебе возглавить только что созданное охранное предприятие «Капкан», которое будет охранять банки, офисы, склады и т.д. Предприятие это коммерческое, но на первых порах финансируется из партийной кассы. Основной костяк из бывших военных уже подобран и сейчас тренируется на своей базе.

— Лицензия на охранную деятельность есть? — спросил Алексей.

— Конечно, есть, все бойцы получили разрешение на ношение оружия, так что с этим никаких проблем, — ответил Векслер. — Кстати, вопрос с твоим жильём также решим, есть на примете двухкомнатная квартира в центре.

— Хорошо, я согласен, когда приступать к работе? — спросил Алексей.

— Сегодня переночуешь здесь, а завтра утром я отвезу тебя на базу, познакомлю с ребятами, — ответил Векслер.

Глава 11

Выйдя на улицу, Павел быстро зашагал в сторону вокзала. Не успел он отойти подальше от дома, как на него обрушились потоки дождя. Не обращая на него внимания, Павел ускорил шаг и вскоре вошёл в здание вокзала. Оглядевшись, он увидел открытую дверь буфета и, войдя, сразу же заказал стакан водки и салат. Выпив и закусив, он неожиданно для себя, положил голову на стол, и мгновенно уснул. Минут через десять в зал вошел милицейский патруль, и, грубо растолкав Павла, потребовал у него документы.

— Значит, инвалид? Что же ты, инвалид, так наклюкался, что не держишься на ногах? — рассматривая инвалидную книжку, спросил старший патруля.

— Я не наклюкался, а просто устал, — с трудом ответил Павел.

— Устал и решил отдохнуть? Мы тебе поможем, сейчас ты поедешь с нами и там у нас отдохнёшь.

— Послушай, Коля, наш клиент герой России, — рассматривая документы, шепнул сержанту другой милиционер. — Может, не стоит связываться, отправим его и дело с концом?

— Куда мы такого отправим, он же почти невменяем? — ответил сержант.

— Так давай узнаем, у кого он был и сплавим его друзьям.

— Скажи, герой, у кого ты был, а мы позвоним и вызовем их сюда, пусть тебя заберут до лучших времён.

— В гостях у друзей, сейчас я им позвоню, — с трудом выговаривая слова и пытаясь достать свой мобильный телефон, ответил Павел.

— Дай сюда и скажи, кому звонить? — вырвав телефон из непослушной руки Павла, спросил сержант.

Через десять минут Векслер и Алексей подхватили своего друга под руки, усадили в машину, а ещё через три часа, отдохнувший и совершенно трезвый Павел сел в автобус и отправился домой. Глядя в окно автобуса на проплывающие мимо осенние поля и перелески, Павел вспомнил вчерашнее утро с Дашей, и жгучая волна желаний пробежала по его телу.

— Сегодня же скажу Даше, чтобы переселялась ко мне, будем жить поживать да добра наживать, — улыбнулся Павел и, подумав о том, на какие шиши они будут наживать добро, помрачнел.

— Моя скромная пенсия, её, ещё более скромная зарплата медсестры, вот весь доход, на который не больно-то разгуляешься, а если родит ребёночка, тогда и вовсе трудно будет, — помрачнел Павел.

— Надо искать работу и устроиться хотя бы сторожем, тогда можно мечтать о ребёночке, интересно, кто у нас будет, мальчик или девочка? Лучше если будет сын — продолжатель рода Одинцовых, наследник. Может быть, он и его поколение заживут лучше нас, смогут путешествовать, изучать разные страны и народы, иметь красивые просторные дома и достаток, о котором мы можем только мечтать, — думал Павел.

Подъезжая к дому, Павел вдруг ощутил, как вдруг сердце бешено забилось и всё его существо переполнила беспричинная тревога.

— С похмела, что ли, или что-то случилось? — со страхом подумал Павел и попытался успокоиться, но тревожное чувство не проходило и только ещё больше нарастало.

Выйдя из автобуса, Павел направился в «Маленький Париж» и, подойдя к стойке бара, заказал фужер водки.

— Выпью и успокоюсь, — не обращая внимания на странные взгляды бармена, подумал Павел.

— Ты чего уставился на меня, давно не видел? — выпив водку, спросил Павел бармена.

— Иди домой, там не всё в порядке, — отвернулся бармен.

— Что не в порядке?

— Иди, там сам узнаешь.

— Хорошо, ухожу, но смотри у меня ... — с этими словами Павел вышел из кафе и поспешил домой.

Ещё издали он увидел человек десять, что толпились у его дома. Сделав ещё несколько шагов, он вдруг понял, что дома нет, на его месте дымилась куча обгоревших бревен.

— Идёт, вот несчастье, — услышал Павел одинокий голос и, пройдя мимо толпы, прошёл к пепелищу.

Глядя на тлеющие головёшки, Павел вдруг ощутил, как его мозг начала переполнять бессильная злоба и огромное желание найти поджигателей и покарать их.

— Узнаю, кто спалил дом, убью, — подумал он и, подойдя к толпе, спросил:

— Пожарные что говорят?

— Говорят, что от замыкания загорелся дом, мол, старая проводка подвела, — ответила какая-то баба.

— Проводка, значит... Врут пожарники, дом спалили. А теперь хватит глазеть, расходитесь, — махнул рукой Павел и, посмотрев на уцелевшую баню, решил:

— Пока поживу здесь, дальше видно будет.

Войдя в предбанник, он поднял одну из половиц, пошарил рукой в образовавшемся проёме и достал завёрнутый в промасленную тряпку автомат АК и два рожка набитых патронами.

Прикрыв половицу, он внимательно осмотрел автомат, прикрепил один из рожков и, вогнав в ствол патрон, щёлкнул предохранителем. За этим занятием его застала Даша. Открыв дверь бани и увидев автомат, она с ужасом посмотрела на Павла:

— Ты что, всех хочешь перестрелять? — почему-то шёпотом спросила она.

— Нет, только тех, кто сжёг мой дом.

— И попасть в тюрьму? — всё также шёпотом спросила Даша. — А обо мне ты подумал? Нет, тебя захлестнули отчаяние и злоба, но их же можно наказать по-другому.

— Как? — уставился на неё Павел.

— Через суд.

— Не смей меня, сначала их надо найти, потом доказать, что именно они сожгли дом, а это ещё бабка надвое сказала, но, если я их найду, а я их найду, разговор будет коротким, я буду судьёй и исполнителем приговора.

— Знаешь, что мы сделаем сейчас? Ты прядешь автомат, берёшь доски, что лежат за баней и устраиваешь нам лежанку, а я тем временем еду домой и привожу матрас, постельное бельё и кое-какую посуду. Отдохнём, а утром подумаем, как жить дальше.

— Хорошо, будь по-твоему, — неожиданно согласился Павел и, сунув автомат под лавку, вышел из бани.

Глава 12

Анна Кушечева все последние дни, с тех пор, как Алексей Быданов и Павел Одинцов уехали в Нижнегорск не находила себе места, беспричинная тревога и тоска по чему-то утерянному, терзали её юное сердце. Дошло до того, что она перестала спать и ночи напролёт, прислушиваясь к отдалённым шагам, бродила вокруг дома. Затем выходила на улицу, подходила к дому Павла, открывала калитку и, пройдя несколько шагов по заросшей тропинке, садилась на крыльцо. Ночи в этом сентябре выдались тёплые, небо чистое и, глядя на далекие звёзды, Аня, ища там поддержку, мысленно улетала к ним, а ещё, сидя на крыльце, она душой и телом ощущала близость любимого. Щемящая боль в груди утихала только с первыми лучами солнца, усталость брала своё, она тихонько возвращалась в свою комнату и, укрывшись с головой одеялом, засыпала. В одну из таких ночей на неё вдруг нахлынули школьные воспоминания, которые были связаны с её первой детской любовью. В восьмом классе на неё неожиданно-негаданно обрушилось страстное увлечение тренером школьной команды по баскетболу, высоким, с фигурой атлета и выразительными голубыми глазами молодым человеком, лет двадцати пяти. Эта безответная любовь так измучила Анну, что она почти забросила учёбу, с трудом выносила одноклассников и даже стала подумывать о самоубийстве.

Сидя на крыльце дома Павла Одинцова и погрузившись в воспоминания о своей первой любви, Аня, невольно сравнивая эти два чувства, пришла к выводу, что любовь к Алексею Быданову — нежная, без безумства юности, а, значит, настоящая, тогда как её детская страсть, как вспыхнула, так и через полгода сгорела, оставив лишь грустные воспоминания. Позже, в одиннадцатом классе она даже пыталась ещё раз влюбиться в своего одноклассника, но ничего кроме разочарования из этой попытки не получилось. С тех пор она начала избегать любых попыток ухаживания со стороны парней. По утрам Анина мать с беспокойством оглядывала осунувшееся лицо и синие круги под глазами дочери, сокрушённо качала головой и тяжело вздыхала. Она отлично знала причину тоски дочери и потому молчала, надеясь, что всё само собой разрешится и потому не удивилась, когда дочь вдруг внезапно бросилась ей на грудь и рыдая, спросила:

— Мама, что мне делать? Я не могу так больше, я должна знать, что с ним.

Лидия Аркадьевна, прижав дочь к себе, тихо прошептала:

— Жди, доча, такова наша женская доля, жди, и всё образуется, если любит, вернётся.

— Ты, мама не понимаешь, он напуган, он потерял веру в женщин, он боится вновь быть обманутым.

— Значит, ему надо дать время, оно лечит.

— Я не хочу ждать, я умру от тоски, а что делать не знаю, может быть, поехать в Нижегородск и объясниться? — с жаром воскликнула Аня.

— Не знаю, прилично ли это? — покачала головой Лидия Аркадьевна. — В наше время такой поступок сочли бы неприличным.

— Мама, в наше время всё изменилось, никто ничего предосудительного не видит в том, что девушка предлагает свою дружбу незнакомому парню, ты посмотри интернет, сайт знакомств и всё поймёшь, — парировала Аня.

В ту ночь, когда случился пожар, Аня долго читала роман Л.Н.Толстого «Анна Каренина» и незаметно для себя, задремала. Вдруг она тревожно встрепенулась, подняла глаза к окну и увидела зарево пожара. Горел дом Павла Одинцова. Вскочив с постели, Аня выскочила на крыльцо, метнулась к горящему дому, затем бросилась бежать по улице к ближайшему телефону-автомату. Позвонив по 01 и сообщив о пожаре, Аня вернулась к пожарищу, около которого уже начали собираться любопытные соседи. Прибывшие пожарные развернули шланги и вдруг обнаружили, что в цистерне пожарной машины нет воды.

— Ну и бардак, совсем потеряли совесть, жрут водку днями напролёт, да в карты режутся, — выкрикнула какая-то женщина в синем ватнике вслед отъезжающей машине.

Аня, ощущая всем своим юным существом беспомощность перед случившимся, долго стояла у догорающего дома, потом, когда от былого остались одни головёшки, она медленно вернулась домой и, пройдя в свою комнату, села у окна и стала ждать. Кого и чего она ждала Аня не смогла бы ответить, но что-то внутри неё подсказывало — надо ждать. Прошло часа три, когда, не веря своим глазам, она увидела идущего по улице Павла Одинцова. Она метнулась к двери и вдруг подумала, что в эту минуту будет лишней.

— Подожду пока Павел придёт в себя от случившегося, потом пойду и спрошу об Алексее.

Вернувшись к окну, Аня стала терпеливо ждать своего часа, она видела, как прибежала Даша, потом машину с какими-то вещами, как Павел перенёс домашний скарб в баню и, подождав ещё с полчаса, решила навестить погорельца. Запыхавшись от быстрого бега, Аня рывком открыла дверь бани и с порога срывающимся голосом, спросила:

— Паша, где Алексей, что с ним, почему он не приехал с тобой?

— Аня, успокойся, с ним всё хорошо, он там получил предложение, от которого не смог отказаться и теперь командует, будет охранять банки и всё такое прочее, — поднимаясь с лавки, ответил Павел и, взяв девушку за руку, усадил на своё место.

— Паша, скажи, как мне найти Алексея, и я пойду, — вскинулась Аня, — понимаешь, я должна его найти, я должна с ним поговорить.

— Я не знаю, где находится его контора и где он остановился, но люди, адрес которых я тебе дам, наверняка знают, где его найти.

— Говори адрес, я запомню и сегодня же поеду к нему, — вставая с лавки, сказала Аня.

В нескольких словах Павел рассказал Ане, где искать и как добраться до дома Векслера и погладив её по плечу, добавил:

— Не отпускай свою любовь, дерись за неё, вот как Даша, взяла и накинула мне аркан на шею, я понял — надо в корне менять свою жизнь, хватит жить прошлым, пора строить новую, более счастливую жизнь. Так и передай Алексею, прошлое сторело, пора строить новый дом и новую жизнь.

Вечерним поездом Аня выехала в Нижнегорск, вся её поездка, поиски дома Векслера, затем загородной резиденции «Капкана» прошли в сплошном тумане, одно она ясно помнила, как ворвалась в дом и набросилась на хозяйку с требованием сообщить ей адрес Алексея Быданова. Женщина, её имя Аня так и не узнала, пыталась лаской успокоить девушку и, поняв, что та слишком возбуждена, сказала, где можно разыскать Алексея. Сейчас, стоя у железных ворот и дрожа всем телом от волнения, Аня ждала появления любимого. Ещё издали она увидела идущего по дорожке Алексея, и пытаясь унять нервную дрожь, несколько раз больно ущипнула себя за ногу.

— Здравствуй, Аня, не ожидал, как ты здесь оказалась, как нашла меня? — пытаюсь скрыть волнение за напускным равнодушием, поздоровался Алексей.

— Здравствуй, Алёша, не ожидал, а я вот взяла и приехала, ты же не прогонишь меня? — улыбнулась Аня. — Тогда приглашай в гости, — и тревожно посмотрев на Алексея, добавила:

— Я насовсем приехала и, даже если будешь прогонять, не уеду.

— Конечно не прогоню, сейчас пойдём ко мне, ты наверняка голодна с дороги, покушаешь и тогда поговорим, — взяв под руку Аню, Алексей направился в гостиницу.

— Вот моё временное жильё, — открыв дверь комнаты, улыбнулся Алексей, — прошу, проходи, сейчас будет чай и всё прочее.

Алексей налил воды в электрический чайник и, пока тот закипал, достал из холодильника колбасу, сыр и баночку шпрот. Приготовив бутерброды и заварив чай, он указал на стол:

— Прошу, как говаривали у нас на Руси, чем богаты, тем и рады.

— Значит насовсем, а как же мать, учёба? — ставя тарелку с бутербродами на стол, спросил Алексей.

— Мама согласна стать твоей свекровью, а универе я взяла академ.

— Так, без меня, меня женили, — с каким-то мрачным удовольствием, подумал Алексей и, усмехнувшись, спросил Аню:

— Значит, ты решила стать моей женой?

— А ты возражаешь? Новые времена, новые нравы, и потому я предлагаю тебе не только свою руку и своё сердце, но и всё своё существо, которое будет служить тебе верой и правдой.

Глядя на Аню, Алексей невольно сравнивал её со своей бывшей женой: если Ларису интересовали дорогие вещи, деньги и праздная жизнь, то Аня была полной противоположностью; как истинно русская женщина она с молоком матери впитала такие понятия, как любовь и верность своему дому, заботу о своих ближних, доброту и сострадание.

— Сдаюсь и принимаю твою жертву и клянусь быть достойным её: на следующей неделе я приеду и попрошу твоей руки у матери, а сейчас ты отдохнёшь, потом я вызову такси, и ты вернёшься домой, — прижимая к себе Аню и покрывая её лицо поцелуями, ответил Алексей.

Глава 13

Выйдя из дома Векслера, Марина распрощалась с прокурором и, сев в свою машину, позвонила губернатору.

— Привет, милый, надо встретиться, — проворковала она.

— Хорошо, через час встречаемся на нашем месте, — услышала Марина в ответ и отключила телефон.

Это место расположилось в одном из отдалённых районов города и представляло собой небольшой уютный домик с гаражом и пристройкой, в которой жил ещё крепкий семидесятилетний старик. Прикупив по случаю домик, губернатор сделал из него своё тайное убежище, о котором знали самые близкие и доверенные люди. Через год он разыскал Ильича, так звали старика, и, поселив в пристройке, сделал его сторожем, личным шофером и фактическим хозяином дома. В конце семидесятых Ильич служил в местном драматическом театре, занимал ведущее место в труппе, неподражаемо играл роль вождя мирового пролетариата, отсюда и прилепилась к нему кличка Ильич, которая стала его вторым именем. В самом начале восьмидесятых Ильича обвинили в убийстве своего соперника по сцене, за что ему грозил если не расстрел, то уж четвертак точно. Вот тогда-то он бросился за защитой к первому секретарю обкома партии, большому любителю театра Василию Петровичу Русакову, нынешнему губернатору. В результате обвинение с него сняли, и с тех пор не было человека, более преданного губернатору, чем Ильич.

Покружив по городу и не обнаружив хвоста, Марина поехала к месту встречи. В ту же минуту глухие металлические ворота откры-

лись, и она, въехала во двор. Посидев в машине несколько минут, она вышла из машины и, войдя в дом, сразу же направилась на кухню. Приготовив закуску, Марина налила бокал вина и, сделав глоток, задумалась — в своё время Василёк, как она, в порыве страсти, называла губернатора, сильно помог ей в бизнесе, а когда она пришла поблагодарить его, предложил ей отметить благополучное разрешение дела в её пользу в укромном местечке, на что она, без колебания, согласилась, и с тех пор, раз в месяц, они предавались здесь безумным оргиям, на которые Марина была большая мастерица. Теперь её бизнес процветал, и она решила построить на Каспии судоверфь, наладить сбыт малотоннажных судов в прикаспийских государствах, но без связей Василька не обойтись, и потому за ним было последнее слово. И ещё Марина думала, когда придёт время, она жестоко отомстит Лёвушке.

— Кастрирую его и дело с концом, — решила она.

Тем временем, закончив дела, губернатор сел в свою машину и, проехав несколько кварталов, велел свернуть в глухой переулок. Здесь его ждал на неприметной девятке Ильич, на которой они и поехали к дому. Пропетляв по городу минут двадцать и не обнаружив слежки, губернатор переоделся в джинсы и куртку с капюшоном, а надев тёмные очки, стал совершенно неузнаваемым человеком. Теперь он мог со спокойной душой отдыхать в своём гнездышке, зная, что ни ФСБ, ни какая другая сволочь не сможет вычислить и засечь его. Машина въехала во двор, и губернатор в томительном ожидании сладострастных ласк поспешил в дом.

— Ну и шельма, ну и баба, это надо же так умело вести любовную игру, доводить меня до остервенения, вовремя останавливать и начинать всё с начала, при этом так играть своим телом, что только мёртвый сможет устоять от соблазна овладеть ею, — откинувшись на подушку, смаковал произошедшее между ними губернатор и, устало закрыв глаза, мгновенно уснул.

— Утомился Василёк, — поднимаясь с постели и направляясь в ванную комнату, подумала Марина, — пусть поспит, потом поговорим.

Приняв ванну, Марина прошла на кухню, накрыла себе на стол и, с аппетитом покусав, вернулась в спальню. Присев на кровать, она нежно погладила грудь губернатора, отчего он проснулся и, взглянув на Марину, спросил:

— Так о чём ты хотела поговорить?

— Если помнишь, месяц назад я просила тебя помочь в строительстве на Каспии судоверфи, помнишь?

— Марина, ты из меня вьёшь верёвки, конечно, помню и уже переговорил с Астраханским губернатором, он готов оказать тебе любую поддержку, они там уже определили тебе место, так что мо-

жешь ехать и оформлять в собственность участок под строительство судовой верфи. Это всё?

— Нет, я хочу тебе напомнить о заговорщиках, которые плетут свои интриги у тебя под носом, а ты делаешь вид, что ничего не происходит.

— Напрасно ты так думаешь, я кое-что уже предпринял — во-первых, стянул все подразделения милиции поближе к городу и привёл их полную боевую готовность. Во-вторых, вызвал из Москвы спецназ и уверен, пока этих мер хватит.

— Дай-то Бог, дай-то Бог, — перекрестилась Марина. — Ну, а если в районах поднимется народ против власти, что тогда? Кстати, наш прокурор встречался с Векслером и передал ему какую-то папку... Как ты думаешь, что в ней?

— Да чёрт с ним с прокурором, он давно мечет в меня молнии и пусть его мечет. Сейчас нам, главное, не допустить беспорядков в центре, а с провинцией как-нибудь справимся. Всё, об этом хватит, не порти встречу, мне и без того тошно, — раздражённо воскликнул губернатор.

— Хорошо, хорошо, об этом ни слова, но скажи, ты действительно разрешил открыть в городе гей-клуб?

— Разрешил, а что? Геи тоже люди.

— Ты прекрасно знаешь, как наш народ относится к педерастам, их ненавидят, они раздражают, а это значит, что против себя ты настроил ещё людей. Ну скажи ради Бога зачем тебе это нужно, зачем ты подливаешь масло в огонь?

— Лично я против, но это прямое указание Москвы, я должен подчиниться. Приказано во всех больших городах открыть эти бордели.

— Да они, там, в столицах, совсем с ума посходили, пооткрывали у себя эти вертепы и думают, угодили Европе, а на то, что думает простой народ им начхать, — с раздражением воскликнула Марина.

— Всё, всё, хватит меня грузить, я уверен, эти вертепы не продержатся и недели, так что моё разрешение чистая формальность. А теперь мне пора, труба зовёт, — с этими словами губернатор встал с постели, оделся и вышел из комнаты.

Глава 14

На утро следующего дня Векслер повёз Алексея Быданова в загородный пансионат, где проводили тренировки тридцать бойцов частного охранного предприятия «Капкан». Пансионат «Весёлые ребята» располагался в двадцати километрах от города, в сосновом бору, вдалеке от основных магистралей и представлял собой закрытое учреждение. На городских торгах три месяца назад был приобретён Векслером якобы для поправки здоровья однопартийцев и распо-

лагал для этого всей необходимой базой. В одном из двух корпусов находились медицинские кабинеты, бассейн и номера для партийной элиты, в другом расположились бойцы «Капкана», для которых бывший клуб был переоборудован в спортзал и тир.

— Пансионат «Весёлые ребята» принадлежит нашей городской партийной организации, так что никого лишнего там не бывает, располагайся и считай его своей вотчиной, — не отрывая глаз от дороги, сказал Векслер.

— Кто их сейчас тренирует? — спросил Алексей.

— Бывший спецназовец, капитан Ермолаев. Все ребята бывшие спортсмены и спецназовцы, достаточно хорошо подготовлены физически, готовы решать любые задачи, вплоть до уничтожения бандитов и террористов. Сейчас они отрабатывают навыки рукопашного боя и тренируются в стрельбе из пистолета. Всё необходимое для несения службы и тренировок у них есть. Личное оружие хранится в оружейной комнате и выдаётся за час до выступления на объект, — ответил Векслер и, помолчав, добавил:

— Сейчас мои люди заключают несколько договоров на охрану банков и офисов, так что тебе, Алексей, предстоит подобрать ещё человек двадцать, а может быть и больше.

Свернув с главной дороги и проехав ещё три километра, автомобиль Векслера уперся в глухие железные ворота. В ту же минуту из сторожки вышел боец в бронежилете, с автоматом на плече, осмотрел машину и открыл ворота.

— Приехали, — подъезжая к клубу и выходя из машины, сказал Векслер.

— Отличное место для подготовки террористов, — осматривая строения пансионата, ехидно подумал Алексей.

— Идём, я представлю тебя ребятам.

В спортзале, куда они вошли, их явно ждали, крепкие ребята в тренировочных костюмах стояли вдоль стены и перешептывались между собой.

— Разрешите представить вам нового командира, — с места в карьер начал Векслер, — Алексей Быданов, подполковник, командовал в Чечне штурмовым батальоном.

— Наслышаны, герой, — раздался чей-то голос.

— Да, герой, — подтвердил Векслер, — громил сепаратистов, брал штурмом Грозный и другие населённые пункты. Теперь будет работать с нами, всё представление окончено, ближе познакомитесь в ходе совместной работы.

Алексей поближе подошел к строю, стараясь запомнить, посмотрел каждому в глаза и увидел любопытство в одних, настороженность в других и скрытую враждебность в третьих.

— Ничего, стерпится- слюбится, — подумал он.

— Бойцы, мой заместитель по боевой подготовке капитан Ермолаев по-прежнему будет заниматься с вами, я же займусь организационными вопросами, в ближайшее время предстоит пополнить наши ряды и принять на охрану несколько новых объектов, встречаться будем по мере необходимости. Да, и ещё, каждый из вас может привести к нам своего товарища, готового и способного служить у нас, — по-военному кратко, отчеканил Алексей. — А теперь, капитан, проводи меня в оружейную комнату.

То, что он увидел в комнате, поразило даже его — два десятка шкафов были забиты автоматами АК, снайперскими винтовками, ящиками с патронами и гранатомётами.

— Вот это арсенал, да тут оружия на штурмовую роту, серьёзно подготовились ребята, хоть сейчас можно штурмовать любой городской объект, — подумал Алексей и, взяв в руки один из автоматов, проверил его состояние и удовлетворенно хмыкнул.

В это время Лев Моисеевич пригласил к себе в комнату своего помощника Николая Мохова и, передав ему прокурорскую папку, распорядился:

— Эти документы немедленно передашь редактору, пусть срочно напишет статью, повторяю, срочно, и тиснет её у себя в газете «Глас народа». Сегодня же вечером факсом перешлёт в Москву во все центральные газеты. Это бомба, и он будет очень рад окончательно насолить губернатору, знаешь, бесконечно маленькие люди имеют бесконечно великую гордость, так потешим же её уже тем, что он напечатает статью от своего имени.

Николай взял папку и направился к выходу.

— И ещё, я с минуты на минуту жду звонка от секретаря американского посольства, который приехал в город и должен встретиться со мной, а ты подумай о том, чтобы эта встреча прошла незаметно, посоветуйся с кем надо, подбери место и обеспечь конфиденциальность, — приказал Лев Моисеевич Николаю.

— Такое место есть, пансионат «Весёлые ребята», кажется, там охрана и всё такое, надёжней места не сыскать, — предложил Николай.

— Отлично, а я об этом не подумал, действительно Векслер обеспечит всё, как надо, а теперь иди, дело наше не терпит проволочек, — потирая руки, ответил Лев Моисеевич и направился в свою комнату.

Позвонив Жоррику и назначив встречу в кафе «Жемчужина», Николай Мохов отправился туда пешком.

— Пройдусь, прогуляюсь, подумаю, — неспешно шагая по улицам города, размышлял он. Последние два дня ему не давали покоя мысли о том, хорошо ли они с Львом Моисеевичем поступают, подталкивая, таких, как Векслер, к бунту против существующей

власти. Ему очень не нравилась его роль провокатора и организатора компроматов против, в общем-то, неплохих людей, которые в меру своих сил и местной обстановки в это непростое время, подерживали порядок. Ну, а если кто-то хапал не своё, так сейчас все, кому не лень, разворовывают Россию, бессовестно, внаглую, делят её природные богатства.

— Бескровная революция начала девяностых годов, ваучеризация национального богатства страны есть величайшая афера всех времен и народов, и в праве ли я участвовать во всём этом? — думал Николай.

Но больше всего, до слёз, ему было стыдно перед Павлом Одинцовым, другом детства, которого он, не думая о последствиях, грубо подставил перед горожанами.

— Может быть, всё бросить и уехать домой, в Москву? — задумался Николай. — Но в то же время ситуация здесь и в стране требует кардинальных перемен, а кто их сделает, как не мы и такие, как мы! Нет, видимо такова моя доля, мой крест идти до конца вместе с моим шефом.

Глава 15

Жору Захарова, редактора газеты «Глас народа», Николай нашёл за его любимым столиком в дальнем углу зала кафе. Поздоровавшись, Николай молча положил папку перед Жорой и сказал: — Надо срочно написать хлёткую статью, опубликовать её в твоей газете и отправить факсом во все центральные газеты.

Жора раскрыл папку, бегло пробежал несколько страниц текста и взвился:

— Это же бомба, такая бомба, да я немедленно... без всякого гонорара напишу, напишу так, что чертям станет тошно, а уж нашему ... теперь ему несдобровать! Нет, ты только послушай, что пишет прокурор: доказано, что на прошлых выборах господин Русаков являлся заказчиком убийства своего конкурента на пост губернатора, независимого кандидата некоего Прилуцкого, который по предварительным данным набирал более пятидесяти процентов голосов избирателей. Со слов одного из свидетелей был составлен фоторобот убийцы — старичка лет шестидесяти, очень похожего на известного актёра нашего драмтеатра. Однако главный свидетель, который видел непосредственного исполнителя, вскоре умер при странных обстоятельствах и был похоронен на местном кладбище пять лет назад. В связи с этим производство по этому делу было закрыто. Но и это еще не всё: неделю назад один из следователей прокуратуры, который в своё время вёл дело, в супермаркете встретил старика, очень похожего на убийцу. В связи с этим, пишет прокурор, расследование обстоятельств убийства Прилуцкого будет возобновлено.

Полистав несколько страниц, Жора вытащил один из листов и начал читать:

— Выписка из дела № ... В начале девяностых в городе исчезло несколько управляющих строительными трестами, которые впоследствии были объединены в ООО «Стройиндустрия» во главе, с кем бы ты думал, Коля? Правильно, во главе с Галиной Спиридоновной, женой губернатора. Трупы управляющих найдены не были, а потому уголовное дело не возбуждалось, как говорят наши славные менты: трупа нет и дела нет. Кстати, по некоторым сведениям, её личный капитал составляет 27 миллионов долларов, и большая его часть находится в офшоре на Кипре.

Жора ещё раз перелистал документы и наткнулся на запечатанный конверт.

— Так, так, а тут что может быть? Фотографии, смотри-ка, Василий Петрович в бассейне с голыми девицами, ну и ну, наш пострел везде поспел, — воскликнул Жора.

— Интересно, его жена знает о похождениях мужа? — спросил Николай.

— Наверняка знает, но закрывает на эти шалости глаза, представь, разведётся она — и всё, её бизнесу кранты, доказано, чем больше человек хапает, тем больше ему надо, — усмехнулся Жора.

После встречи с Мариной, вернувшись в свой кабинет, губернатор вызвал к себе начальника областного управления ФСБ Власика и председателя городского суда Носика, поставил их по стойке смирно и приказал немедленно провести обыск в доме Векслера.

— Но каковы основания для постановления суда сделать обыск? — спросил председатель суда.

— Агентурных данных тебе достаточно? — резко спросил губернатор.

— Для обоснования решения суда мне нужен документ ФСБ.

— Документ? — удивился генерал. — Ну и ну, значит, документ... И с каких пор ты, Валерий Кузьмич, стал таким педантом? Впрочем, не удивляюсь! Совсем недавно, ты, не обращая внимания на железобетонные доказательства вины рецидивиста, вора в законе Кухняря, для которого прокуратура требовала 15 лет строгача, ты, уважаемый, обвинив оперативников в подтасовке фактов, оправдал этого подонка, у которого руки по локоть в крови.

— Потому и оправдал, что свидетели, которых привлекла прокуратура, все как один, отказались от своих показаний, при этом обвинив следователей в давлении на них, что, позвольте вас спросить, я должен был сделать? Правильно, оправдать и вынести частное определение в адрес прокурора города.

— Генерал, дай ему такой документ и силами своих ребят проведи обыск, ищи документы, оружие и найди повод для задержания Век-

слера и этого московского провокатора. Кстати, к нам едет секретарь американского посольства, проследи за ним, выясни, что ему понадобилось в наших краях. Особенно тщательно ищи папку, которую сегодня утром прокурор передал этим заговорщикам.

— По нашим сведениям американец едет на встречу с Березуцким, этот тип уже давно работает с ЦРУ и Госдепартаментом, получает денежные подачки якобы для развития демократии в нашей стране. Поэтому смею предположить, что американец везёт чемодан долларов, которые будут использованы для подогрева различных группировок, недовольных существующим порядком вещей, вплоть до использования в своих целях местной братвы, и, если это так, могут взбунтоваться зеки, — по-военному чеканя каждое слово, сказал генерал.

— Ты уверен, что это может произойти, ну эти бунты? — впившись взглядом в генерала, спросил губернатор.

— Учитывая нынешнюю ситуацию в городе, вполне возможно, — ответил генерал и, подумав, продолжал:

— По нашим сведениям в последнее время смотрящие в зонах ведут активную переписку между собой, зарегистрированы несколько телефонных звонков, из которых можно понять, что они договариваются о дне икс, который должен взбудоражить все зоны области.

— Нам только этого не хватало и, как назло, полк внутренних войск направлен в Чечню и, если твои домыслы окажутся верными, не представляю, что мы будем делать? — тревожно вглядываясь в глаза генерала, воскликнул губернатор.

— Придётся использовать милицию, другого выхода не вижу.

— Милиция нужна в городе, — взвился губернатор, — эти подонки готовят народное шествие, не удивлюсь, даже уверен, найдутся провокаторы, которые постараются спровоцировать мирно настроенных граждан на хулиганские выходки, а возможно и погромы, не забывайте, генерал, Богородск, уверен, там была репетиция предстоящих событий. Думай, генерал, думай! А теперь можете идти. Генерал, задержись на минутку.

— Что ты думаешь делать?

— Первое, — по-военному чётко, начал генерал, — организую небольшую провокацию, которая позволит вам ввести чрезвычайное положение, второе — на случай, если начнутся беспорядки, на зданиях вокруг площади размещу несколько снайперов, которые смогут нейтрализовать зачинщиков.

— Что ж, всё правильно, если полезут сюда, устрой им кровавую бойню.

— Как в девятьсот пятом?

— Да, хватит миндальничать, пусть знают, на чьей стороне сила!

Генерал вышел из кабинета и, увидев в приёмной судью, обняв его за плечи, тихо на ушко сказал:

— Не тужи, дружище, скоро всё изменится.

— Гневлив сегодня наш губернатор, с чего бы это? — заметил Носик.

— Зарылся ты в своих бумагах, дорогой Валерий Кузьмич, и ничего не видишь, не видишь, что творится в городе и его окрестностях, кругом, точно тараканы, повывлезали всякие псевдораздетели за народное добро, а я тебе так скажу — дорвутся они до власти, и будет ещё хуже, — ответил Власик и, помолчав, продолжал:

— Вот взять бы к примеру нашего Векслера, ну чего ему не хватает, богат, катается как сыр в масле, ан нет, ему подавай власть, он спит и видит себя в губернаторском кресле. Как ты думаешь, Валерий Кузьмич, он будет лучше радеть за народ, или станет ещё больше набивать свой карман?

— Не знаю, как насчет народа, а вот о своем кармане наверняка не забудет, — ответил Носик и, не прощаясь, зашагал в сторону городского суда.

Возвратившись в свой кабинет, генерал вызвал к себе полковника Назарова и когда тот тяжело отдуваясь, уселся за приставной столик, критически оглядев его, спросил:

— Ты, Андрей Ильич, в порядке?

— Вполне, простыл оттого и одышка, а так всё в норме.

— Смотри, со здоровьем не шути, ты мне нужен здоровым, тебе предстоит в ближайшую субботу провести спецоперацию, надо устроить небольшой сабантуйчик, здесь, у нас на площади попугать кое-кого, но не более, понял?

— Товарищ генерал, говорите яснее, нужно бабахнуть?

— Правильно, нужно бабахнуть, очень убедительно бабахнуть, но без жертв, лучше всего рано поутру, когда народ будет ещё спать.

— Не сомневайтесь, товарищ генерал, бабахнем, ещё как бабахнем, — поднимаясь из-за стола, усмехнулся полковник.

Выйдя из кабинета, полковник прошёл в конец коридора и, настороженно оглядевшись, позвонил по мобильному телефону:

— Привет, Лось, нам нужно встретиться.

Глава 16

Векслер вернулся в свой особняк и сразу же направился в комнату Льва Моисеевича.

— Всё, Быданов принял командование, временно поживёт в пансионате, позднее подберём ему квартиру в городе, — доложил Векслер.

— Ты думаешь, мы правильно сделали, пригласив его?

— А куда ему деваться, сам посуди, звания лишился, того и смотри, может оказаться под судом военного трибунала, так что, как ни крути, а податься ему больше некуда, и потом в его душе засела глубокая обида на несправедливое отношение к нему московской камарильи, вместо того, чтобы вручить ему Золотую звезду героя, его прессуют со всех сторон. Исчезнуть ему надо, не мозолить глаза газетчикам и иже с ними, — ответил Векслер, и в эту минуту зазвонил его мобильный телефон.

— Леонид Иванович, немедленно уходите из дома, через полчаса по решению городского суда у вас будет обыск, и вас с вашим другом задержит ФСБ, не тяните и уходите из города, — услышал Векслер, взволнованный голос своего благодетеля.

— Что там? — взглянув на помрачневшего друга, спросил Лев Моисеевич.

— Надо срочно уходить, будет обыск в доме и наш арест, — ответил Векслер, — собирайся и в машину, едем в пансионат, а я тем временем соберу партийные документы.

— А как же Валентина Ильинична? — спросил Лев Моисеевич.

— Останется дома, её же не будут арестовывать.

Не успели они выехать из города, как к особняку Векслера подъехал милицейский уазик и микроавтобус. Несколько человек в штатском и два милиционера вошли в дом и, предъявив ордер Валентине Ильиничне, приступили к обыску.

— Хозяин дома? — спросил один из штатских.

— Нет, давно, ещё утром уехал по делам.

— А ваш гость где?

— Они вместе уехали, а когда будут, не сказали, — ответила Валентина Ильинична и как бы в раздумьях, помолчав, добавила:

— Вы, конечно, вправе обыскивать, но только компромат не подбрасывайте, ничего запрещенного в доме нет и быть не может.

Бегло осмотрев дом и ничего не найдя, старший группы позвонил своему начальству и доложил о результатах обыска.

— Я не сомневался, что так и будет, Векслер не идиот, чтобы держать оружие и документы дома, для этого у него есть пансионат, наверняка они там скрываются, а попасть туда мы можем только после штурма, на что никто не пойдёт, — услышал в ответ старший группы, после чего дал команду покинуть особняк.

В пансионате, куда приехали Векслер и Березуцкий, было на удивление тихо и безлюдно. Ветер медленно раскачивал верхушки вековых сосен, тополя и клёны теряли свою пожелтевшую листву, и в этой благодати ничего не напоминало о городских треволнениях.

— А где народ? — спросил Лев Моисеевич.

— В тире, на стрельбище, — ответил Векслер и повёл своего гостя в отдельно стоящий особняк для высоких гостей.

— Далеко этот тир?

— В подвале клуба. Сейчас устроимся в номерах, потом пойдём в столовую и отведаем солдатской кухни, повар тут отменный, кормит, пальчики оближешь, — улыбнулся Векслер.

— Прекрасно, с удовольствием покушаю солдатской пищи, — ответил Лев Моисеевич и, услышав звонок, добавил:

— А вот и наш американский друг звонит.

— Майкл, это ты? Хеллоу, Майкл, в каком номере ты остановился? В 215? Так, ясно, через час за тобой приедет машина и отвезёт тебя ко мне. Договорились? Вот и отлично! — и, обернувшись к Векслеру, сказал:

— Надо кого-то отправить за нашим гостем.

— Отправим Ермолаева, парень он надёжный, проверенный, сделает всё в лучшем виде, — ответил Векслер.

— Предупреди его, чтоб без хвоста.

— А ты позвони своему помощнику, пусть ждёт машину у гостиницы, нечего ему болтаться в городе.

— Да нет, Николай, как раз и нужен в городе, ему предстоит встретиться ещё с несколькими лицами, главное, с паханом, не помню его погоняло, надо точно обозначить время, когда он поднимет зёков и начнет заварушку, — ответил Лев Моисеевич.

Неприметная Лада шестой модели долго петляла по городу и, наконец, удостоверившись, что за ними нет хвоста, Ермолаев направился к пансионату и через полчаса остановился у особняка для высоких гостей.

— А вот и наш дорогой гость, — увидев подъезжающую машину, воскликнул Лев Моисеевич.

Из машины вышел ничем не примечательный мужчина лет сорока пяти и за ним молодая, скромно одетая невзрачная женщина.

— А это ещё кто? — наклонившись к уху Льва Моисеевича, тихо спросил Векслер.

— Фрида Зибельман, активистка Хельсинской группы, — ответил Лев Моисеевич и, широко раскинув руки, направился к гостям.

— Рад встрече, дорогие гости, здравствуй, Майкл, здравствуй, Фрида, — обнимая Майкла, воскликнул Лев Моисеевич, — прошу, дорогие гости, в дом, отдохнуть с дороги, откусать чем Бог послал.

— Здравствуй Лёвушка, здравствуй, дорогой, вот приехала поддержать вас в вашем благородном деле активизации народных масс в борьбе за демократию и лучшее будущее России. Наши друзья за рубежом уверены, что у вас всё получится, и ваши усилия поднять народ в отдельно взятом регионе не пройдут даром, всколыхнут всю страну, люди поймут за кем правда, за кем будущее! — на высокой ноте, с пафосом, заявила Фрида.

— Уверен, что так и будет, — в тон ей ответил Лев Моисеевич, — и позвольте представить вам моего соратника и друга Векслера Леонида Ивановича, руководителя местного отделения нашей партии. Он и его товарищи по партии возглавили народное движение против казнокрадов и коррупционеров, против клановости в управлении региона, за отставку нынешнего руководства области и досрочные честные выборы губернатора и мэров городов.

— Bravo, Леонид, мы были уверены, что в России есть здоровые силы, способные повернуть страну на демократический путь, способные адекватно воспринимать западные ценности, — с жаром воскликнул Майкл.

— Друзья, хватит митинговать, пора обедать, — воскликнул Лев Моисеевич и, подхватив Фриду Зибельман под ручку, повел её в особняк.

— Давно знакома с Майклом?

— Больше десяти лет, со времен горбачёвской перестройки, я тогда была совсем молода, неопытна, и Майкл, тогда он называл себя агентом влияния, помог мне определиться, с кем я, какова моя роль в этой жизни, — сказала Фрида.

— И уже тогда примерила на себя роль Жанны Д'Арк в российской истории, — усмехнулся Лев Моисеевич. — А помнишь, как гебэшники, постоянно терроризировали членов вашей группы? При обысках знали заранее, что никаких компрометирующих материалов, кроме, конечно, компромата на власть не сыщется, их убогое изображение шло по пути уголовщины: компрометирующие материалы, обыскивающие приносили с собой. Помнишь, когда один из этих тупоголовых «нашёл» доллары у тебя дома, а у твоего приятеля была найдена старая немецкая винтовка?

— Конечно помню, такое невозможно забыть, особенно когда тебя обвиняют в продажности и подготовке теракта, но, надеюсь, что больше такое не повторится, особенно после того как власти, наконец-то, ратифицировали Хельсинский протокол, — усмехнулась Зибельман.

Передав Жорику папку с документами, Николай Мохов направился к дому Векслера. Ещё издали он заметил у ворот особняка серую Волгу и двух мужчин в тёмных пальто, нервно переминавшихся с ноги на ногу и явно кого-то поджидавших.

— Уж не меня ли? — нервно подумал Николай. — Но я никого не жду и ни с кем не договаривался о встрече, тем более здесь. Чёрт, и свернуть-то некуда...

— Господин Мохов? Федеральная служба безопасности, капитан Ильин, с вами хотят побеседовать, прошу в машину.

— Я могу посмотреть ваше удостоверение?

— Конечно, смотрите, удостоверились?

— Я задержан или могу отказаться от вашего приглашения?

— Не задержан, но и отказаться не можете, — взяв Николая под руку, ответил капитан.

Через пятнадцать минут Волга подъехала к трёхэтажному серому зданию и въехала во двор. Николая провели на второй этаж и пригласили в кабинет. За большим дубовым столом в кресле, сидел грузный мужчина лет пятидесяти, с лысеющей головой, на его одутловатом лице явно просматривались следы вчерашней попойки.

— Полковник Назаров, — представился он. — Мы пригласили вас, господин Мохов, потому что не смогли побеседовать с вашим шефом, он явно избегает встречи с нами. Вы не возражаете, если мы зададим вам несколько вопросов о вашей деятельности в нашем регионе?

— У меня есть выбор? — с вызовом, спросил Николай.

— Ну зачем же так, мы просто хотим понять, что вы делаете у нас?

— Что мы делаем? Да ничего, что бы противоречило российским законам и здравому смыслу. Как вам известно, мой шеф, Березуцкий Лев Моисеевич, возглавляет партию «Народ и воля» и прибыл сюда для знакомства с делами местной партийной организации, которую возглавляет известный вам господин Векслер, у которого мы и остановились.

— Вы хотите сказать, что до приезда к нам ничего не знали о сложной ситуации в регионе?

— Это плановая поездка и никак не связана с вашей ситуацией.

— Не держите нас за идиотов, — взвился полковник, — с вашим приездом вдруг резко вырос тираж оппозиционной газетенки «Глас народа», деньги они получили от вас?

— Господин полковник, наша партия находится в оппозиции к правительству страны, и поэтому естественно то, что местные партийцы нашли возможным расширить круг читателей этой газеты. — Не только расширить круг читателей, но и печатать мерзкие статейки о руководстве области, а это уже подрыв существующего строя!

— Это демократия, господин полковник, это возможность высказать то, о чём молчат ручные газеты и телевидение, это воистину глас народа, который должен быть услышан, иначе добром это не кончится.

— На что ты намекаешь? На бунт? На дискредитацию губернатора и замену его на своего человека? С этой целью вы затеваете свой митинг и демонстрацию? — рывкнул полковник.

— Насколько мне известно, это будет мирная демонстрация, народ хочет спросить, когда ему станет лучше жить, когда начнут работать заводы и фабрики, когда кончится безработица, и наступят перемены к лучшему. Я верю, что совесть, стремление к справедливости и свободе — внутренние, неотъемлемые качества каждого человека,

даже если они в нем подавлены обстоятельствами, — с пафосом ответил Николай.

— А нам известно другое — вы затеваете беспорядки, такие же, как в Богородске, думаете пустить в ход кулаки, а если это так, пеняйте на себя, так и передай своему шефу и не жалуйтесь, что мы ущемляем демократию, — полковник с презрением оглядел Николая и продолжал:

— Тебя бы в мои лейтенантские годы, лежал бы ты сейчас в камере на бетонном полу и харкал бы кровью, да были времена, — протянул он. — А теперь вот беседую с тобой, пытаюсь внушить тебе, чтобы не играл с огнём. Всё, беседа окончена, иди и подумай, сколько стоит собственная свобода человека, покушающегося на власть.

Николай с удивлением и недоверием посмотрел на полковника:

— Я могу идти?

— Я же сказал, идите, ты что же думал, что тебе будут вводить под ногти иглы, ломать руки, подвешивать на дыбе? — криво усмехнулся полковник. — Это не моё решение, а жаль, таких, как ты, надо искоренять без суда и следствия, как раковую опухоль на теле государства. Распустила слюни Москва, а теперь пожинает плоды своей безвольности, все кому ни лень, готовы поубивать всех чиновников в стране, считая их виновными в своей никчемности. Всё, иди от греха подальше.

С этими словами полковник достал из стола бутылку водки, налил себе в стакан и выпил:

— Что смотришь, с такими, как ты, того и смотри инфаркт хватит.

Глава 17

Выйдя из здания ФСБ, Николай позвонил Льву Моисеевичу Березуцкому и рассказал о своей беседе с полковником.

— Отлично, пусть знают, что мы полны решимости поднять народные массы и потребовать смены существующей власти, которая полностью дискредитировала себя в глазах народа, — с пафосом ответил Березуцкий и, помолчав, добавил:

— Как ты думаешь, они удовлетворятся беседой с тобой?

— Думаю, да, вы можете возвращаться в город, — ответил Николай.

— Очень хорошо, сейчас нам с Векслером необходимо быть в городе, через час встречаемся дома.

Лев Моисеевич потёр свой подбородок, носовым платком вытер слегка вспотевшую лысину и направился в комнату Векслера.

— Звонил Николай, — с порога начал Лев Моисеевич, — мы можем возвращаться в город.

И вкратце пересказал разговор с Николаем.

— Отлично, едем, — с этими словами Векслер собрал со стола бумаги и запер их в сейф.

— Здесь держать партийные документы надёжнее, — оглаживая сейф, добавил он.

— А что будем делать с нашими гостями? — озабоченно спросил Лев Моисеевич.

— Я думаю, им лучше всего пока пожить здесь.

— Я тоже так думаю, — согласился Лев Моисеевич, — нечего им мозолить глаза феэсбешникам.

Они вышли из комнаты и направились в номер американского друга. Постучав в дверь и не получив ответа, Векслер пожал плечами и взяв под руку Березуцкого, повёл его в сторону холла. Не успели они пройти и несколько шагов, как мобильный телефон Березуцкого разорвал тишину, отчего Лев Моисеевич невольно вздрогнул и, вытащив из кармана телефон, отошёл в глубину коридора.

— Здравствуй, милый, — услышал он голос жены, — ты долго ещё собираешься там прохладиться? Ты нужен здесь, у меня проблемы с визами для моих подопечных.

— Бася, дорогая, подожди ещё несколько дней, скоро всё закончится, и я вернусь, а пока не могу всё бросить и мчаться к тебе.

— А ты уверен, что без тебя что-то пойдёт не так? У тебя же там Векслер, сам много раз говорил, что он очень надёжный человек и, наконец, я просто соскучилась, мне неуютно одной в пустой квартире.

— Бася, дорогая, потерпи ещё немного, я скоро приеду, а пока прости, меня ждут, всё, целую, — с этими словами Лев Моисеевич отключил телефон.

Своих друзей они нашли в холле; Фрида Зибельман, облокотившись на подлокотник кресла, внимательно слушала Майкла. Увидев Векслера, который шёл впереди, он резко оборвал свой монолог и вопросительно посмотрел на Леонида Ивановича.

— Что-то случилось? — спросила Фрида.

— Да, мы с Львом Моисеевичем должны уехать, а вас просим остаться здесь до «дня икс», понимаете, в городе мы не сможем обеспечить вам безопасность, поэтому давайте не будем дразнить гусей.

— Может быть, вы правы, нам лучше остаться здесь, а вы как думаете Майкл? — спросила Фрида Зибельман.

— О, здесь прекрасно, богатая природа, хорошая кухня, что ещё нужно человеку в нашем положении? И потом мне очень не нравится повышенное внимание местных гебэшников, — усмехнулся Майкл.

— Значит, остаёмся, — улыбнулась Фрида, — погуляем, поговорим, тем более мне надо ещё очень многое сказать вам, Майкл.

— Да, места здесь чудесные, воздух, воздух-то, дышишь и надышаться не можешь, — поддакнул Векслер.

— А, я всё думаю, почему у меня кружится голова и только сегодня утром поняла, это от местного воздуха, отвыкла, знаете ли, от природы, — усмехнулась Фрида.

— Всё, мы уходим, через два дня приплём машину и встретимся у меня дома, буду очень рад гостям и специально для вас приготовлю очень вкусное чисто русское блюдо, — с этими словами Векслер, а за ним и Лев Моисеевич, пожав руки гостям, вышли на улицу, где их уже ждала машина.

Всю дорогу до дома Векслера Льва Моисеевича не покидала внутренняя тревога, поминутно вглядываясь в ленту дороги, он напряжённо ждал подвоха, но, когда проехали мимо поста ГАИ, он, наконец, успокоился и, откинувшись на спинку сидения, облегчённо вздохнул. У ворот дома Векслера их ждал Николай Мохов; увидев машину, он открыл ворота, и когда та въехала и остановилась, прошёл в глубь двора и стал ждать прибывших. Векслер и Березуцкий вышли из машины и направились в дом, где их уже поджидал обильный стол. Отобедав, все трое тут же поднялись в холл третьего этажа и принялись обсуждать последние события и планы на будущее. Выслушав подробный отчет Николая Мохова о его беседе в ФСБ, Лев Моисеевич и Векслер пришли к выводу, что ничего кроме предупреждения сотрудники уважаемой конторы предпринять не смогут и тем более запретить предстоящую демонстрацию.

— Не те времена, — потирая руки, воскликнул Векслер.

— Да, укоротили им руки, нет былой наглости и вседозволенности, — поддакнул Лев Моисеевич. — А теперь давайте обсудим предстоящие дела. Итак, начнем с тебя, Николай, готовы ли твои подопечные к предстоящей акции?

— Деньги взяли, а у них слова с делом не расходятся, по крайней мере так уверял меня Дубов.

— Значит так, ты сегодня звонишь сначала газетчику Жорику и просишь его написать и напечатать в газете обращение народного собрания к президенту страны о введении прямого президентского правления на территории региона, потом своему бандюку и говоришь ему, о том, что бунт должен начаться вечером в воскресенье, а это значит то, что власти должны будут направить туда милицию и внутренние войска. Кстати, Леонид, вы не знаете, сколько ВВ находится на территории области?

— Никаких внутренних войск у них нет, был полк, но его ещё пять месяцев назад отправили в Чечню.

— Отлично, остаётся милиция, а это значит, её в городе почти не будет.

— Лев Моисеевич, губернатор вызвал из Москвы спецназ, — сказал Николай.

— А у нас есть «Капкан», — воскликнул Векслер.

Лев Моисеевич вальяжно прошёлся по холлу и хотел что-то сказать Векслеру, как вдруг зазвонил его мобильный телефон.

— Алло, слушаю, — ответил он и, продолжая прижимать трубку телефона, согласно кивал головой, — хорошо, я сейчас выйду и, взглянув на Николая Мохова, сказал:

— Звонит Владимир, мой сын, предлагает встретиться, он на машине стоит у ворот дома, я иду.

Владимир Петров сидел за рулём в дорогом светло голубом Саабе и слушал музыку. Через несколько минут после звонка дверь машины открылась и, оглядев салон, Лев Моисеевич уселся на переднее сидение.

— Ты хотел со мной говорить? О чём? — глядя в упор на сына, спросил Лев Моисеевич.

— Ты воображаешь себя моим отцом, так?

— Так, ты мой сын, — улыбнулся Лев Моисеевич.

— Брось, никакой я тебе не сын, ты бросил мою мать в трудную минуту, она, чтобы не умереть с голоду, вынуждена была ублажать богатеньких самодуров, ты променял меня на сытую, обеспеченную жизнь и теперь вдруг заявляешь, что я твой сын. Мне противно глядеть на тебя, меня бесит тот факт, что в моём теле течёт твоя кровь, кровь предателя, кровь приспособленца и политического покойника, который пытается за счёт денег удержаться на плаву. Предупреждаю тебя, если хоть одна живая душа узнает, что ты мой отец, я убью тебя, а потому немедленно убирайся из города.

— Володя, послушай, всё было не так, всё было гораздо сложнее, в то время меня преследовало КГБ, меня в любую минуту могли объявить врагом народа, судить и сослать в Сибирь, но и это ещё не всё, меня предупредили, что, если я не расстанусь с твоей матерью, её обвинят в пособничестве врагу народа и вышлют на поселение в Магадан. Понимаешь ли ты моё положение? Мог ли я подвергать столь тяжёлому испытанию беременную женщину? Нет, не мог, пришлось наступить на горло собственной песне и расстаться с любимой, — с пафосом закончил свою речь Лев Моисеевич.

— Да будет тебе врать, я наводил справки, никакого дела в КГБ на тебя не было, а вот то, что ты был их осведомителем, доказано одним из бывших сотрудников конторы, — помнишь капитана Богданова? А женили тебя твои родители, поставив условие, либо ты женишься на дочери замминистра, либо уходишь из дома и лишаешься их поддержки, а значит прощай, сытая жизнь, прощай, уют, прощай, карьера. Так что не пудри мне мозги, ты как был подонком, так им и остался, думаю, что и сейчас ты играешь на два фронта, — усмехнулся Владимир.

— Это ложь, наглая ложь, я никогда не был стукачом, слышишь, никогда, — взвился Лев Моисеевич и, схватив сына за руку, добавил:

— Я всегда боролся с режимом, и сейчас мы проводим акцию, направленную не только на местную власть, но и против существующей московской камарильи.

— Убери руку, а то оторву, — рявкнул Владимир и раздражённо добавил:

— Никогда не смей прикасаться ко мне.

И с гордостью продолжал:

— Мы сторонники чистоты русской нации, мы за то, чтобы другие нации компактно проживали на своих территориях, не лезли к нам со своими уставами, и уважали наши традиции, мы за то, чтобы другие нации жили по своим средствам, а не за счёт русских. Хватит кормить инородцев пусть они обеспечивают самих себя и живут в своих анклавах со своим укладом и традициями. Будь моя воля, я бы вообще ввёл для некоторых малых народов черту оседлости за которую они могли бы выходить по особым разрешениям, а что ты и твои приспешники предлагаете, ничто, сплошное словоблудие о народном благе, которое скрывает жажду власти и непомерные амбиции выскочек.

В это время чёрный Гранд Чероки остановился в нескольких метрах от Сааба, из него вышла Марина и, подойдя к машине сына, заглянула в открытое окно:

— Володя, ты закончил разговор с Львом Моисеевичем? Если закончил, я забираю его, не возражаешь?

— Забирай, я ему всё сказал, всё, что я о нём думаю, только ответь мне, мама, на один вопрос: зачем он тебе нужен? Что ты с ним возишься?

— Сынок, в своё время ты всё узнаешь, — улыбнулась Марина. — А теперь, Лёвушка, едем со мной, нас ждёт роскошный обед.

Ресторан, куда они подъехали располагался на первом этаже гостиницы «Центральная» и представлял собой совдеповский общепит, но с хорошей кухней. И действительно обед был хорош, завершился клубничным мороженым.

— А теперь у меня для тебя сюрприз, я сняла на втором этаже люкс, догадайся для чего? — рассмеялась Марина.

— Для исполнения моей мечты?

— Да, я решила исполнить твоё желание, — продолжала смеяться Марина, — идём, нас ждут незабываемые мгновения.

В номере всё было готово к приёму гостей — на прикроватном столике стояла бутылка французского шампанского, ваза с виноградом и два хрустальных фужера.

— Лёвушка, иди и прими душ, а я пока разберу постель.

Когда Лев Моисеевич вернулся, Марина протянула ему бокал с шампанским и предложила тост:

— Лёва, предлагаю забыть всё прошлое и начать новую, прекрасную жизнь, жизнь свободную от мрачных воспоминаний и предрасудков, за новую жизнь!

Лев Моисеевич залпом выпил шампанское и, схватив в объятия Марину, уложил её на кровать. Затем, рывком скинул халат, лёг рядом с ней.

— Лёвушка, не спеши, у нас впереди много времени для безумств, — глядя его грудь, прошептала Марина, — я отвыкла от мужской ласки, я должна почувствовать тебя.

— Хорошо, я подожду, — засыпая, прошептал Лев Моисеевич.

Марина встала с постели, оправила сбившийся халат и потрепав своего Лёвушку по щеке, усмехнулась:

— Тебя, милый, действительно впереди ждёт новая жизнь.

С этими словами она достала из сумки шнурок, откинула одеяло и, стянув с Льва Моисеевича трусы, уверенными движениями стянула шнурком мошонку и, завязав на несколько узелков, удовлетворенно вздохнула:

— А теперь обезболим, вколем морфинчику — и до свидания, до новых встреч, спи спокойно, через 8 часов тебя разбудит коридорная, — с этими словами Марина оделась и вышла из номера.

Прошло уже шесть часов с тех пор, как Лев Моисеевич покинул особняк Векслера. Николай Мохов забеспокоился, спустился на первый этаж особняка и, увидев Векслера, спросил:

— Леонид Иванович, вы не знаете, когда вернётся мой шеф? Как вы думаете, где он может быть?

— А вы ему звонили?

— Звонил, он не отвечает, мы не знаем с кем он, где он и что в этом случае делать?

— Он ушёл на встречу с Владимиром Петровым.

— Так позвоните ему.

— Звонил, его пригласила на обед Марина, думаю они где-то задержались, так что беспокоиться не о чем, — усмехнулся Векслер.

— Ладно, подождём ещё, может, появится, — согласился Николай.

Прошло ещё три часа, наконец, Николай не выдержал и позвонил Марине:

— Марина, это Николай, мой шеф не с вами?

— Нет, я в Москве, а твой шеф остался в гостинице «Центральная», ищи его там, чао.

Николай уже собирался звонить в гостиницу, как в эту минуту зазвонил его телефон и незнакомый женский голос спросил:

— Николай Мохов?

— Да, это я.

— Березуцкий Лев Моисеевич находится в хирургическом отделении городской больницы №3.

— Что с ним?

— Ему сделали операцию, и сейчас он в палате отходит от наркоза.

— Послушайте, что это за операция? Ещё несколько часов назад он был совершенно здоров и вдруг операция! У него аппендицит?

— Нет, об операции вы сможете узнать у хирурга.

— Когда я смогу его увидеть?

— Через час, он ждёт вас.

Сообщив Векслеру о том, что его шеф попал в больницу, Николай вызвал такси и поехал проведать Льва Моисеевича, которого нашёл на больничной койке, после перенесённой операции и наркоза вполне адекватным, но каким-то рассеянным, погружённым в свои невесёлые думы.

— Лев Моисеевич, что случилось, почему вас оперировали? — с места в карьер начал Николай. — Так нельзя, я не знал, где вас искать, поймите, вы не принадлежите себе, вы лидер партии, за вами люди!

— Всё, всё, успокойся, ничего страшного, как видишь жив, а это главное, — слабым голосом ответил Лев Моисеевич.

— Так, что же всё-таки случилось?

— Меня кастрировали, — равнодушно, как будто это случилось не с ним, ответил Лев Моисеевич, — но предупреждаю, об этом знаешь только ты, понял?

— Господи, как же это случилось?

— Очень просто, Марина подсыпала мне в шампанское какой-то дряни, я потерял сознание, она перевязала мне мошонку и всё.

— Но это нанесение тяжких телесных повреждений, это уголовщина, её судить надо, — воскликнул Николай.

— Как ты себе всё это представляешь? Я, политический деятель, подаю в суд на женщину, которая лишила меня мужской силы, сделала меня евнухом, ты подумал о том, как это отразится на моём авторитете? Представляю заголовки газет — «Лидер партии кастрат», и далее, «Может быть, и вся партия состоит из политических евнухов?» А ты — уголовщина, суд... Шумиха, которая поднимется вокруг этого дела, принесёт огромный вред нашему делу, а этого допустить никак нельзя.

— Вы, что же, простите её? — недоверчиво спросил Николай.

— Я не простил, но и шуметь не собираюсь. Официально в истории болезни записано паховая грыжа, понятно?

— Но ведь о таких травмах врачи обязаны сообщать в полицию.

— Не всегда, особенно когда между страниц журнала врач обнаруживает много зелени, понял? — усмехнулся Лев Моисеевич и, похлопав Николая по руке, добавил:

— Собственно мы выполнили свою миссию, взбудоражили регион, дали лишний повод нашим друзьям в Кремле для укрепления вертикали власти и борьбе с сепаратизмом. Местная верхушка во главе с губернатором спят и видят, как бы отделиться от центра, самостоятельности им захотелось, но ничего, очень скоро их мечтам придёт конец.

— Лев Моисеевич, что значит — помогли друзьям в Кремле, это что же, всё это время мы, как провокаторы, работали на власть? — недоверчиво воскликнул Николай. — А как же наши идеи народо-властия?

— Коля, не как провокаторы, а как катализаторы народного недовольства, а идеи идеями, но с существующей властью надо жить в мире, знаешь же, что плохой мир лучше хорошей войны, а теперь иди с Богом, собери вещи, завтра мы улетаем в Москву.

— Это, это, это, мерзко, — заикаясь, крикнул Николай и быстро вышел из палаты.

Глава 18

Воскресный день накануне «дня икс» для многих партийных функционеров городской организации «Народ и воля» выдался весьма напряжённым — уточнялись списки желающих принять участие в демонстрации протеста, готовились речёвки, уточнялись места сбора и маршруты движения колонн. Векслер беспрерывно звонил по телефону, требуя информацию о готовности той или иной районной организации к демонстрации. Николай Мохов, с утра навестив в больнице своего шефа, связался с - - -, вором в законе, которому в своё время он передал деньги, и уточнил время начала бунта в колониях области. Предполагалось, что бунт заключённых начнётся одновременно в пяти колониях общего режима, в одной строгого и одной детской на вечерней поверке, где вертухаи будут захвачены в заложники, администрации зон будут выдвинуты требования послабления режима, улучшение питания и быта. Предчувствуя, что понедельник может выдаться очень напряжённым и даже опасным для рядовых сотрудников администрации, губернатор ещё накануне объявил этот день выходным, на работу должны были выйти только руководители департаментов и отделов. Полковник ФСБ Назаров, выполняя приказ генерала, встретился со своим агентом и уточнил время и цели поражения. Объявив общий сбор в 7 утра понедельника, Алексей Быданов ещё в субботу отпустил большинство бойцов «Капкана» к своим семьям, оставив в располужении базы дежурных и группу быстрого реагирования.

Капитан Ермолаев, сославшись на неотложные дела в городе отпросился до семи утра понедельника. Капитан Ермолаев с двенадцати лет

мечтал служить в органах безопасности, после окончания школы пришёл в райком комсомола и попросил рекомендацию для поступления в школу КГБ. Поскольку будущий капитан окончил школу с серебряной медалью, активно участвовал в общественной жизни и, как говорили в те времена, был морально устойчив, райком рекомендовал его в школу КГБ. Но по неизвестным причинам его кандидатуру отклонили, и он был вынужден поступить в местное пехотное училище. Много лет спустя он узнал, почему был не принят в школу КГБ, оказалось, что виной всему было то, что его мать родилась в г. Харбине, где после революции проживали его дед и бабка. Поступив в пехотное училище, он уже через месяц явился в первый отдел и предложил свои услуги в качестве осведомителя, надеясь, что это поможет ему со временем перевестись в КГБ. Всё бы ничего, но уже через три месяца однокурсники поняли кто в их рядах «дятел» и стали демонстративно сторониться Ермолаева. Тогда он нашёл среди своих сослуживцев слабовольного курсанта, запугал его, и тот стал доносить обо всех разговорах, которые велись в курилках. Попав по распределению в понтонно-мостовой полк, он продолжал стучать на однополчан уже не в КГБ, а в преобразованное на его базе ФСБ, однако это не помогло ему сделать военную карьеру и, дослужившись к тридцати годам до капитана, был уволен по сокращению штатного расписания. Не успел он освоиться на новом месте жительства в Нижнегорске, как однажды на улице к нему подошёл человек в штатском и предложил дальнейшее сотрудничество с местным управлением ФСБ, на что Ермолаев без лишних раздумий согласился, после чего ему было рекомендовано устроиться в охранное предприятие «Капкан». Встретившись в полдень в городском саду с полковником Назаровым и получив от него инструкции по проведению акции устрашения, Ермолаев почувствовал радость оттого, что оказался нужным государству человеком, от которого зависят судьбы многих людей. Он прекрасно понимал, что именно своими действиями может изменить историю не только города, но и повлиять на всю дальнейшую политику государства, отчего его грудь переполняла гордость и благодарность судьбе, которая давала ему такой шанс. В эту ночь Ермолаев так и не сомкнул глаз; ровно в три часа он осторожно, чтобы не разбудить жену, вышел из дома и отправился к магазину женской одежды «Незабудка», где его уже ждала старенькая «Волга». Осмотрев машину, он обнаружил на заднем сидении гранатомёт и две боеголовки. Проехав три квартала, он выехал на площадь перед резиденцией губернатора, вышел из машины, не спеша зарядил гранатомёт и, прицелившись, выстрелил в окно третьего этажа.

Раздался грохот, из окна вырвался столб пламени, на мостовую полетели осколки битого стекла и штукатурки. Затем, перезарядив гранатомёт, он выпустил второй заряд в здание областного заксобра-

ния и, открыв дверь машины, уже собирался уехать с площади, но был буквально изрешечён автоматной очередью. Уже через полчаса на месте происшествия собрались телевизионщики, репортёры местных и центральных газет, перед ними выступил начальник городской полиции полковник Завьялов, заявив, что обезвреженный террорист является членом местной партийной организации «Народ и воля», работником «Капкана», владельцем которого является небезызвестный господин Векслер. По его словам, следствие уже приступило к расследованию, и не исключено, что очень скоро будут раскрыты и арестованы все участники террористической организации во главе с её главарями.

— Эту провокацию специально устроили, чтобы помешать народной демонстрации протеста против власти, — крикнул Жора.

— Вы кто такой? — спросил полковник.

— Я редактор независимой газеты «Глас народа».

— Следствие разберётся, — заверил полковник.

— Знаем мы ваше следствие, что угодно притянете за уши, уверен, у вас уже есть заказчики этих взрывов и вы, господин полковник, главный провокатор, — махнул рукой Жора.

— Что? Да я тебя, гнида, сотру в порошок, — взревел полковник.

— Попробуйте, я буду ждать, только времена не те или забыли? Теперь у нас главенство закона, полковник, — усмехнулся Жора.

Ещё час спустя в расположении «Капкана» появилась группа захвата ФСБ. Опечатав оружейную комнату и выставив охрану, полковник Назаров с двумя бойцами прошёл в гостиницу пансионата и отыскав комнату Алексея Быданова, постучал:

— Быданов, откройте, ФСБ.

Через минуту дверь открылась и на пороге появился полураздетый Алексей:

— В чем дело?

— Вы задержаны, — ответил полковник.

— На каком основании?

— По подозрению в связи с террористами.

— Это чушь, я никого не знаю и знать не хочу.

— Капитан Ермолаев у вас работает?

— Да, а что?

— А то, что он час назад обстрелял из гранатомёта здания администрации и областное заксобрание. У вас есть что-то подобное?

— Есть, но без меня никто не может получить оружие, ключи от оружейной комнаты есть только у меня, и потом, когда Ермолаев уезжал из пансионата, при нём ничего не было.

— Ладно, разберёмся, а сейчас одевайтесь, поедете в управление для допроса под протокол, кстати, кто ещё живёт в пансионате?

— Американец Майкл, сотрудник американского посольства и женщина, некто Зибельман, член Хельсинской группы.

— Известные все лица, всё вынюхивают грёбанные борцы за демократию.

— Капитан, — окликнул полковник своего помощника, — разыщите этих людей, отвезите в аэропорт и отправьте в Москву, не хрена им тут болтаться.

В эту ночь губернатор практически не спал, сначала поздним вечером состоялся разговор с помощником президента, который предупредил о возможных неприятных последствиях, если в области не будет улучшаться экономическая и внутривластная обстановка. Помощник напомнил, что область находится на последнем месте в стране по экономическим показателям, как следствие низким жизненным уровнем населения и на первом месте по коррупции среди чиновников госаппарата.

— Господин Русаков, вам даётся три месяца на исправление ситуации и, если подвижки к лучшему не произойдёт, президент вынужден будет ввести в области прямое президентское правление.

От этих слов губернатора бросало то в жар, то в холод, он прекрасно понимал, что это не пустые угрозы, что так и будет, а это значит вселенский позор, и возможно возбуждение уголовного дела. Он тут же обзвонил своих заместителей и назначил совещание на восемь утра. Затем связался с генералом ФСБ Власиком и потребовал исключить применение оружия против демонстрантов.

— Пусть митингуют, выпускают пар и разойдутся, мы же опубликуем новую программу развития области и тем самым заткнём глотки крикунам, — закончил разговор губернатор.

ЭПИЛОГ

В понедельник в десять часов утра на площади Советов собралось около пятидесяти тысяч митингующих, была принята резолюция с требованием досрочных выборов заксобрания и губернатора, одобрено обращение к президенту о введении прямого президентского правления в регионе вплоть до выборов нового главы администрации и законодателей.

Однако значительные перемены в жизни простых граждан наступили только три года спустя. В связи с провалом на очередных выборах в Государственную думу партия «Народ и воля» самораспустилась, Лев Моисеевич Березуцкий уехал за границу, где через несколько лет при странных обстоятельствах обрёл вечный покой.

Марина уехала в Астрахань, где открыла небольшой заводик по производству катеров на подводных крыльях и заложила первую яхту для казахстанского предпринимателя. Николай Мохов вернулся в

университет, где продолжил научные изыскания и через два года защитил кандидатскую диссертацию. Алексей Быданов и Аня Кущева сыграли свадьбу и поселились в Нижнегорске, через девять месяцев накануне рождения ребенка рано утром во дворе собственного дома Алексей был застрелен неизвестным киллером, которого так и не нашли, поговаривали, что он скрылся в горах Кавказа. Павел Одинцов и Даша поженились, продали часть участка и на вырученные деньги построили новый дом, вскоре у них появился наследник, а ещё через год дочка. В связи с недостатками в работе, проявлением сепаратизма губернатор указом президента был отправлен в отставку, но вскоре получил должность представителя региона в Совете федерации. После самороспуска партии «Народ и воля» Векслер прикупил местный пивной завод и организовал региональную партию любителей пива, членам которой разрешалось раз в неделю дегустировать пиво десяти наименований.

Клин 2013–2014 г.

* * *

Слова смешные дразнятся из детства.
В години бабушек, садов и детских бедствий
Меня несет.

«Калоши», «абажур», ручная сетка,
которая — «авоська», и «пипетка»...

Пожалуй всё.

Нет!

Туфель маминых блестящие «набойки»,
Ещё из детства слово — «перестройка»,
«Тахты» продавленной, свезённой на помойку
Протяжный стон.

Скончалась тихо старая соседка.

И в «Правде» выйдет грустная заметка

О том, что «иностранцу с табуреткой»

Уже не нужен полосатый слон.

* * *

В моей Калуге на исходе

Трёхмесячного октября

Я одеваюсь по погоде,

Но, впрочем, «по погоде» — зря.

По прихоти сиюминутной —

Обильный плотный снегопад.
Зима намолена прилюдно.
А мне «экспрессом» — в Москваград.
Перемещаться повагонно,
Трястись зажатому меж двух
Седых старушек полусонных,
Считать в окошке снежных мух...

СНЕЖИНКИ

Моя зима не закончится никогда
Под ногами истоптанный серый лёд.
Этот город вымерз, а прочие города
Отогреет кто-нибудь и спасёт
Если только захочет... А я хочу
Вместе с мелким снегом идти... идти
Самому бы согреться. Ну хоть чуть-чуть...
К сожаленью, не тают в моей горсти

Снежинки.

* * *

А.Г.

Это проводы: прощальный разговор,
Сумки веские твои — да, я навьючен.
А потом — в метро. Ты знаешь, до сих пор
По Москве ходить я не обучен.
Ты в Казань с Казанского вокзала,
Мне на Киевский, да только не туда.
Что-то на прощание сказала,
Помолчали...
Впрочем, как всегда.

* * *

Листики пыльные, личики пыльные.
Тянется вверх на термометре ртуть.
Выходят на улицы люди:
стильные,
Активные, потные...
Где?
Не суть.

ПРИКОСНОВЕНИЕ ЛЮБВИ

* * *

Встречаю эту ночь в пылинках звёздных,
Гадая на упавшую звезду.
Ведь есть же где-то тот,
с кем просто-просто,
И я к нему уже иду, иду!

Ничуть не усомнившись —
взять, не взять ли
Того, кого сама себе звала,
Упала бы в тепло его объятья,
В распахнутых навстречу два крыла.

И ни о чём его бы не спросила,
Ведь сразу было ясно: мы — свои,
Так крепко в нас сердца соединило
Живым прикосновением любви!

29 июня 2008 г.

* * *

Так странно, что другую выбрал ты,
Чьи речи томны, а глаза пусты.
Пусть нежны поцелуи, но когда
Они застынут капельками льда
На коже, ты, дрожа от них,
Как будто от ожогов ледяных,
Вдруг вспомнишь, как помог
тебе согреться
Мой поцелуй горячий, прямо в сердце!

19 октября 2005 г.

* * *

Тебя ждала, хотя и знала —
Ты вихрь и дым,
Тебя комета пеленала
Огнём своим!

Подобен звёздам и кометам
Ты сам теперь,
Весёлым и жестоким ветром
Стучишься в дверь.

Спокойно дверь тебе открою —
Ведь я светла!
Гляди — сияют за спиною
Мои крыла,

И над челом, столь безмятежным
Ты видишь — свет!
Ты ослеплён, и ты повержен,
О, сын комет!

Застывший скорбно на пороге —
Уже не враг,
Лишь обесславленные боги
Прекрасны — так,

Печальны так,
Что даже жалость
Не оскорбит.
И я смиряю света ярость,
И гнев забыт.

В глаза взгляни — я нарекаю
Себя твоей!
Стоящий на пороге рая
Благоговей.

5 мая 2006 г.

* * *

В испепеляющую нежность
Моя невинная игра,
В беспечность или безмятежность,
Игра в слова

Несказанные — как осмелюсь?
— И вот теперь игра в стихи.
Ещё: коснуться так хотелось
Твоей щеки

Рукой. А может, губ губами?!
Скажи, наверно, мы могли...
Как ты не видишь, между нами —
Шаг до любви.

29 сентября 2007 г.

* * *

Осторожно, как будто иду по стеклу,
Я к тебе подбираюсь всё ближе и ближе,
Я слежу за собой, я играю в игру,
Я немножко люблю
и чуть-чуть ненавижу.
Я спокойна, ведь знаю: пока я жива,
Ты в дыханье горячем успеешь согреться,
Но сейчас вдох мой лёгок и слышен едва.
Я крадусь и вот-вот постучусь
к тебе в сердце.

Пусть наполнен страданием шаг мой любой,
Но улыбка нежна, лучезарна, беспечна!
В твоё сердце войду и останусь с тобой
Столько, сколько захочешь,
а значит — навечно.

20 января 2008 г.

Русь

Я в очи синие гляжусь
И вижу дремлющую Русь.
Проснись, славяночка! Проснись!
Нас ждёт невиданная высь,

Восход к всезвёздным берегам,
Где вера в чувства так крепка,
Что в сердце русском отдалось
Единым словом, словом Рось.

Она во мне, она вокруг:
И летний зной, и стужа вьюг.
Так многолика, так пестра:
Россия мать, жена, сестра.

Все лица близкие — родные
Слились в тебе, моя Россия.
Священен, выстрадан язык,
Которым твой народ велик;

Былых побед мотив простой
Хранит распахнутый простор,
Где мира и шестая часть
Без крови в руки не далась.

Что схоронили, не забыто —
Оно грядущему открыто.
Встречая алую зарю,
Я гимны новые пою.

Воздвигнут россы дивный храм.
Там места нет ничьим богам.
Но всё же пред одной склонюсь
Богиней, наречённой — Русь.

ГОЛОСА КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛИ

Людмила ФИЛАТОВА

г. Калуга

Ангелы не обижаются,
они всё равно приближаются,
крылья на плечи кладут,
и ждут...

Полночная птица¹

Ну, как в разорённом,
разграбленном мире
себя по крупицам собрать?..
Полночная птица, мой коршун,
мой сирин,
жалеть нам черёд
иль карать
предавших, убивших,
признавших бессилье,
попавших на праведный нож?..
Когтистой лапкой играя на лире,
кому отходную spoёшь?..
Не старому миру, так новому миру,
провисшим без цели и дат...
Полночная птица, мой коршун,
мой сирин,
никто не вернётся назад...

Образа

Всё было. Всё будет...
Что ново, то старо.
Что — в пламень,
сторицей воскреснет в огне.
Россия молчит, одурев от угара,
ещё не винась в неизжитой вине.
А тех, что нажива чахоткою душит...
Ей богу, российских церковей образа

¹ Из поэтического сборника «Ангелы не обижаются»

ещё призовут их заблудшие души
и светом наполнят глаза.

Поздняя дорога

Несло сквозь мглу,
плечом к плечу качало...
Рука чужая на поле лежала
расстёгнутого — невзначай? — пальто.
И лепестки оброненных цветов
саднили горько, сладостно и вяло.
Хотелось выйти в ночь,
ту, что уже постелью
постелена, и жарко под метелью
и отлюбить,
и тут же умереть!
Но было странно и бессмысленно
хотеть...

Белые гвоздики

Белые — что хлопья в снегопад —
на столе моём опять гвоздики...
Ничего не повернуть назад,
и судьбой отвергнутые лики
вянут и уходят, как цветы —
ты, она... и я,
и снова ты.

Людмила Николаевна Филатова живет и работает в Калуге, член СП России, автор ряда поэтических книг, пишет прозу и пьесы. Сотрудничает с Калужским народным литературно-поэтическим театром.

Подготовка

«Когда же и сознание внутри себя
ты сможешь погасить»

Тогда
Из глубины молчания родится
Слово»
«Подмастерье» М. Волошин

«Я читаю Пушкина» — этим даже не похващаешься
«Я читаю Хлебникова» — пытаюсь найти общий язык
с птицами

«Я читаю Айги» — и не знаю, что лучше:
быть непонятым или непонятным.

...«Я читаю Чтиво» — но обнаруживаю,
как ростом своего количества
оно стало пропорционально уменьшать качество
отдельно взятого меня.

Сегодня не прочитаю никого!
Готовлюсь к Пустоте...

Текила верлибра

бывает, подносишь рюмку к губам,
а рука дрожит
к микрофону подходишь из души почитать,
а всего трясёт

«Всё, я больше не пишу» — говорю себе,
а не выпить не могу...

Что там у вас сегодня в меню из знаменитого? Коктейли:
«по-пушкински», «по-лермонтовски»,
«по-маяковскому», «по ком там ещё колокол»?..
нет, мне, пожалуйста, просто яду
до дозы

без закуски,
за закуску мне нечем платить
да не смотрите на меня так!
давеча я растерял все метры,
я анонимный графоман без рифмы
словно крещённый без веры,
но я в меру, я в меру
в меру по мере, в меру по мере
я почти за-вя-зал
просто иногда вырывается это предательское из горла:
«Эх, сейчас бы из горла!»
но это же текила вер
 либ
 рА

Страсти по Кар-Ваю¹

«Есть на свете птица, у которой нет ног...»
она не умеет танцевать.
Есть на свете птица, у которой нет крыльев,
она не умеет летать.
Есть на свете птица, у которой нет клюва,
она не умеет клевать.
Впрочем, это вовсе уже и не птица.

Когда ты не слышала моего сердца,
мне казалось, что я – не человек.

...Есть на свете не человек

¹ Вонг Кар-Вай – китайский режиссёр.

* * *

Над Сибирской равниной плывут облака.
Роем жёлтую глину стальная река.
Сеют кварц и слюду берега из песка.
Далека ты, Сибирь, далека.

Там мой пращур на чёрном коне не скакал
И равнинные земли её не пахал,
и луны круглолицей мертвецкий оскал
в чёрном небе с тоской не искал.
Но и я на суглинок её и песок,
на черлакскую пыль нижеомских дорог,
на её азиатский, ковыльный восток
угодила, как беглый в острог.

Я ныряла в реки её радужный плен
и мазутные пятна стирала с колен.
но оскомины диких ирги и малин
среди иных мне приснится равнин.

Моя родина! Сосен янтарь и смола.
Ты зачем мою душу измором взяла,
ветром выдула всю, лебедой иссекла,
солнцем выбелила добела?!

Я люблю тебя словно добыча стрелу,
как лихой человек ночи горклую мглу,
потому и храню в самом дальнем углу
твоих призраков прах и золу.

В 2015 году Марина Улыбышева стала лауреатом Специальной премии СРП «За сохранение традиций русской поэзии»:

ПОД СЕНЬЮ РАДУЖНЫХ ВЕРШИН

«Как сладкую песню отчизны моей,
люблю я Кавказ»

М.Ю. Лермонтов

Моё обращение к искусству народов Кавказа—дань уважения, сочувствия и высокого откровения, которое доступно в космическом величии первозданной природы, наполненной древними знаками и памятниками, мистическим дыханием гор и ущелий, бурных рек и водопадов, башен и руин. Суровый и романтический пейзаж обрамляет и подчёркивает самобытный уклад жизни, традиции и художественные особенности многонационального быта и Бытия.

Здесь—необъяснимым образом охватывает заряд неисчерпаемой любви и веры. Только здесь—вслед за М.Ю. Лермонтовым можно услышать, как «звезда с звездой говорит», как звучит земля в общем хоре разных народов и цивилизаций. Именно здесь мужчины, танцующие лезгинку, повисают в воздухе, как орлы, а женщины в белых одеждах распускаются, как цветы, и летят рядом, сохраняя дистанцию неприкосновенности. Здесь мы, поднимаясь к вершинам, испытываем на прочность свой характер, на верность и благородство—свое сердце и чувствуем ответную силу соучастия. Горы—как живые свидетели—встречают и провожают, наблюдают и помогают, приветствуют и спасают. Всегда—близко и на расстоянии. На Кавказе яркое Я перерастает в могучее МЫ: достоинство и товарищество объединяет людей. Здесь—между небом и землей—чтоб сохраниться вопреки и действовать наперекор, не смотря на стихийные бедствия и войны, мы выбираем крутые маршруты жизни. Здесь—ощущаешь присутствие небесного Творца и возможен диалог с Богом... Так рождаются художники, поэты не узнают неслышимое и голосом в защиту справедливости, мира и красоты побеждают преграды и пропасти нашего земного существования.

В поэтическом цикле «Под сенью радужных вершин» я хотела создать свой образ Кавказа—поделиться с моим читателем счастьем преодоления, постижения, сотворчества и вернуть уникальной и благословенной горной стране то, что приоткрылось мне и завещано предками.

* * *

Хамиду Савкуеву

В ладони камешек сожму,
Прислушаюсь к его дыханию
И что-то главное пойму,
Во всём доверившись сознанию.

— О камни, брошенные вниз
И высь взмывающие камни!
Не для того ль мы родились,
Чтобы им вслед взмахнуть
крылами?

Не потому ль за холодком
В снегах уснувшего желанья
Вдруг пробудится гулкой гром
Из жарких бездн воспоминанья.

Внезапно в звуке оживёт
Огонь из недр земного лона,
И можно встретить небосвод
В осколках рухнувшего склона —

Взглянуть на звёздные поля,
Где камни канули в забвенье
И загорается земля
От своего сердцебиенья...

*Июль 2014 года
После выставки
«Возделанная земля» РАХ*

* * *

З.К. Церетели

Как, поспешив за долгим эхом,
Услышать завтра сквозь вчера:
Поспорить с временем и веком
Посредством кисти и пера?

Понять, что губит нас—что греет
На час, на год иль навсегда?

Иль незаметно чудо зреет,
Спасая страны и лета?

О время!—Опытный садовник,
Не торопись, на миг постой!
Скажи: «Кто радости виновник?
И эта роскошь нам—за что?»...

4 июля 2000 года

* * *

Н.Б. Никогосяну

Когда любви безмерной
Душа хлебнёт до дна—
Спеши к отдаче верной
Рисующего сна.

В той бескорыстной трате
В себе рождая цветь,
Ты, чуя Благодати,
Всё можешь разглядеть.

Пусть день, спеша, проходит,
Пусть ночь бросает в дрожь—
При солнечной погоде
Ты снова оживёшь.

И в новый поиск цвета
Потянет ясность форм,
И будет жажда эта
Восполнена холстом.

Ударит силой света
Свечение вразброс:
Ведь живопись—планета,
Цветущая насквозь.

1 марта 2009 года
Малый Манеж

Перед скульптурой «Всадник»

В.Б. Соскиеву

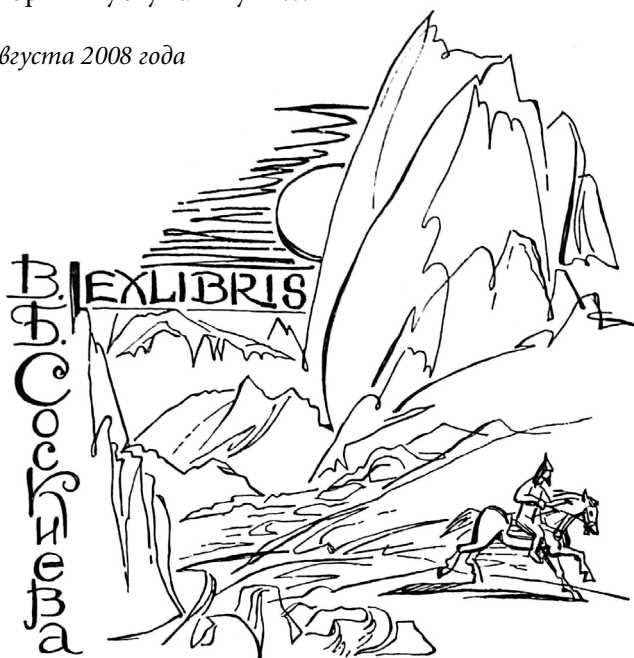
За утром красивым и нежным
Крадётся коварная ночь,
И нет безмятежности прежней,
И горе не выгонишь прочь.

Вновь сердце в беде вездесущей
Болят от утра до утра.
И руки находят оружие—
И образы льют скульптора.

Что вдруг прочный мир подкосило?
Кто снова вернёт тишину?
Когда справедливости сила
Поможет окончит войну?..

Ведь где-то есть домик и садик,
Семья, что нельзя не спасти.
И движется бронзовый всадник
По горным уступам пути...

30 августа 2008 года

Резо Габриадзе

Торопит день. В сборном токе
Работа спорится живей...
Не сомневаясь в проке
Всё жив трудяга-муравей.

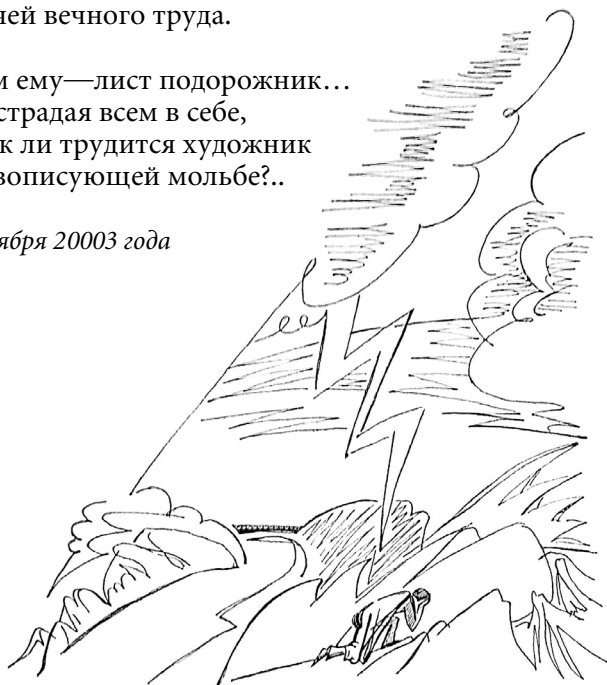
Как сотни лет—всё тянет ношу
В своей положенной узде,
От человеческого безбожья
На изувеченной страде.

Вдруг восклицает в общем стоне,
Что столько выжжено во зле,
И, содрогаясь в новой бойне,
Ползёт тихонько по земле.

Под ворох трав—не просит песен,
Не ищет смысла и суда,
И малый путь его полезен
Отдачей вечного труда.

И дом ему—лист подорожник...
И, сострадая всем в себе,
Не так ли трудится художник
В живописующей мольбе?..

2 октября 20003 года

Нельзя не помнить слов поруку
При гостевании мужчин,
Застолий дружную округу
Под сенью радужных вершин.

За вековые потрясения
Мстит красок злая острота—
Зрит безутешный долг служенья
В скупой символике листа.

8 мая 2000 года
ЦДХ

Перед гравюрой «Тигр»

Муртузу Магометову

Чёрным днём, когда гнев трясёт
И обида разит навывлет,
Пусть работа покой вернёт
И резец ту напасть осилит.

Вглубь врезаясь он будет брать
В плоских досках границы формы
И штрихами посмеет рвать
Обрётённых кусков объёмы.

С этой мощью, что манит петь
И ваяет в тебя поверяя, —
Ты узнаешь: какая честь —
Выпускать на свободу зверя!

Как волшебно клыки блестят
И взмывают усы лучами!
Так ли кружится звездопад?
Иль кометы горят хвостами?

Будто бездна зияет пасть,
Лепят морду полоски-пятна.
О, откуда такая власть —
Ярость сбить и вернуть обратно?..

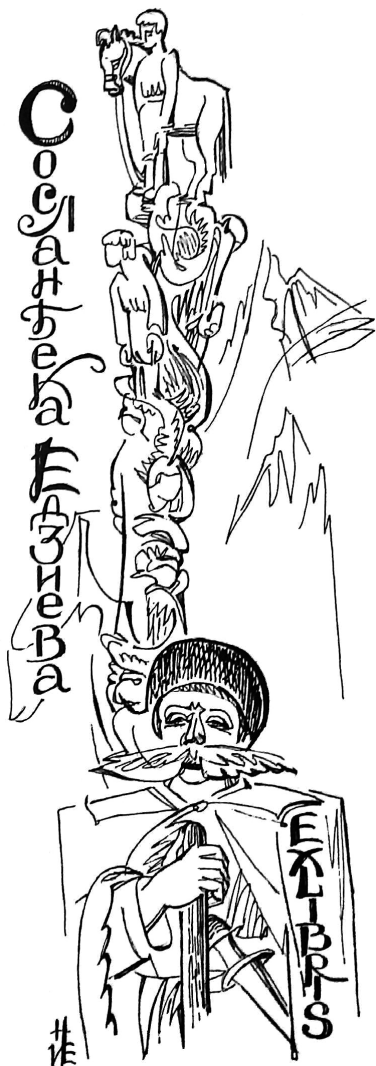
Ведь на каждый сигнал такой —
На ответную страсть в полмира —
Страх споткнётся и стихнет бой
Красным бликом в глазницах тигра.

Октябрь 2005 года

Сосланбеку Едзиеву

Когда художник одинок—
То слышит голос изначальный...
И наступает диалог,
Творящей образы и тайны:

Огонь, направленный во тьму
В час грозового камнепада,
Как дар, неведомый уму,
Иль мысль безмерного заряда.

Она царит в садах души,
Не зная голода и стужи.
Всегда зовёт: Согреть спеши
Тех, кто участием не разбужен.

Всех дум стена, всех снов луна—
Дитя прозрений и пророчеств.
Не спи, пока гудит весна
Над болью бед и одиночеств!

Над той—указанной—тропой
С тобой небесный Ангел встанет,
И в каждом дереве слепой
Воспрянет взор и зорко глянет.

Взметнутся люди косяком,
Как наяву, в твоём сознании.
И не сгорит родимый дом,
Младенец вскрикнет в спящей рани.

Вода забродит в кувшине,
В стволах проявятся виденья...
И вспыхнут в горней вышине
Их неземные отраженья.

28 июня 2012 года
«Вершины в ладонях Неба» ЦДХ

* * *

М.С. Сарьяну

Ты устремишь на небо очи
И поведёшь волною губ—
И вскрикнет память, что есть мочи:
Не поселяй в душе тоску!

Пусть всегда удары пятен
Удержит судеб караван
И зов любви, что к жизни жаден,
Озвучит вечный Ереван.

Ведь под отеческим покровом
Не обрастает путь быльём,
В своём познании терновом
Всегда молились вы вдвоём.

И снова очи, в дне суровом
Всё рассмотревшие уже,
Увидят древнее за новым—
Узнают Образ в мираже.

5 мая 2006 года

Перед скульптурой «Ещё не вечер,,,»

В.Б. Соскиеву

Пусть нашей жизнью правит
случай
Увидеть тех, кто снова юн...
Пусть бронза силится озвучить
Волшебный зов сердечных струн.

Пусть все навеки молодые
Танцуют верную любовь,
Пускай минуты золотые
Подарят счастье сладких снов.

Пусть где-то тихо плачет осень
В последнем всполохе огня,
Опять ковчег двоих уносит
В блаженство будущего дня.

Ведь этой памяти наследство
Нам в несказанном суждено:
«Ещё не вечер», — шепчет сердце,
Ещё заря глядит в окно,

Слова неслышимое кличут,
Ликуя в солнечном тепле,
И руки — будто Небо ищут,
Забыв о суетной земле...

13 июля 2012 года

Памяти Нико Пиросмани

Неровён час — душа очнётся
Без ведомых причин...
От этой радости проснётся
В тишайшем Господин.

Для зародившегося чувства
Не надо благ и слов —
Неистошимо безрассудство
Нетронутых садов.

От райских кущ, от их проталин
Тебя закружит звон —
Святой Георгий здесь хозяин
Для тех, кто так влюблён.

И пусть случится то по воле
Капризных балерин—
В своей невысказанной доле
Ты будешь не один.

Ведь чтобы ни было меж нами—
Дорогу кажет Храм:
Весь мир наполнится цветами,
Когда полюбишь сам...

* * *

Илесе Татаеву

Когда в предвечной истоме
Над звуком расходится звук—
Опять вспоминаю о доме,
О ласке родительских рук.

Мелодия в сердце стучится,
И вижу то девичий стан,
То свадьбу, что вскоре случится
И пляской пройдёт по летам.

Тогда колыбель материнства
Покажет разросшийся кап,
В зелёном росточке развиться
Привычно ветвям и рукам.

Вмиг станет незрячий всевидящ,
Почувствуя эхо вершин:
Дрожа запоют корневища,
В соцветьях завяжется жизнь.

И если той музыке внемлю,
То больно от света глазам—
С ней корни впиваются в землю,
А ветви ползут к небесам.

23 ноября 2007 года

* * *

Т.Т. Салахову

С младенчества отдушиной немой,
Как руки женщин, помнятся агавы.
Они—седых родов—большие главы
Земли, что призовет потом домой.

Так всех погибших в роковые дни,
Испытанных борьбой не ради славы,
К себе прижмут могучие агавы –
Как матери помолятся они...

* * *

Мне видится в прибрежной мгле
Одно явление:
Вновь кто-то бродит по земле
Зовущей тенью.

И растворяет ворота
В дворцы и клетки,
И пропускает в города
Иных столетий.

К столу поминок и побед
Сажает гостем,
И хор возносится в ответ
Многоголосьем.

Вокруг взыскательно молчат
Надгробий плиты:
Там лязг копыт и звон меча,
И всполох битвы.

То дева свечкою плывёт,
То быстрой птицей:
То умирает шум невзгод,
То вдруг родится.

И вьются красною змеёй
Кура с Арагвой,
И Джвари реет над землёй
Червлёноглавый...

И кровью вымощенный Крест
Рука достанет,
И возвращает свет небес
Грузинский танец.

* * *

Нателле Тоидзе

Как пустынна душа без печали,
Как без радости сохнет душа...
Пусть предстанут кавказские дали
За хмельной суетой миража.

Будет вновь хорошо в чистом поле
Не принявшего краски холста.
Будто дети в утробной неволе
Здесь созреют восторг и беда.

И тогда в неотступном влеченье
Тайный свет узаконит рука,
И минут ветровое течение
Громче лет, воплотивших века.

О столетья! Вы — миг вдохновенья,
Когда в сердце блаженство живёт:
В этой власти нет тени сомненья,
В этой доле бессмертья черед.

Так, сражаясь за каждый кусочек
Проступающих в белом садов,
Вдруг увидим за прочерною ночи
Перекрестные взгляды цветов.

Так заветную силу рожденья
Слышим в зове заоблачных гор,
Так в лучах неземного цветенья
Вся округа — весенний ковёр.

Соревнуются чувство и мера,
Не пугаясь условных цепей.
Так — забывший о страхе тореро
Знает больше о жизни своей.

20 ноября 2014 года

* * *

З.К. Церетели

Коль есть желанье объясниться,
Не говоря об этом всем—
То разыщите живописца,
Чтоб овладеть умением тем.

Как он, цветы дарите даме,
Чтоб ей счастливее жилось:
Смелей поведайте мазками
О том, что снилось и сбылось.

Что в ней откликнулось глазами
И под румянцем припекло?
Что — за похищенными снами —
Ликуя красило чело?

Зачем— в цветах великолепна —
Среди цветов сама цветок
Звучит она как зов молебна,
Ярчит глаза как зарь-восток?...

1 марта 2006 года

Перед монументом «Дружба навеки»

З.К. Церетели

Когда над круговертью
Безжалостных времён
Жизнь встретится со смертью,
Забыв покой и сон,

Мы вспомним голос мира,
Звучавший среди руин,
И выскажется лира
Чредой иных картин.

Лоза окрутит свиток,
Лавр сложится венком —
Нерукотворный слиток
Подыметса копьем.

На небо ждёт дорога
В том древе неземном:
Прийти в «соседство Бога»
Под пушкинским крылом.

Старинные поверья
И дружбы благодать
Под взглядом Руставели
Стихами величать.

О чём бы не писали
В дни горестных утрат —
На вечные скрижали
Георгиевский трактат.

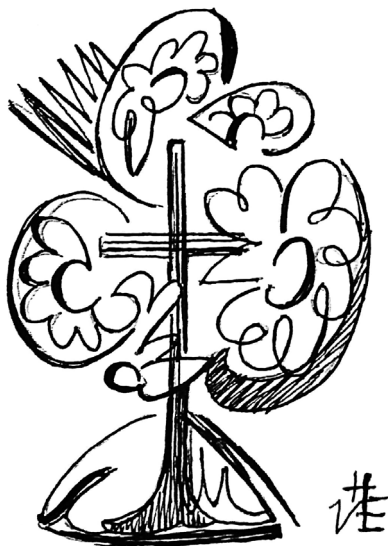
Поэтов многомирье,
Многоголосье дум:
Полётное веселье —
Брать истину на штурм.

Их солнечные взоры
С отеческой земли
В небесные просторы
Сквозь Грузию прошли.

Пути больней и уже
Для мужества с Крестом:
Защита и оружие
В содружестве таком.

Той крепости основа —
Слиянье всех начал:
Глаголющее Слово
И доблестный металл,

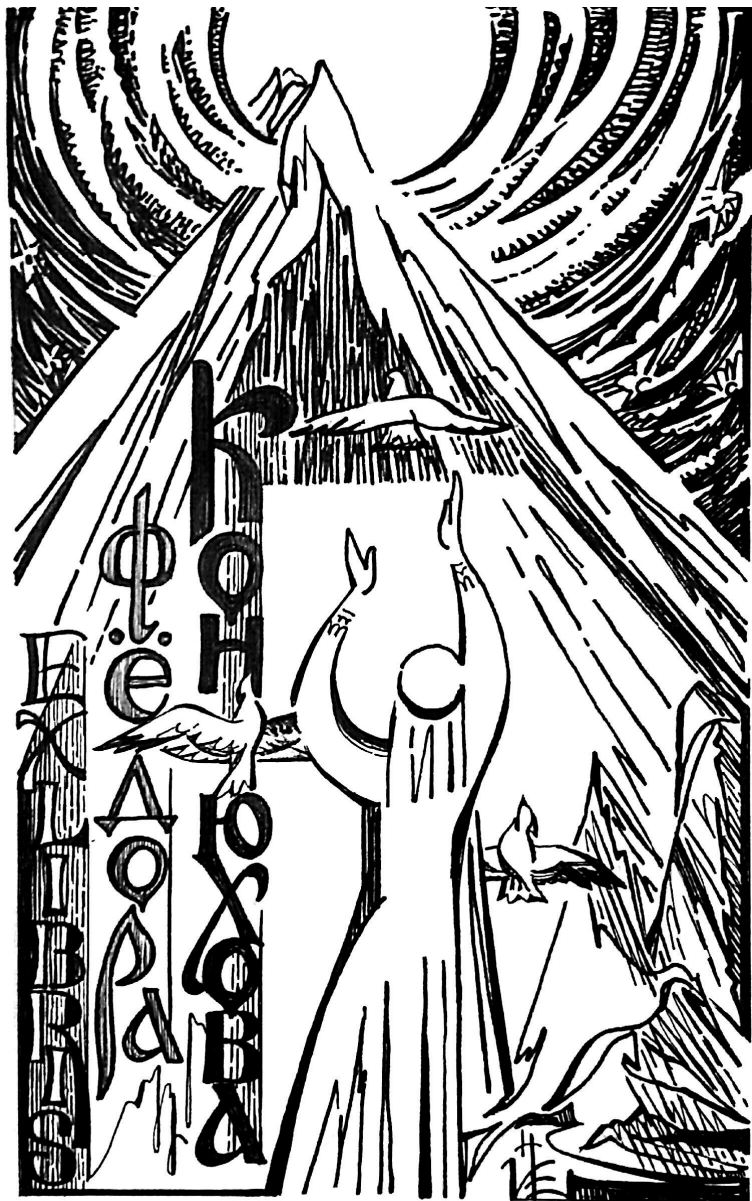
От взгляда потаённый
Жар, бьющий сквозь озно
В колонну облачённый
Животворящий Столп.

21 сентября 2016 года

© Графика Егорова-Нерли Ирина

ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Фёдору Конюхову

В душе, исполненной трудами,
Наш вечный двигатель сокрыт...

Если ждёт вершина
подвиги твои —
Все пути сойдутся на тропе любви.

Этой воли воин
духом исполнил:
Не страшны удары бешеных лавин.

Снежные покровы
будто крылья птиц,
Двигутся снежинки вверх из-под ресниц.

В тишине безгрешной,
недоступной нам,
Звук далеким эхом бродит по горам.

Что-то отзовется —
взмывает в небеса:
Вовремя помогут ясные глаза.

В тихом свете Веры,
в тайне чистых грёз
Вновь лицо любимой встретишь среди звёзд.

Для мечты крылатой
нет запретных мест —
Пусть недосягаем вечный Эверест,

Пусть дорога эта
к белой высоте
Как строка поэта
на твоём листе...

19 декабря 2015 года.

* * *

*Зурабу Константиновичу
Церетели*

Когда написано на лбу,
Что разум рвётся вверх –
Ломает случай скорлупу:
Взрастает человек.

Судьба меняет времена –
Взрывается стена:
Одна Земля другой видна,
Как близкая страна.

Следя за играми ума,
Взывают миражи,
И говорит душа сама,
Что нужно для души.

Вдруг всеми чувствами шестью
Попущено творить –

Далекий мир, мечту свою,
Найти и воплотить.

Но невзначай придёт на ум:
А может мощь сия,
Когда проклянется Колумб –
Завоевать себя?...

Летом 2016 года на острове Пуэрто-Рико был воздвигнут памятник великому испанцу Христофору Колумбу — «Рождение Нового Света», Автор проекта «Как Европа нашла Америку» Народный художник России и президент Российской академии художеств З.К. Церетели. Первый — «Рождение Нового человека» — установлен в Севилье в 1994 году. Отсюда отплыла флотилия легендарного мореплавателя более 500 лет назад. Колумб — первый европеец, ступивший на землю Америки. Отныне, связав Старый и Новый Свет, он стал не просто символом имперского духа Испании, не только воплощением испанской мечты о новой земле — о потерянном рае. Это ещё и героический триумф древней Иберии, безоглядная страсть к познанию и самореализации.

Начать новое — значит, сломать скорлупу старого, то есть заново родиться. Когда мы меняем деятельность и местопребывание, то поворачиваем время и проживаем ещё одну жизнь. Комета испанского неба в международном пространстве, вертикаль пиринейских предгорий, натянутая струна вековых надежд на неизведанное и непостижимое... Все перечисленное свойственно каждому первооткрывателю. Новый Свет для Испании — Новый свет для всего мира. В переводе с греческого Христофор означает «исповедующий веру Христову». Поэтому кресты, прорезанные на парусах, входят в композицию памятника. Миссия испанского мира теперь увековечена фигурой непобедимого адмирала. Следует отметить, что создатель памятника тоже является одним из флагманов российского монументального искусства.

Мы живём в России и в каждую эпоху, как вечный Колумб, разгадываем тайны истории нашей Родины — пересматриваем и оцениваем свои желания, возможности и заблуждения: ищем и строим новую Россию, которой нет на карте. Та, неизвестная, великая страна — наш Новый Свет — существует в многовековой памяти нашей души.

Ирина Егорова-Нерли

В 2015 году художественная общественность отметила 100-летие «Чёрного квадрата». Сам факт его проявления изменил расстановку интеллектуальных взглядов и мнений на арене мирового культурного пространства. Это и супрематический дизайн во всём его разнообразии, и знак затмения, и золотая лихорадка, и воронка очередного фашизма и терроризма...

Для меня «Чёрный квадрат» Каземира Малевича – ахиллесова пята России, некая точка невозврата – пропущенный, пустой кадр в монтаже жизненного повествования, который повторяется в истории и заставляет переживать «великие потрясения». Соотношение сил в политической, культурной и духовной жизни каждого человека влияет на таинственные повороты исторической реальности, балансирующей у «бездны мрачной на краю».

Присутствие чёрной пропасти так же многозначно для творческого мышления, как непредсказуемо бесконечен путь преодоления греховности в человеческой природе.

Ирина Егорова-Нерли

* * *

Не по своей мы пишем воле,
Не от себя гласят уста:
Предупрежденье страшной доли —
Квадратное окно холста.

Какая жёсткая поверхность
И... вековая глубина.
Иль всей истории безвестность
В живописании ясна?

Что в нём появится? — Смотрите:
Малевич и блудница-ночь.
И этой ночи первый зритель —
Художник, уходящий прочь.

Закат времён тот путь ускорил,
Черным-черна тех дней вина.
Как будто Солнца круг проспорил
Квадрату тёмного окна.

... Нас ждёт спасенье
 иль расплата,
Огонь свечи
 иль хлад ножа:
Над бездной
чёрного квадрата
Летает
 смелая душа.

© Графика Егорова-Нерли Ирина

ЛУЧ ТОГО СОЛНЦА, ЧЬЁ ИМЯ — РОССИЯ (И. Е. РЕПИН)

Эссе

Хрестоматийная репродукция картины Ильи Ефимовича Репина «Бурлаки на Волге», известная со школьных лет, вырастает в полотно мужества русского народа. Вспоминаю строки поэта:

С большака перешли на отрезок холста
Бурлаков этих репинских ноги босые.
И я понял тогда, что сама красота
Это луч того солнца, чьё имя — Россия.

Т. Л. Щепкина-Куперник, знаменитая стихотворными переводами Шекспира, Мольера, Э. Ростана, в «Воспоминаниях» пишет о Репине: «С Репиным скоро я познакомилась запросто. В нём отсутствовало чувство «важности», надменности... Он тогда уже был «великим художником земли русской»...

Я часто смотрела на него и недоумевала: неужели это тот человек, который с такой силой и глубиной изобразил Ивана Грозного на картине, в юности вызывавшей во мне чувство ужаса, или гомерический хохот, который, кажется, слышишь, когда смотришь на его «Запорожцев...»

Любовью к России пронизано творчество художника. Картина Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» (1885) — одна из значимых и глубоко психологичных. Книга А. К. Толстого «Князь Серебряный» помогла мне понять репинскую картину, время Ивана Грозного.

Близок православному человеку «Крестный ход в Курской губернии» (1881-1883). На переднем плане картины часовенка с чудотворной иконой, которую несут богатые мужики. В глубине, среди народа, видим знакомых нам по этюду богомолок-странниц.

Замечательна картина художника «Не ждали» (1884 - 1888) - возвращение с каторги революционера-народника.

В самых неожиданных ситуациях изображён Репиным Лев Николаевич Толстой: «Л. Н. Толстой на отдыхе в лесу» (1881); «Пахарь. Л. Н. Толстой на пашне» (1887). Портрет русского писателя («Портрет

писателя Л.Н.Толстого»,1887), вошедший во многие хрестоматии, поражает духовной прозорливостью.

Серия портретов композиторов, художников написана Репиным радужными красками. Мне близки «Портрет Серова» (1877), «Портрет художника И. Н. Крамского» (1882), «Портрет художника В. Д. Поленова» (1877); «Портрет композитора Модеста Петровича Мусоргского» (1881).

Жизнь артиста, неподвластная художнику... «Актриса П. А. Стрепетова. Этюд.» (1882), не вошедший в картину...

Особое место в творчестве Ильи Ефимовича Репина занимает «Портрет Павла Михайловича Третьякова» (1883).

В мягких, пастельных тонах выполнены «Отдых. Портрет В. А. Репиной, жены художника» (1882), «Портрет Н. И. Репиной, дочери художника» (1900).

«Стрекоза. Портрет В. И. Репной» (1884) - картина беспечности и красоты детства.

2016

ВЕНЕРА В БУШЛАТЕ

(из рукописи «Колыма становится текстом»)

Вернувшийся с Колымы, реабилитированный политический заключенный Демидов Георгий Георгиевич, в прошлом физик-экспериментатор, ученик Ландау, еще на каторге дал себе слово описать пережитое. В самом факте письменного свидетельства он видел оправдание своей жизни, тех двадцати лет, которые прошли в тюрьмах, лагерях, ссылке: «Я пишу потому, что не могу не писать». На публикацию при существующем режиме он не надеялся, хотя с горечью говорил: «неизданный писатель это что-то вроде внутри-утробного существа, эмбриона. Утешает только возможность рождения и после смерти».

Для произведений подобного рода оставался лишь подпольный способ распространения, что не сулило ни авторам, ни их единомышленникам ничего хорошего. На сей раз арестовали не автора, а его произведения.

Даже способность держать удар в таких случаях ничего не меняет: человеческому есть предел, а сверхчеловеческое только мешает. Время террора прошло, но доносы, официальные угрозы, окрики никуда не девались. И вспоминается ответ страстотерпца Аввакума своей протопице, спросившей: «Долго ли еще мучиться, батюшка?» — «До самых до смерти, Марковна».

Надежды не было и у Демидова, да она и прежде не грела его. На каторге он отучился уповать. С годами тема, которой Демидов посвятил жизнь (советская каторга, Колыма), перестала считаться запретной. Но его уже не было в живых, он умер в феврале 1987 года. Летом того же года дочь писателя Валентина обратилась с письмом к члену ЦК КПСС А.Н.Яковлеву, в результате чего ей были возвращены рукописи отца.

Нередко посмертное бытование человека оказывается важнее и убедительнее самой жизни. Она, земная, проживается как бы начерно, следующая за ней, посмертная, — набело.

Три книги рассказов и повестей (Оранжевый абажур. М., 2009; Любовь за колючей проволокой, 2010; Чудная планета, 2011) читаются на одном дыхании. Впечатление?.. Не говорить, а рыдать, — вот что просится к изъявлению. Оттого, что нельзя изменить прошлое,

оживить замученных и расстрелянных, нельзя заменить идеологический фанатизм человечностью и восстановить в правах милосердие. Нельзя. Но текст...

Он жив душой. Вопреки всему он утверждает: «У Бога нет мертвых».

Юмор висельников и человеческий голос

(рассказ «Оборванный дуэт»)

Сказанное выше не означает, что проза Демидова — тяжелое чтение. Она захватывает не только сюжетом, который подобен огню, бегущему по бикфордову шнуру, но и тонкой иронией, юмором. Таков «Оборванный дуэт» (Чудная планета, 2011). Здесь значительное место отведено блатной компании, которая в старой тюрьме на сибирском каторжном тракте ждет пересылки. В камере заправляет хевра — организованная воровская группа. Блатари располагаются на третьих ярусах нар. От скуки либо «чешут бороду королю», то есть режутся в карты на деньги или чужие вещи, либо часами слушают тискалу — «придворного» рассказчика, плетущего невероятные истории о «красивой жизни». Попытка потеснить их на аристократическом этаже «могла бы стоить зубов, выбитых ударом каблука». Казалось бы, ничего хорошего об этих господах сказать нельзя. Но Демидов верен правде, а не человеческому предубеждению.

«Их сила заключалась в спайке, организованности и солидности. Полнейшая разобщенность и трусливое благоразумие фраеров, привитое добропорядочным принципом невмешательства в чужие дела, делала их совершенно безоружными перед воровскими объединениями. Поэтому, если и случалось иногда, что какой-нибудь одиночка восставал против засилья уголовников, то он обычно оставался безо всякой поддержки. Два-три бандита на глазах у полусотни отводящих глаза фраеров избивали и дочиста обирали строптивного, чтобы затем, уже без намека на сопротивление, обирать остальных. И всех их «загонять под нары» и в переносном, и в самом прямом смысле. Принцип, тысячелетиями проверенный в масштабе целых народов и государств».

Автор становится мягче, когда заходит речь о пристрастиях хевры. «Наверное, не будет большим преувеличением утверждать, что для большинства профессиональных уголовников того времени... потребность в слушании всякого фантастического вранья была на втором месте после потребности в пище... Блатные могли слушать приключенческий вздор ночами напролет изо дня в день».

Как будто всё ясно, но Демидов рассказывает о своих персонажах еще много интересного. Страницы о разных типах тискал проникнуты неувлимым обаянием.

«Среди них встречались такие, которые могли нанизывать немыслимые истории одна на другую буквально целыми неделями. Это были вдохновенные импровизаторы, барды и романтики уголовщины, обычно совсем еще молодые. Большинство таких занималось своим изустным творчеством не столько для камерной аудитории, сколько для самих себя. Спасаясь от напора неприглядной действительности, они цеплялись за иллюзорный мир благородных бандитов, гениальных воров и оболыстительных марух. Когда-то прочитанная или от кого-то услышанная галиматья перерабатывалась, дополнялась и сочеталась в темных головах рассказчиков подчас самым фантастическим образом... И вся эта чушь воспринималась невзыскательными слушателями с неизменной благодарностью и восхищением... Среди них людей романтического склада гораздо больше, чем среди тех, кто честным трудом добывает свой хлеб и послушен законам государства и общепринятой морали».

А вот описание других тискал, завербованных из сокамерников, — интеллигентных контриков-фраеров, поданное с позиции самих блатарей. «...Он может принять приглашение и оказаться занудой, который понесет что-нибудь про пресную и канительную фраерскую любовь. Один такой весь вечер читал нудные стихи про Евгения Онегина и всех усыпил... На третий день он начал сбиваться на какие-то повести Белкина, а потом и на тургеневские «Записки охотника». Стало ясно, что и этот не оправдал надежд и надо подыскивать нового».

Сам автор к интеллигентам-тискалам относится менее снисходительно, чем блатары.

«Среди них нередко встречались и хорошо образованные представители гуманитарных профессий: бывшие адвокаты, журналисты, режиссеры... Их привлекали подачки хевры и связанное с ее дружбой значительное облегчение тюремной жизни. И угодливые интеллигенты мобилизовывали свою начитанность, память, профессиональные знания и другие качества для выполнения «социального заказа» нового типа. Благо, многим из советских гуманитариев было к этому не привыкать».

По настроению проза этого рассказа напоминает монологи Лебедева из «Идиота», особенно те, где речь о мадам Дюбарри. Ну, что общего у героя Достоевского, русского юродствующего чиновника XIX века, с королевской фавориткой Жанной Дюбарри, которая на эшафоте умоляла палача гильотины дать еще минуточку пожить? Что??? А то же, что у Демидова с его героями-ворюгами. Человеческое начало. Присутствие в этом мире в качестве Человека. Если хотите, наличие души, то ее состояние, которое отзывается на чары высокой Игры, неистребимое в настоящем художнике! Обаяние этих страниц напоминает и незабываемую пугачевскую сцену из «Капитанской

дочки» — разбойничий диалог Хлопуши с Белобородовым, когда Хлопуша отстаивает «честь» молодецкого разбоя перед «бабьими наговорами» Белобородова. И «Отверженных» Виктора Гюго напоминает, Диккенса... Да всех их, творцов, кто «чувства добрые...» ну, и так далее. Всё известные имена, великие тексты, а несть числа и другим, менее известным, но не уступающим по живой красоте и силе прославленным. Да хотя бы повесть «Соловки» писателя Василия Ивановича Немировича-Данченко, брата мхатовского режиссера.

Оценивая вкусы своего необычного контингента, Демидов говорит: «Всё сказанное о духовном мире некоторой части уголовников нисколько, однако, не меняет их практики воров и насильников. Такова уж логика самого их существования». Словосочетание: «духовный мир» по отношению к блатным способно огорошить грозных незыблемых моралистов, подтачивает общепринятое неумолимо-безжалостное отношение к ним. Варлам Шаламов, например, вообще не считает их людьми. В рассказе «Красный крест» он так и пишет: «блатные — не люди», имея в виду растлевающее влияние их морали на лагерную жизнь, на человеческую душу, их бесчисленные злодеяния. Он даже пеняет Достоевскому за сочувствие обитателям «Мертвого дома». «Трудно сказать, — пишет Шаламов, — почему Достоевский не пошел на правдивое изображение воров. Вор ведь — это не тот человек, который украл. Можно украсть и даже систематически воровать, но не быть блатным, то есть не принадлежать к этому подземному гнусному ордену. По-видимому, в каторге Достоевского не было этого «разряда»... Достоевский их не знал, а если видел и знал, то отвернулся от них как художник».

И всё-таки люди или не люди? Пусть каждый решает сам. Нельзя забывать, что мы живем в мире, где злодеи, может быть, худшие, чем лагерные, заправляют делами, навязывают свой образ жизни, выступают по радио, телевидению, получают награды, и никому не приходит в голову загонять их в тюрьму. Корыстные, скользкие, изворотливые, алчные, бессовестные, тщеславные, они удавятся за копейку и пройдут по трупам ради грошовой цели. Слово «честь» они поднимают на смех, чувство долга они объявляют замшелым понятием, предательство у них в крови. Возлагая значительную часть вины на блатной мир, Варлам Шаламов ставит перед ним даже гулаговский персонал: жестоких начальников, лживых воспитателей, бессовестных врачей, которых иногда, но все-таки прониимает человечность. Кто читал рассказ «Красный крест», запомнили эти строки: «Каждая минута лагерной жизни — отравленная минута. Там много такого, чего человек не должен знать, не должен видеть, а если видел — лучше ему умереть». И Шаламов приводит перечень лагерной порчи: «Оказывается, можно делать подлости и все же жить». Современная

действительность показывает, что можно не просто жить, а жить припеваючи. «Можно лгать — и жить», — продолжает Шаламов. Опять же современная практика свидетельствует: можно! и даже в свое удовольствие. «Оказывается, — говорит Шаламов, — человек, совершивший подлость, не умирает». И на это, увы, поскребешь затылок и скажешь: нынешний человек, совершивший подлость, не только не умирает, а еще и живет больше того, кого он своей подлостью погубил. Да и подлость подлостью не считает, а переоценивает ее под уровень своего понимания. Да что далеко ходить. Возьмем нынешнего предпринимателя и спросим, ради чего он завел свое дело, например, ООО «Издательство Зебра Е». Если он скажет: для пользы общества, чтобы людям помочь ну и себя не забыть, считайте, вам крупно повезло. Впрочем, сказать — еще не сделать. Это в добрые времена достаточно было рукопожатия, чтобы скрепить договор и следовать своему слову. Между порядочными людьми так и водилось. А теперь?.. И юридическими бумагами с печатью ничего не докажешь. Скоро выяснится, что генеральный директор этого ООО поставлен вовсе не для того, чтобы оплатить твою работу, и договор с тобой подписывал не для этого. И штат нанимал, и офис снимал, и логотип — кроткую зебру, припертую своим задом к черной железяке в виде буквы Е утверждал да и водил тебя за нос совсем для другого. А пока выяснится для чего, он потихоньку лохов-клиентов спровадит, чтоб не мешали варганить кое-какой контрафактик, а с ним и другой книжный товарчик с фамилией на обложке: мадам Оргазмова. А на всякие жесты и возгласы «слепит горбатого», то есть наврет «выше крыши». Впрочем, как говорят они же, блатные, на том месте, где была совесть, у него что-то другое выросло. Даже не то интересно, что чужие денежки как свои оприходует. Ну и всё прочее под шито-крыто обделаает. Нет, не это. Почетные грамоты за вклад в культуру, самим министром подписанные, своей блатной компанией обеспечит, а это в перспективе вовсе не небо в клеточку обещает. Заметим: ни о какой человечности или о чем-то из ряда вон выходящем речь не идет. Речь идет о соответствии издательскому договору и сумме прописью, взятой за него. Но оказывается, издание книги — это нечто другое, чем печатание текста. Это афера: «в бизнесе средства не выбирают, остальное — понты...», перешедшая из блатного гулаговского в обычный нынешний мир приблатненных фраеров, поданная в терминах возвышенной миссии. Это пошлость покровителя, идеально вписавшаяся со своим самомнением, маркизом де Садом и байками про «Метрополь» в пошломое время. Да вот незадача: любители пожить не учитывают, с кем дело имеют, и время от времени сами напарываются — то на них в суд подадут, то обведут вокруг пальца, как простых роконосцев, которые уверены,

что на голове у них корона. Один спецкор времен Великой «Литературной газеты» (а эти люди бывшими не бывают) так и сделал. Вот и думается: подвижники, праведники, святые да и сам Шаламов Варлам Тихонович, Господи, — да это же музей травматологии при институте Склифосовского. Объекты для издевательства. Существуют, чтобы быть уничтоженными, а потом превратиться в миф. Как все в этом мире любимы посмертно. Но вернемся к рассказу «Обо-ванный дуэт».

На сей раз урки взяли в «придворное» услужение не рассказчика, а певца — настоящего, оперного, посаженного по политической статье. Хотя блатные считали оперу фраерской блажью, ария приговоренного к смерти Каварадосси произвела впечатление. Слезу вышибла у кое-кого. «Не было больше серого этапника, заключенного сталинской тюрьмы. Был узник Римской цитадели, мятежный граф Каварадосси, встречающий последний в жизни рассвет», — пишет Демидов. Хотя понимание свободы у гулаговцев разное, иногда и более одухотворенное, чем право на бритву, водку и женщин, и уголовники и фраера согласились с предводителем хевры: «А ничего, что Артист из оперы, фартово поет падло». Голос Артиста услышали в женском отделении, в ответ раздалась ария Тоски: там среди заключенных оказалась певица. Они влюбляются друг в друга по голосу. Содержание исполняемых арий усиливает их чувства. «Смешением абстрактного и реального» объясняет автор любовь Артиста к женщине, «представленной для него только звуками ее голоса». «Но от этого, да еще от горького чувства неволи, его любовь становилась еще сильнее и чище». Как физик автор знал, что звук способен привести человека в мистический транс. Певец и певица не видят друг друга и не могут увидеться. Из разных отделений тюрьмы, разных камер, разных этажей они пойдут по разным этапам, так и не познакомившись. И не «среди шумного бала», о котором поет позднее, а на нарах тюрьмы, Артист пытается представить ее то пушкинской барышней, то Жанной д'Арк, то валькирией, но нет... Образы оперных героинь, как и другие телесные версии, которые навязывает воображение, кажутся ему оскорбительными для бедной арестантки со светлым славянским голосом. «У большинства женщин были ввалившиеся глаза на серо-бледных, у иных даже с землистым оттенком, лицах. И что-то общее было в выражении этих лиц, на свободе, вероятно, самых разных. Почти одинаковыми в своем безобразии были и фигуры арестанток в грязной, изжеванной одежде... И теперь не имеет уже значения ни образованность отдельных особей, ни их артистичность, ни, тем более, способность чувствовать и понимать. И как все заключенные, женщины здесь тоже во всем почти «бывшие». Они бывшие граждане, бывшие спе-

циалисты, бывшие жены и даже бывшие матери... Им в заключении приходится еще горче, чем мужчинам. Уже по одному тому, что оно обрекает их на неизбежное внешнее уродство. И как непереносимо, вероятно, сознание этого уродства для представительниц артистического мира. Ведь для них внешняя обаятельность — неперемнное условие не только их профессии, но и самой жизни!»

Строка романа: «тайна твои покрывала черты» отвечает правде их отношений, где свободны лишь их голоса¹. Тем, кто знает биографию художника Врубеля, этот рассказ может напомнить историю знакомства Врубеля с певицей Надеждой Забела, его будущей женой. Тогда, работая за кулисами в оперном театре, художник услышал со сцены арию. Голос произвел на Врубеля такое впечатление, что, разыскав через несколько минут его обладательницу, художник сделал ей предложение².

В обыкновенном пересказе вокальная история «Оборванного дуэта» может показаться сентиментальной, но воспоминание о месте действия возвращает ей изначальную жестокую необратимость. Любая мелодрама в среде Гулага оборачивается трагедией. Закодированное в тексте рассказа слово «Человек», а также название тюремной песни «Солнце всходит и заходит» склоняют к упоминанию еще одного общеизвестного имени — Максима Горького. В его пьесе «На дне» звучит эта песня. Да и сама развязка пьесы: «Эх... испортил песню... дур-рак!» невольно накладывается на рассказ Демидова потому, что оборванный дуэт двух заключенных — та же недопетая песня в широком смысле слова. Наверно, среди тех, кто ее оборвал, были и недавние босяки вроде громогласного колоритного шулера Сатина, ратующие за человека, который звучит гордо, и ошеломившие в свое время со сцены МХТ интеллигентов-идеалистов. Не случайно в рассказе Демидова звание Человека утверждается за певцом. И утверждает его шпана — блатные, головорезы и отморозки, для кого интеллигенты вроде певца — объект для разбоя и грабежа.

¹ Звук голоса или молчание способны проникнуть во взгляд и запечатлеться на фотографии. На черно-белом портрете супружеской четы Жюлио-Кюри, снятой Картье-Брессоном, мы видим этих великих людей, открывших одну из тайн мироздания. Удрученные, они смотрят потухшими глазами, их лица полны тишины.

² Не лишнее вспомнить, что, привязанный к мачте, Одиссей, следуя мимо острова сирен, ловил в их пении вовсе не сладкие звуки любви, а волю богов, мгновения растаинственно тайного глубинного знания, которым обладали эти крылатые существа и за которое менее хитроумные мореплаватели расплатились жизнью.

Остров любви

(повесть «На перекрестке невольничьих путей»)

В отличие от рассказа «Оборванный дуэт» любовные отношения в других произведениях Демидова имеют реальный характер. Ведущая сюжетная роль в них принадлежит женщине. Инициативность отличает всех героинь: интеллигентных, блатных и ни тех, ни других, а просто чувственных, живущих страстью, про кого в графе: «причина ареста» значится: «член семьи врага народа». Мужчина, даже если он по складу характера рыцарь, вынужден опуститься до уровня невольника и подчиниться. Социальная среда преобразует его страсть в чувство вины, страх мешает активной цели. Холод — природная форма жестокости усиливает подневольное состояние. Всё холодно и безжалостно, как в романе Мазоха «Венера в мехах». Казалось бы, где, как не здесь, явиться аллегорической ледниковой Венере с кнутом в руках! Но нет, Венера, написанная Демидовым, преисполнена нежности и человеческой теплоты. Она жаждет ответного чувства именно здесь, конкретно на Колыме, на островах в дельте реки, где летом «ландшафты напоминают... грустную улыбку безнадежно больного, когда ему становится лучше». И на ней не меха, а бушлат и шапка-ежовка. И ей всё равно, что она подрывает основы колымских законов, которые запрещают всё человеческое.

В повести «На перекрестках невольничьих путей» (Любовь за колючей проволокой. М, 2010) аллегорическую Венеру зовут Юлия. Это имя в русской транскрипции намекает на шекспировскую героиню Джульетту. Как некогда, в романах галантного века, где любовная идиллия происходит в какой-нибудь Аркадии, так и в повести Демидова она переносится в колымскую пасторальную местность, на острова. Правда, архетипическая модель — «Отплытие на остров Киферу» — объясняется заготовкой сена, а не изысками рококо в духе Антуана Ватто. Обзаведенная приметам лагерной жизни, идиллия представляется уже чем-то другим, даже не Телемским аббатством Рабле, которое на радостях поминает главный герой. Тучи гнуса, мельчайшей мошки, гудящая комариная масса... Из гущи насекомых толщиной в полпальца, застигнутых ударом на теле, летят целые фонтанчики выпитой крови. От дыма костров разъедает глаза, гарь застаивается в травяных шалашах — местах ночевки. А мужчине, чтобы выглядеть кавалером, приходится обжигать щетину на лице горячей головешкой. Потом уже приводить себя в порядок с помощью самодельной бритвы, выточенной из обоймы старого подшипника. Хотелось бы увидеть второго такого писателя, который берется за столь несовместную с неволей любовную тему и при этом культивирует в себе рыцарское настроение. Имя Евгений, дан-

ное одному из героев возникшего любовного треугольника, а также распределение в нем ролей таит какое-то сходство с пушкинским романом. Только носит имя не молодой кандидат в любовники, а почтенный заслуженный человек наподобие Гремينا, в долагерном прошлом муж Юлии, известный ученый. Оба — каторжники. Подконвойные, они случайно встречаются на главном колымском шоссе, этой сталинской Владимирке, чтобы впредь никогда не увидеться. «И вдруг я почувствовал к этому старику почти ненависть того низменного типа, которая нередко возникает у обидчика по отношению к обиженному. И поймал себя на том, что злобно презираю Кравцова только за то, что он стар, дряхл и искалечен. Лагеря заключения тех времен были по большей части обществами со звериным укладом и такой же звериной иерархией».

В этой цитате откровенности намного больше, чем кажется. Ведь к чему приучили нас великие тексты? Оставляя в стороне «Евгения Онегина», где аспект чести исключает ситуацию холопской морали, читаем у Достоевского («Идиот»): «Ненавижу я вас, Гаврила Ардалионович, ...единственно за то, что вы тип и воплощение, олицетворение и верх самой наглой, самой самодовольной, самой пошлой и гадкой ординарности! Вы ординарность напыщенная, ординарность несомневающаяся и олимпийски успокоенная; вы рутина из рутины!»

Сопоставление этих двух цитат не в пользу героя Демидова. Не спасает и критическая самооценка, позволяющая сделать скидку на, так сказать, воспитание чувств, которым его осчастливили в Гулаге. Демидов без околичностей пишет: «Но вряд ли в меня бросит камень тот, кто подобно мне падал от изнурения и терял сознание от холода и голода, если я скажу, что когда жестокость жизни превосходит некоторый предел, многие из человеческих качеств становятся человеку чуждыми». Неизвестно, как разрешилась бы ситуация любовного треугольника в обычной жизни. Возможно, так же как в «Евгении Онегине». Но в лагерной зоне метафорический треугольник сопоставим с графическим кругом, то есть печатью на распоряжениях, спецнарядах, приговорах... Они упразднили многие семейные противоречия и разрубили родственные узы без сцен ревности и прочих страстей. Именно склонность Демидова к описанию того, что считается невозможным, его отказ от примитивных мотивировок, его стремление выработать ситуацию до конца убеждают в том, что не только лагерный материал привел его в литературу. Она отыскала его сама, найдя в нем соприродную душу, которой подвластен любой материал. Не будь лагерной темы, он всё равно стал бы писателем. Вот Марек Эдельман, автор замечательной книги «И в гетто была любовь», один из руководителей польского восстания в Варшавском гетто во время Второй мировой войны, не задавался

целью уложить в свой труд некую целостную художественную концепцию человека, свободы, культуры, как это делает Демидов, он просто вспоминал и всё. Но при бесспорном достоинстве сочинение Эдельмана не является художественной прозой, тогда как про Демидова такого сказать нельзя. И еще интересный штрих касательно более чем коротких отношений автора со своими героями. Речь о трансформации образа Юлии. Влюбленный мужчина вдруг задается вопросом: «А была ли наша любовь вполне взаимной?» Сначала ему кажется, что была. Но потом: «как это чаще всего бывает у мужчин, я начал уставать от ласк женщины, втайне находя их избыточными и неизбежно однообразными». Думается, подобное заключение (по сути, перевод шекспировской Джульетты-Юлии на уровень гётевской Маргариты) не слишком обрадовало бы героя и в обычной жизни. Но когда жизнь — это срок, который надо отбыть, срок на грани жизни и смерти, когда жизнь не оканчивается — она обрывается... Комплекс Фауста, сидящий в мужчине интеллектуального склада (а герой «Перекрестков» таков), в перспективе неизбежного расставания отменяет все любовные варианты, кроме одного — это сплошное выхолащивание чувства. Оно снижается до обыденного, аннулируется: «...то, что было связано с чувством к женщине, если и приходило иногда на память, вызывало скорее недоумение, чем душевный отзвук». Перед этапом, за несколько дней до многодневного шествия по льду в Магадан, герой признает: «Видимо, я всё-таки любил Кравцову, хотя и не так, как она этого заслуживала». Уже то, что он называет ее по фамилии, подразумевает больше того, что сказано.

Каменная рука

(повесть «Перстенок»)

Сочувствие при зоркой ясности зрения вновь обрекают Демидова на шедевр. На сей раз это повесть «Перстенок» — о любви бандита и блатнячки. Их отношения не осложнены рефлексией. Нет сдерживающего начала, характерного для интеллигентов, излишней осторожности, пассивности. Эти люди отдаются страсти с языческой отрешенностью. Но у тех и других любовь растворена в стихии психоза. Над ней всегда дамоклов меч, готовый опуститься в любую минуту.

На все вероятные возражения по поводу подбора главных героев можно ответить: а что всемирно известный шедевр аббата Прево «Манон Леско» о другом? Или, может, кто-то еще, а не Пушкин, выписал разбойника Пугачева, как родного отца?.. Не подарил ему заячий тулупчик руками Гринева? Или Тургенев в рассказе «Стучит» не подметил страшную удадь бесов в человеческом образе? Может, узник Рэдингской тюрьмы Уайльд не увидел товарища по несчастью

в убийце? Согласитесь, в подобных сюжетах основным становится не метод социалистического реализма, а человечность.

Главный персонаж этой повести, хотя и далек по наклонностям от овечки, воплощен без грубой отделки его преступных замашек, от чего его характер только приобретает опасную сложность, и тем создает автору кучу проблем. Это отчаянная башка, у него и прозвище Гирей, хотя он мнит себя романтическим Робин-Гудом. Именно такой персонаж невольно связывается с символическим фетишем душевного холода — кнутом. Активная героиня (она — возница) появляется перед своим избранником с этим предметом в руках, но... это важно! — не как дрессировщица-мазохистка, а как опытная хорошенькая соблазнительница неумелого в любви мужика. Так, не выводя героев из садистской среды, где сам Сатана утверждает насилие, Демидов девальвирует традиционный эротический атрибут.

Основной момент сюжетной интриги в этой повести явно из ряда сюрреалистической выразительности. Имеются в виду отрубленные руки убитого бандита-любownika — деталь, резко меняющая атмосферу рассказа: действие теряет авантурную занимательность и превращается в драму. Реальная практика гулаговских опричников дана в полном соответствии правде жизни. Ведь зверские доказательства означают, что они убили сбежавшего преступника. Но тело не стали тащить в лагерь. Доставили лишь руки для снятия отпечатков пальцев — порядок, обязательный для списания заключенного в смертный архив-три. (Дактилоскопический узор пальцев — это второй паспорт узника на Колыме). Не похвалиться своей добычей они не могли... Вывалили принесенное на всеобщее обозрение! И героическими победителями встали перед толпой ободранных испуганных женщин. Оказавшаяся среди них подруга бандита, узнав руку любownika по перстеньку, не помня себя, в приступе горя и ярости схватила обрубки, и, бросив их в реку, «в темноту глубокой воды», потопила с ними надежды преследователей на повышение в службе, ордена и награды. Триумф победы обращен ни во что, и это ничто как бы вопрошает: «Ад, где твоя сила?».

В этой сцене национально окрашенный колорит повествования теряет лакомую географическую и политическую привлекательность. Варварская деталь выводит повесть в пространство большого времени, где господствует миф с его пристрастием к магическим именам. Среди них — имя Эрнесто Чегевары, героя кубинской революции, с телом которого проделали что-то похожее. Может, в его память на развилке дорог где-то в Южной Америке огромная ладонь, высеченная из камня, обращает к небу неподвижные пальцы. Кто знает, не отзовется ли этот жест чем-то непредсказуемым — какой-нибудь небесной активностью, посланной наказать всех нас — нераскаявшихся, упорствующих в приязности к запятнанному агрессивному времени.

Царь-дом Магадана

(повесть «Декабристка»)

Бесспорно, Демидову близки образы интеллектуалов-аскетов. Очередного такого героя он дает в повести «Декабристка». Но эта вещь подкупает еще и другим — образом хромоножки Нины, которая подобно декабристке устремилась за любимым человеком на каторгу и вовлекла себя в кошмар непредвиденных обстоятельств. Нина пополняет ряд немногочисленных в искусстве хромоножек, столь внимательно и подробно выписанных Достоевским, Бергманом, столь любимых Веласкесом, Гойей, зарифмованных Мандельштамом (вспомним Наташу Штемпель с «неравномерной сладкой походкой»). Помимо прочего, это лишний раз подтверждает присутствие классической почвы в мировосприятии Демидова. Он продолжает мыслить категориями гуманизма в пору, когда ад уже перестал быть гуманным. Перед новоявленной «декабристкой» оказываются закрытыми все двери. Отрезаны и все пути назад. Она становится заложницей места. «Нина уже знала, — пишет Демидов, — что эти горы так красивы только при взгляде на них со стороны. Тех же, кто вынужден жить среди них, сопки, большей частью угрюмые и безлесые, угнетают».

В этом описании смысл происходящего как бы поставлен в тень будущего, предвещающего беду. Мотив безысходности, которым пронизана эта история, приводит на ум имя Франца Кафки (роман «Замок»). В своих попытках укорениться на новом месте Нина напоминает землемера К. — главного персонажа «Замка». Но, если роман Кафки прочитывается на аллегорическом, притчевом уровне, то повесть Демидова продиктована реальной действительностью СССР, тотальной безвыходностью засекреченной обстановки. Понятие «декабристка» теряет смысл, профанируется, ситуация заземляется и, становясь тупиковой, не сулит героине ничего хорошего. Историческое предание в этих условиях обесценивается. С героиней остается ее личное «я» — живая душа, которую переиначенный мир изменить не в состоянии. Однако ее личная биография находится в ведении Инстанции, наделенной безграничным могуществом. Именно Главное политическое управление, царь-дом Магадана, осуществляя надзор, отчуждает людей от судьбы, от тайны их первородства. Невозможность диалога и понимания, поднятая Инстанцией на уровень гражданского долга, делают эту подмену необратимой. У когда-то восторженной идеалистки открываются глаза. Она начинает понимать, что ее «подвиг самоотречения» не очень-то желателен избраннику, бывшему биологу-генетику, а теперь заключенному Е-275: его существование в особом лагере — это «гражданская смерть», и он «не только не требует от нее никаких жертв, но и решительно отвергает

их». Герой тоже становится для «декабристки» недостижимым замком, каким, возможно, была для Кафки Милена Ясенская, журналистка и переводчица, непростые отношения с которой он переживал в пору написания своего романа. В названии Кафки отсутствует личностный момент, тогда как Демидов на нем настаивает. Называя поведение Нины «алогичным» и даже «полусумасшедшим», автор, тем не менее, отдает должное силе его морального воздействия. «Особенно неотразимо оно оказывается для тех, ради кого эти подвиги совершаются», — пишет Демидов. Увы, память о подвигах неотделима и от судеб, которые оканчивались, как у философа Густава Шпета, на краю сибирского оврага. Выстрелу предшествовали: тройка, допрос, приговор. Смысл этих понятий превращает любые подвиги в трагическое ничто, рассеивает в воздухе и уносит в вечность. А через много-много лет в последнее воскресенье октября — день памяти жертв политических репрессий — вечность напомнит о себе у Соловецкого камня на Лубянке, и кто-нибудь скажет: «Господь радеет об остатке», и жизнь пойдет, как она шла до этого, и вечность ее не остановит.

Сюжет и связанная с ним тема науки исходят из личных переживаний Демидова. Они слишком болезненны для него, чтобы он мог посвятить повесть лишь теме любви. Это дает знать о себе в явной, можно сказать, кричащей горечи концовки, когда герои встречаются на свободе: «Редкий для повестей о «Колыме лагерной» счастливый конец?» — спрашивает Демидов. И сам же отвечает: «Вряд ли на таком его названии следует особенно настаивать. В повести об одной из декабристок нашего столетия — их было не так уж мало — добродетель торжествует лишь после того, как главная жизненная линия ее героев оказывается сломанной, порок же не наказуется вовсе... Утрата огромного куска жизни в ее самом творческом периоде невосполнима ни для кого. Но особенно тяжела такая утрата для человека научного поиска...»

Что же касается художественного воплощения, то взаимоотношения персонажей, поданные через речь автора, выглядят, на мой взгляд, прикладными на фоне основной темы — науки. Это заложено уже в сопоставлении двух эпитафий, взятых для повести и связанных с определением гена — единицы наследственности: из Большой советской энциклопедии 1952 и 1971 годов. Шоковой противоположностью своих смыслов они как бы предвосхищают сюжетное действие.

СТИХИ О ВОЙНЕ

Поэт Юрий Влодов был кровно связан с Великой Отечественной войной: годы его детства и отрочества пришлись как раз на этот период. Не понаслышке он знал про бомбежки, разрывы снарядов, свист пуль, вражескую оккупацию и эвакуацию. Все это ему довелось пережить.

И об этом он и написал свою военную книгу.

* * *

Война распяла детство.
Оставила наследство:
Сухую емкость фраз,
Почти звериный глаз,
Сверхбдительный рассудок,
Отравленный желудок,
Горячий камень сердца
И дух единове́рца...

И нет моей вины,
Что я — поэт войны!

* * *

Гуляло летом по европам...
Так пастернаком и укропом
Пропахли городки.

И фрау — пышные, как лето,
В субботу шли на «Риголетто»,
Взбивая парики.

И натянув тугие гольфы,
Жестяно лаяли адольфы,
Выкатывая грудь!

И присягая кружкой пива,
Густого, злого, как крапива,
Не морщились ничуть.

Шипели праздничные фарши...
В Берлине взвизгивали марши! –
Вибрировал эфир.

И Сталин грыз мундштук устало,
И дабы робость не пристала
Грузинский пил чефир...

В Москве гулящие матросы
Швыряли лихо папиросы
На танцевальный круг!

Послы садились в лимузины,
Стоял горячий дух резины...
Но я родился вдруг!...

Все это было...было...было...
Ты, мама, все в земле забыла:
Шекспир, мечты, семья...

На довоенном фото - в раме,
Худрук цветы подносит маме!..
Но тут родился я!

* * *

Танки шли по Руси, придыхая...
Танки шли на восток по прямой...
И кричала дошкольница Хая:
«Мамка! Тракторы! Ой!..»

Подгорала земля, что коврига.
На подовом каленом листе,
И крестился пропойный расстрига:
«Иисусе Христе!..»

Круглосуточно вякали стекла,
Крались танки в туманах Руси...
И вздыхала двужильная Фекла:
«Сын родимый, спаси!»

А сыночек — румяный лицом,
В обороне залег с ружьемом,
И клубился над ним, молодым,
Трубок маршальских вдумчивый дым.

* * *

Зимы военных лет
Выпали полной мерой...
Греемся нашей верой,—
Другого топлива нет.

* * *

Солдат любим седой старухой,
И молодой женой-стряпухой,
И малыши детьми...

Солдат врубился в голый пламень,
И превратился в голый камень...
Попробуй, обними!..

* * *

Сгорел в подбитом старом танке,
Останки вылизал огонь...
И мать на дальнем полустанке
В сундук поставила гармонь...
И прикорнула на лежанке,
Фитиль убавила на треть...
И снова сын в горящем танке!
Все сто ночей ему гореть!..
И тысячу ночей гореть!
Ни отдохнуть, ни умереть!

* * *

Окружение... Свалка... Плен...
Кожа, стесанная с колен...
Автоматчики, псы, конвой...
А усталость — хоть сухой вой!
По морозной грязи — босой!
И она позади — с косой!
Только ветер гнусаво пел:
«Потерпите, и я терпел!»
Но бодрящий тычок в плечо:
«Слышь, товарищ, держись, ты чё?!».

* * *

В барак вселили смерть, как ровню,
Чтоб страхом сбить усталость,
Швырнули душу на жаровню,
Чтоб тело пресмыкалось.

А ты достал клочок бумаги
И грифеля огрызок,
И написал: «Шумят овраги,
Уж первый ливень близок...»

* * *

Да, были Ожеговы, Дали,
Россия оними горда.
Но словари в гробу видали
В те рукопашные года.

В горах горящего металла
Война явила свой словарь
В моельном страхе трепетала
Черно-коричневая тварь!

Мы обнищали, отощали,
Осатанели, как зверье...
Зато язык обогащали, —
Славянский дух раскрепощали,
О Русь, во здравие твое!

Рождались в мальчиках мужчины.
Спасал Россию род мужской.
Взбухало знамя материны
Над медной бюргерской башкой!

Гремела мощь неологизма!
Ивана только растрави!
Он шел к победе сталинизма
По локти в собственной крови!

* * *

Бежал, поджимая живот,
От фрица, от жалкого прусса,
И знал, что уже не живет,
Поскольку «отпраздновал труса»...

В осоке лежал мертвецом,
Сжимая позорную бритву...
И терся о влагу лицом...
И слушал ударную битву.

Но встал сапогом на судьбу!
И труса – видал он в гробу...
Прошел, будто шел против ветра,
Н е м ы с л и м ы х два километра!..

Он душу тащил на горбу!

* * *

На соборе профиль прусский —
Благородный Бах.
А в камнях — солдатик русский
С кровью на губах...

На руке наковка – «Ира»,
Медное кольцо...
А всеильный Бах от мира
Отвернул лицо.

* * *

Улетели луга,
Улетели сады и леса...
И в колодезной мгле
Холода голубые стояли,
А бечевочный змей
Навсегда уходил в небеса,
В облака, в облака,
Что снегами уже накали.

(Ах, мамочка, милая мама!)

Пел слепой замполит
На ступенях сельмага о том,
Как под польским холмом
Закопал он глаза ледяные,
Василиса ему выносила
Казенный батон,
Опускала потом
На ладони его земляные.

(Ах, мамочка, милая мама!)

Из воды выходил
Полуночный голодный налим,
По низовьям Оки
Дымовая плутала истома,
А в глазницах у вдов,
Словно луны из голых долин,
Возникали глаза
Недошедших до отчего дома.

* * *

Не смотри солдат слепой
Черной жабой.
Ты гуляй себе с рябой,
Потной бабой.

Посоли-ка огурец,
Кружку выдуй.
Не завидуй мне, слепец,
Не завидуй.

ЛЮДИ ВЛОДОВА

Юрий Влодов, как воистину народный поэт, никогда не был один. Около него всегда кто-то находился: ученики ли, женщины ли. Он был настоящий поэтический король, а короля, как говорится, делает свита.

Поэтому я решила, помимо собственно воспоминаний о нем самом, написать еще воспоминания о некоторых людях из его ближайшего окружения, о ключевых фигурах, которые долгое время около него пробыли.

Цапин или Апостол Владимир

(Цапин Владимир Александрович, 1954 г.р., Находился около Влодова где-то с конца 1970-х до последних дней).

Цапин играет во всех «людях Влодова» для меня главную роль, так как именно он меня с Влодовым и познакомил в марте 1982 года.

Помимо всего прочего, Цапин прошел бок о бок почти через всю мою с Влодовым жизнь.

На фото: В. Цапин, Ю. Влодов, Л. Осокина. 1982 г.

С самим Цапиным меня познакомил один молодой поэт – Валера Романчук, года за полтора до этого. Это произошло на литобъединении «Весы», куда я тогда ходила. И вот с Романчуком они и приходили ко мне в гости, и мы проводили вместе какой-либо из выходных дней. Но никаких дел лямурного плана у меня ни с кем из них никогда не было, нам и в голову это почему-то не приходило. Мы были просто поэтическими товарищами.

В первое время нашего общения Цапин про Влодова мне ничего не говорил. Вообще ничего. Но, где-то спустя год, Цапин почему-то вдруг решил меня с ним познакомить. Он сказал мне, что есть такой поэт – Влодов, он нигде не живет, и что он может меня к нему отвести на какую-то из квартир, где он в данный момент обретался. Конечно, слово «нигде не живет» меня немножко поразило, я даже не понимала тогда, как такое может быть, но тем не менее, я согласилась.

Поэтому от меня требовалось в какую-то из суббот в 3 часа дня приехать на ст. м. «Арбатская» с бутылкой портвейна и ждать там Цапина. Он сказал, что бутылка необходима, так как Влодов без бутылки никого не принимал.

В назначенное время я приехала на ст. м. «Арбатская», стояла там, ждала, но Цапин почему-то так и не появился. Впоследствии я узнала, что Влодов в этот раз отказался со мной знакомиться. У него были на тот момент какие-то другие дела, и он мной пока что не заинтересовался. Так что наше знакомство с Влодовым отодвинулось почти на год.

Через год, когда я уже ходила на студию «Чистые пруды», Цапин пришел туда вместе с Влодовым. (Или, наоборот, Влодов пришел вместе с Цапиным). В этот раз было мое обсуждение, и в перерыве Цапин представил меня Влодову. Так состоялось наше знакомство. Потом, после студии, мы все вместе поехали ко мне домой, точнее, на квартиру моей сестры, где я тогда жила, а сестра в это время лежала в больнице. Цапин по дороге потерялся, и мы с Влодовым остались одни. Мы провели тогда вместе ночь, потом встретились еще через неделю на этих «Чистых прудах», а потом и вовсе уже не расставались. Я стала с Влодовым везде ходить.

Влодов называл Цапина учеником. Он называл так всех молодых поэтов, которые в то время около него крутились. Влодову в то время, в 1982 году, стукнуло 50, поэтому на роль учителя он вполне сгодился. Цапину было где-то лет 26 в то время или 24, уж точно не помню.

Но на самом деле, Цапин был нечто больше, чем ученик. Он был, в некотором роде, поверенный в делах.

Долгое время, особенно в первые годы моего общения с Влодовым, Цапин почти везде нас сопровождал, он постоянно присутствовал в нашей жизни. Я, правда, не знаю, каким образом он успевал еще и работать, он работал в типографии «Красной звезды» каким-то сотрудником, причем, полный рабочий день. Еще он к тому же был женат, у него была

жена и маленькая дочь. Жил он в своей квартире в районе Измайлово. Не знаю, как ему удавалось совмещать свою собственную жизнь и общение с Влодовым, но каким-то чудесным образом удавалось.

Так что Цапин нежданно-негаданно из моего поэтического товарища превратился для меня как бы в слугу, в адъютанта Влодова, и мы не могли уже вот так как раньше свободно и запросто общаться. Нам приходилось молча ходить по разные стороны от Влодова. Он был очень ревнивым, и общаться нам между собой не разрешал.

Цапин был удобен в общении, потому что он странным образом никого не раздражал. С Влодовым мало кто мог ужиться, как говорить, но вот Цапину это удалось. И он пробыл у него в «учениках» очень долго.

Цапин умел молчать и говорил только тогда, когда ему это разрешали. Он только отвечал на вопросы, если его о чем-то спрашивали. Он ничего особо не хотел, не привязывался ни с какими просьбами. Это тоже было неплохо. Он никогда не пытался чем-то выдвинуться, блеснуть и затмить таким образом Влодова, он знал свое место и не совался не только в первые ряды, но даже во вторые, и в третьи.

Он вообще никуда не совался, только молча следовал куда нужно и делал то, что требовалось в данный момент делать. Также он мог легко переносить какие-то физические трудности или неудобства, что тоже было немаловажно. Например, бессонные ночи или довольно основательную выпивку. Он, в любых случаях, держался молодцом и мог себя прилично вести. Даже выпив изрядное количество всего, он не терял голову и мог помочь везти куда-то самого Влодова. Короче, он не доставлял никаких неудобств в общении и был идеальным Адъютантом Его, Великого и Ужасного.

Но, что было хорошо, он был не только «учеником», слугой или кем-то там еще. В первую очередь, он был своим человеком, и вот это, пожалуй, главное. Он воспринимался скорее как родственник, как член семьи. Такое же чувство у меня возникло только в отношении еще одного «человека Влодова» – Никитушкина. А так больше ни к кому.

С Цапиным было комфортно находиться, куда-то ходить, к кому-то ездить. Мы как-будто были одни, но в тоже время с нами кто-то был. И этот кто-то мог в любой ситуации здорово нам помочь. И помогал. Если надо было послать кого-либо за вином в магазин, то посылался Цапин. За сигаретами – Цапин. За хлебом и банкой консервов – Цапин. Встретить кого-либо в метро или на автобусной остановке посылали Цапина. Проводить тоже отправлялся Цапин. Накормить нас на свои деньги, причем без отдачи, частенько призывался Цапин. Забить какой-либо гвоздь, починить замок, кран приглашался Цапин. Как ни странно, он все это умел. Поехать с нами за компанию на электричке в какой-либо Павловский Посад, чтобы не

было скучно в длинной дороге, приглашался Цапин. В гости к кому-либо пойти, к каким-либо полужнакомым людям, с которыми Влодов мог чувствовать себя некомфортно, звали Цапина. Он все-таки был своим человеком и с ним было как-то спокойнее.

Поскольку Влодов ничего сам из различных бытовых дел не умел, а делать это иногда все ж таки приходилось, то для этого существовал Цапин. Также он частенько использовался в роли переносчика тяжестей или передвижчика их.

Также на всякие Влодовские мероприятия, как-то: дни рождения, поэтические вечера, отмечания каких-либо праздников приглашался в первую очередь Цапин. В качестве участника. А как же! Даже когда мы уже жили вполне устроено в Очаково, сначала в 55-й квартире, а потом и в 102-й, он постоянно приходил к нам на празднование Нового года, а также на все Влодовские дни рождения. Правда, потом, когда нам внезапно расхотелось что-либо отмечать, где-то начиная примерно с 2002 года, мы перестали кого-либо приглашать, в том числе и Цапина.

По внешнему виду Цапин напоминал апостола Петра: черные волосы, борода, осанистая внешность. Мне еще хотелось назвать его апостолом Владимиром. Да, пожалуй, он так и выглядел – как апостол. И занимался не просто службой, а служением Учителю в лице Влодова.

Вот как раз вспомнила песню Цапина про Москву. Он ведь не только стихи писал, но еще и песни. У него была гитара, и он исполнял эти песни под свой аккомпанемент. Помню еще на Влодовской студии в газете «Московский комсомолец» в конференц-зале он пел эту свою песню. В-общем-то, она неплохо звучала, там были такие слова, это вот припев этой песни:

Люблю Москву, ее движенье,
И смелый взгляд из-под бровей,
Люблю до головокруженья
Ее Монмартр, ее Бродвей.
Ее Садовые, Неглинку,
И захоlustьев пустыри,
Ее напевы под сурдинку,
В которых просто воспарить.

Да, неплохая песня, и слова, и мелодия приятные. Помню еще «Лесные короли» у него были, тоже хорошая песня. Еще про какую-то белую девушку он пел в ритме блюза, так сказать. Не знаю, почему он с этими песнями никуда не продвинулся. Одно время он даже ходил, выступал с ними с какой-то из своих баб, но потом как-то это дело все угасло, непонятно почему. Может, он не обладал достаточной наглостью в продвижении своих дел, был очень застенчивым человеком. Поэтому, наверное.

Когда я сама начала писать песни, осенью 2000 года, мы брали у него гитару, и она какое-то время у нас находилась, чтобы Никитушкин, приезжая, мог мои песни сыграть.

Вообще, мы у Цапина брали не только гитару. Он был довольно обеспеченным человеком по тем временам. Помимо отдельной квартиры в Москве, у него были и дача, и машина, ну и всякие там более мелкие вещи: типа фотоаппарат, видеокамера. Имелась у него и пишущая машинка. Старинная. «Ундервуд», наверное. Он приносил ее к нам в халупу и долгое время она там была. Некоторые мои стихи из тех лет на ней напечатаны. Ну и Влодовские тоже. Правда, там некоторые буквы западали. И вот она долго у нас там была. Потом нам понадобились деньги, и мы продали ее Егорову, хоть она была и не наша. А что делать? А потом, по-моему, Цапин покупал ее назад у Егорова, свою же машинку. Н-да! Весело, как говорится, жили.

Кстати, наша самая первая фотография с Влодовым сделана не Цапиным, нет, а Мацко, но на этой фотографии в мае 1982 года, с нами вместе сфотографирован и Цапин. Это было во дворике Литинститута. Потом Цапин опять же был запечатлен с нами на фотографии, которую сделал Руслан Шакаев у себя дома осенью 1982 года. В дальнейший период было как-то не до фотографий, и вплоть до 1988 года мы с Влодовым вообще не фотографировались, нам даже в голову это не приходило, исключая разве что фото на документы.

Цапин, помнится, как-то пришел со своим фотоаппаратом и сделал много фотографий у нас дома в Очаково, то ли в конце 2000 года, то ли в начале 2001. Но ему пришлось снимать только меня. Влодов фотографироваться не захотел. Он снимал меня с гитарой на балконе. И вот самая моя красивая фотография в шляпе, с гитарой, с белыми волосами, где я выгляжу как супер-красотка сделана именно Цапиным. Цветная фотография.

Цапин готов был приехать по первому зову Влодова, где бы мы ни жили, чтобы ни делали, Влодов всегда мог на него положиться. На его присутствие, на его помощь. Что бы ни случилось, Влодов тут же хватался за трубку телефона и говорил: «Сейчас вызову Цапина». И Цапин почти всегда приезжал и делал всё, что требовалось.

В январе 2005 года на Старый Новый год Цапин пришел к нам с видеокамерой и заснял свою беседу с Влодовым. Долго они там говорили на кухне. Липатову звонили, пили какие-то коктейли из банок, и всё это Цапин снимал. Молодец! Там еще Влодов был в здравом уме и в твердой памяти, так что нормально получилось.

Влодов во годы оны, где-то в 1993 году, как только оформился в «Юность», где он некоторое время проработал, тут же пригласил туда Цапина. Представил его Липатову, тогдашнему главному редактору, и Цапин стал служить теперь уже двум большим людям.

Липатов тоже начал использовать Цапина как слугу и не мог на него нарадоваться, и всё время говорил об этом Влодову: «Вот, спасибо, Вам, Юрий Александрович, за Цапина». Цапин был у Липатова в качестве такого секретаря-референта. Он сидел в приемной вместо секретарши и даже когда Влодов уже из «Юности» ушел, Цапин еще долгое время там работал. Цапин даже сорганизовал там свой литературный альманах «Орфей». Но точно не знаю, в «Юности» он его сорганизовал или еще раньше, когда еще там не работал. Он все ж таки пропадал из жизни Влодова на некоторое количество лет. В этот период он вел литературную студию в библиотеке им. Некрасова. Мы очень с Влодовым удивились, когда узнали, что Цапин там чего-то ведет. Было очень странно видеть его в таком качестве, в качестве руководителя чего-то.

Конечно, и Цапин под конец стал не таким покладистым и послушным, как раньше. И у него со временем испортился характер, и поменялось отношение к Влодову. Но, все-таки, по сравнению с другими людьми из окружения Влодова, его можно считать идеальным учеником, помощником и человеком.

Ольга НАРОВЧАТОВА

Кто ответит?

Будто солнечной кистью написан
Этот край, где текла благодать.
Как солдаты стоят кипарисы
Неспособные землю предать.

Юрких ящериц быстрые игры,
Мирных маков цветные поля,
И дельфин, что до солнца допрыгнул—
Это всё Украина-земля.

Разве можно забыть мне об этом?
Поженились там мама с отцом,
Там пронизан стихами поэта
Знаменитый волошинский дом

Видишь чайка летит как свобода
Над прибоем , над гребнем волны...
Но расколото сердце народа
Беспределом гражданской войны.

Кто ответит за гибель невинных,
За огонь , за смертельную дрожь?
Кто ответит за боль Украины,
Получившей предательский нож.

* * *

Не успеваю на ходу
Узреть, где красота святая.
И я всё медленней иду,
Как снег на солнце, быстро тая.

* * *

Добавку света получили,
Чирикали, благодарили.
Скакал под солнцем воробей
И зиму стряхивал с ветвей.

* * *

О пешках слава низкая идёт.
Ладья в момент за пояс их заткнёт.
И офицер презреньем обольёт,
И королева не заметит их:
Малы, глупы, достоинств никаких
Но пешки остальных фигур сильнее,
И пешки защищают королей.

Генеалогия

Как стал грузинский стихотворец
 Поэтом русской доли вдруг:
 Ведь всё же я — гурийский горец,
 Хоть и «хохлацкой» бабки внук?..

Когда я в шуках печенега
 К Итили с братьями скачу
 И озираю былль и небылль,
 Всё, что хочу, мне по плечу.

Живу в плену стихотворений:
 В коловращениях людских,
 В пылу речей и бурях прений —
 Сармат и грек, варяг и скиф.

Сентенция

Одиночество — не подарок.

Одиночество — это дар.

Алексей Ефимов

Давая кривотолкам фору,
 Никем не понятый изгой, —
 Тащи свой крест вперёд и в гору,
 Ведомый истиной нагой.

Не верь пустопорожним слухам,
 Что на Земле мы, как в тюрьме,
 Где присно слепы нищим духом
 Рабы, лежащие во тьме.

Не будь ничьим судьёй жестоким,
 Когда твоя душа — радар.
 И свет, доступный одиноким,
 Дели на всех, как Божий дар.

Панацея

Коль нет душе отдохновенья,
Когда тоска к невзгоде льнёт,
В толкучке слов стихотворенье
Случайной радостью мелькнёт.

Толпу пустого многословья
Раздвинут стройные ряды,
На белоснежности безмолвья
Оставив чёткие следы.

Слова, что до поры молчали,
Сольются в музыку и враз
Побьют все беды и печали
Небесным градом метких фраз.

Икона

Людской молвой, на истину скупой,
Благая весть летит ко всем «болящим»,
Что, прикоснувшись к образам, слепой
За крепость веры сразу станет зрячим.

Для тех, чей дух с иконами давно,
И кто ещё не укрепился в вере,
Для всех, кто пожелает, всё равно
Они окно, а для кого и двери.

Иной, не веря Божьим чудесам,
Порою, даже не подозревает,
Что под лучом святой иконы сам
Неволью постепенно прозревает.

4 ноября (22 октября) 2016 г.

Дачник

Как летний гость в «Придонье» вольном,
Живу я барином без слуг
У трассы «Дон», где словно волны
Машины катятся на юг.

Весь день в саду и в огороде
Я сам себе и спец, и жнец,

И в пользу чарка на природе
Под малосольный огурец.

Здесь нам не «вешает на ушки
лапшу» медийный контингент...
...В моём дворе живут лягушки,
И это радостный момент.

*Село Шебанцево
Август 2016 г.*

* * *

Хотя во мне углы, уколы
И куча разных парадоксов,
С медалью русской средней школы
Я мог легко окончить «Оксфорд».

Но «замутить со мной разборки»
Угодно было Провидению:
Почти что «круглые пятёрки» —
И вдруг — «трояк» по поведению.

Ну, что ж, я сам расставил вехи,
Былого не воротишь вспять:
Имею средние успехи
При поведении «на пять».

* * *

Покуда «бандеры» в героях страны,
Народная кровушка пьётся «от пуза».
И нет в Украине гражданской войны,
Как не было секса в пределах Союза.

Под зорким контролем корыстных «друзжков»,
В безудержно жадных руках олигарха,
В цепях многолетних жестоких оков
Домается «Нэнько» до полного краха.

БЕРЕГ НАДЕЖДЫ

* * *

Как падают вишни
В ладони Кармен
Как птицы поют
Серенаду
Рассвету
Зелёные сны
Прикасаются к лету
Играет смычок
У раскрытых колен

* * *

Каждый
Миг
Нас приближает
К Встрече
Вечной
Нестареющей
Весны
День
Окончен
Ветер
Гасит
Свечи
Уходящим
Светом
Я и Ты

* * *

Стихи мои
Звездою
Закатились
Снежинками
На Землю

Опустились
Бессонною
Стоит
Зима
Во мгле
Когда я
Вспоминаю
О Тебе

* * *

Мы
Встретимся
С Тобой
Когда наступит
Вечность
Когда сойдут
Снега
Когда уйдут
Века
Тот Путь
Издаেকে
Душа
Твоя
И Млечность
И белая
Пурга
И звёздная
Строка

* * *

Ты
Вошёл
В мою
Жизнь

Словно парус
И берег
Надежды
Твой
Рассвет
Как прибой
Он
Волною
Бежит
Над Строкой
Ты
Вошёл
В мою
Жизнь
Тихим
Ангелом
В светлых
Одеждах
Небесами
Маня
Что раскрылись
Тобой
Для
Меня

* * *

Надломленная
Воском
Гаснет
Свечка
Звезда
Колёблется
В холодной
Речке
Берёзы
Расплетают
Свои
Косы

И поезд
Что проходит
Над откосом
Вечерним
Светом
Гаснет
Эта
Песня
Которую я
Помнить
Буду
Вечность
Твои
Ладони
Словно
Ветры
Босы
И поезд
Что проходит
Над откосом

* * *

Звезда
Сверкает
В Поднебесье
Рассветная
Земля
Поющих
Родников
На солнечной
Земле
Моя
Не спета
Песня
Не пройден
Путь
Молитвою
Стихов

Южный Крест

Долго странник одинокий
По пустынной брел земле.
Южный Крест в стране далекой
Вдруг огонь зажёт во мгле.

Вновь заставил биться сердце
У подножья диких скал.
Для любви открыта дверца,
Нужен страннику привал

Там, где волны обнимают
Исцеляющий песок,
Птицы ветру подпевают.
Здесь не будешь одинок!

Время тает понемногу,
На рассвете в дальний путь.
Впереди опять дорога.
Искру жизни не забудь!

Гостья

Гостья ко мне прилетела,
Нотной тетради строка.
Иволга снова запела,
Сердце кольнуло слегка.

Ветром надежд ненароком
Вдруг распахнуло окно.
Белый рояль одиноко
Ждет на веранде давно.

К клавишам тянутся руки,
Ноты — как звезды во мгле.
Вальса забытые звуки
В каплях дождя на стекле.

В облаке бабьего лета

Осень — мое отражение,
Осень — «двойняшка-сестра»,
Нитей ковровых сплетенье,
Грусти дождливой пора.

Манит красою и кружит
В паре с багряной листвою,
Скоро метели завьюжат
Скроется солнце за мглой.

Дождик уже мокрым снегом
Вором крадется с утра.
Не оставляй меня с ветром
Осень — «двойняшка сестра»!

В отблесках лунного света,
В дымке листвы золотой,
В облаке бабьего лета
Скроюсь с «двойняшкой-сестрой».

Картина

Рисовал художник яблоню в саду,
День стоял весенний, было все в цвету.
Буйство красок тонко автор уловил,
На мольберте тотчас пылкость отразил.
День ушел нежданно, время — как вода,
Пламя загасили трудные года.
Листики пожухли, высохла кора,
Пролетела быстро вешняя пора.
Лишь с картины веет трепетным теплом,
Словно снова пышет яблоня огнем.

МУЗА И ЛОДОЧНИК

И нарекла ее восхищенная Эллада Десятой Музой своею. И цари говорили ее стихами на пирах своих, и рыбаки за убогим ужином своим тоже шептали строки ее. И даже рабы, которым и близко-то к поэзии подходить было нельзя, в темных норах своих зажигали вдруг светильники в ожесточенных сердцах, произнося слова гимнов ее.

А она стояла на скале. Одна. Отверженная людьми, боготворившими творения ее. Отверженная девами своими, молившимися на нее. Отверженная юностью своею, украшавшей ее больше, чем все венцы всех празднеств эллинских.

Сафо! Сапфа! Аристократка! А многие города возжелали иметь у себя не царя на троне, а толпу правящую. Продавцы рыбы стали предпочтительнее утонченных мужей, любивших покрасоваться на людях в дорогих нарядах. Оставить после себя шлейф дорогих ароматов. Бросить на ходу непонятное слово, а то и целую фразу.

Вот и она по праву своего рождения в семнадцать лет узнала горечь изгнания.

А ведь она учила на своем любимом острове Лесбос девственниц. Учила танцам, поэзии, музыке. Она боготворила своих учениц. Любила возвышенно. Любила плотски, так, что, как она сама говорила, «все члены охватывала дрожь». И «Дом муз», где воспитывались девственницы, целиком и полностью поглощал ее всю.

Нет, она не была равнодушна к мужчинам. И не зря другой великий певец Эллады, Алкей, называл ее «страстной»!

И в своем изгнании, которое длилось пятнадцать лет, выслушала она много признаний из уст родовитых и понимавших толк в красоте и поэзии людей. И дочь была у Десятой Музы. Девочка, которую она так любила, что посвятила ей цикл удивительных стихов, которые слушали даже боги. Слушали и считали ее почти равной себе.

И вот она стояла на скале. Ей было за сорок лет. И, как часто бывает это у людей богоподобных, ее сердце тронул ничтожный смертный, не отличавшийся никакими достоинствами. Он был на ее любимом острове перевозчиком. Лодочник по имени Фаон! Единственное, что он имел, это красивую внешность.

Суеверные поговаривали, что однажды Фаон переправил на азиатский берег Афродиту. И был он тогда не юным красавцем, а

дряхлой старухой. Но в благодарность за услугу богиня красоты подарила ему неувядающую молодость и поразительную внешность, перед которой невозможно было устоять. А чтобы тот не потерял этой внешности ни при каких обстоятельствах, дала ему с собой волшебную мазь.

Люди много чего говорят... Сколько грязи вылили они на ее голову, на голову своей Музы, только за то, что любила она не одних мужчин! И сколько еще выльют за много веков! И будут при этом читать ее стихи.

Фаон! Почти что Харон. Зловещий перевозчик в царство мертвых. Скоро-скоро Фаон и впрямь сменится Хароном. Так скоро, что никто и предполагать не может. И уж тем более сам Фаон.

Она стояла на скале любимого острова. И решение ее было твердо. Та, чья жизнь была уподоблена морю, теперь сама хочет стать морем. И для этого всего лишь надо покинуть скалу. Сделать шаг вперед. Только один шаг. А там волна сначала утянет на самое дно, а потом вознесет до небес, поставит прямо на пороге светлого зала, где пируют небожители. И ее кубок уже наполнен вином бессмертных. Так что же медлить?

— О чем это задумалась Десятая Муза? — раздался знакомый голос Фаона. — Обо мне, надеюсь? Или презренный смертный не имеет больше права лицезреть красоту, угодную только богам? Только вот он, хоть и смертный, да что-то и впрямь не может разобраться, где же здесь красота? Где золотые волосы, что были у Сафо? Где стать, что поражала девственниц Лесбоса? Или все это перешло к жалкому лодочнику? Так прости же невольного вора, о великая!

Десятая Муза Эллады молча оглянулась. В ее глазах не было прежней любви. Быть может, впервые она по-настоящему оценила всю низость этого издевающегося над ней красавца. Разглядела под его внешностью ту самую старуху, которой он был когда-то по преданию. Ну и мерзка же она!

Неожиданно Сафо начала декламировать вслух стихи:

Твой приезд — мне отрада. К тебе в тоске
Я стремилась. Ты жадное сердце вновь, —
Благо, благо тебе! — мне любовью жжешь.

Долго были в разлуке друг с другом мы.
Долгий счет прими пожеланий, друг.
Благо, благо тебе! — и на радость нам.

— Это ты мне? — полунасмешливо-полусерьезно спросил Фаон. — Вот уж и я, похоже, приобщился к бессмертью!

— Это я векам! — жестко сказала Сафо, глядя лодочнику прямо в тусклые глаза своими огромными всегда горящими глазами. И тут же продолжила, обращаясь не столько к перевозчику, сколько к небу:

— Через тысячу лет один римский император обратится с этими строками к одному великому философу. А узнают об этом, потому что через три тысячи лет мое стихотворение найдут в песках Египта недалеко от одного славного города, которого пока еще нет. Оно будет лежать, написанное на папирусе, в саркофаге, сопровождающем в царство мертвых некое славное мертвеца. И мудреца.

— И все-то мы, поэты, знаем! — обозлился Фаон, — говорим, будто пифии, прорицательницы из Дельф! А такую чушь говорим! Какой-то римский император! Что-то я не слыхивал о таком царстве! Какой-то город в Египте! Какие-то гробокопатели через три тысячи лет! Поди проверь! Ты лучше слезай со скалы, сегодня я готов принять тебя в свои объятия. Да поторопись! В твоём возрасте каждый новый день может принести твоему личику неприятные переделки.

Сафо молчала. А Фаон снисходительно поглядывал на живую легенду Эллады и испытывал ту радость, которую испытывают грубые и неотесанные мужланы, когда ощущают к себе внимание со стороны утонченных натур. Он наслаждался моральной зависимостью Сафо и был уверен, что она простит ему все.

А униженная Десятая Муза Эллады вдруг снова подняла глаза к небу и обратилась к жене громовержца Зевса богине Гере:

Так и я тебя умоляю: дай мне
Вновь, как бывало,
Чистое мое и святое дело
С девственницами Митилен продолжить,
Песням их учить и красивым танцам
В дни твоих празднеств...

И услышала Сафо голос Геры:

— Даю!

И перевела она взгляд спокойно и без гнева к лодочнику:

— Послушай, Фаон! Я, стоящая на моей любимой Левкадской скале моего любимого острова Лесбос, прошу тебя уйти отсюда. Здесь, на этой скале, часто являлись ко мне мои лучшие строки. Здесь же поняла я, что люблю тебя. И здесь поняла я, что нет у меня к тебе больше любви. Но есть благодарность за то чувство, что пробуждал ты у меня. И есть у меня к тебе просьба одна. Знаю, что писать ты не умеешь, но знаю также, что память у тебя удивительная. А потому запомни строки, которые услышишь от меня:

«Я любила, я многих в отчаянии призывала на свое одинокое ложе, но боги ниспослали мне высшее толкование моих скорбей... Я говорила языком истинной страсти с теми, кого сын Киприды ранил своими жестокими стрелами... Пусть меня бесчестят за то, что я бросила сердце в бездну наслаждений, но, по крайней мере, я узнала божественные тайны жизни! Моя тень, вечно жаждущая идеала, сошла в чертоги Гадеса, мои глаза, ослепленные блестящим светом, видели зарождающуюся зарю божественной любви!

— Но... это же приговор... приговор мне... — дрожащим голосом отозвался лодочник.

— Так ты все запомнил? — бесстрастно спросила Сафо.

— Все, — послушно ответил перевозчик.

— Сейчас ты уйдешь отсюда. Теперь ты можешь радоваться. Отныне и твоё презренное имя будут иногда произносить вместе с моим. Ты уходишь с такими дарами, которые даже боги не всегда могут дать. Уходи! Плыви отсюда. Я хочу услышать скрип уключин твоей лодки. Тогда у меня не останется ни малейших сомнений по поводу правильности моего решения.

Лодочник вдруг поклонился женщине на скале и сказал:

— Разрешите задать тебе последний вопрос: кому ты по-настоящему умеешь подчиняться?

— Небу! — ответила Десятая Муза.

— А кому ты по-настоящему умеешь приказывать? — решился задать еще один вопрос лодочник.

— Земле! — снова ответила Сафо.

Вскоре раздался скрип уключин. Потом Сафо перестала его слышать. Она подумала об Афродите. О том, как ее любимая богиня вышла из пены морской, чтобы дарить людям радость красоты. И вот теперь она, нареченная людьми Десятой Музой Эллады, будто Афродита, возвращается снова в море. Все-таки она не была богиней, а потому у нее нет больше сил бороться с человеческим непониманием.

Ее шаг был стремительным и одновременно плавным, таким, каким он бывал, когда она учила сокровенному танцу какую-нибудь новую ученицу.

И началось бессмертие. Боги приняли ее в свой круг, и небо подарило ей много песен. Теперь уже недоступных слуху простых смертных.

А земные стихи трагической Музы с острова Лесбос завоевали весь мир. Сначала греческий. Потом мир, созданный завоеваниями Александра Македонского. Потом они перешагнули через порог новой эры и вошли в эпоху Христа... Разве любовь Христова противоречит любви истинной, пусть даже и человеческой?

И пусть немного стихов осталось от великой поэтессы. Зато мы читаем их с трепетом, забывая о том, что это перевод, что тексты найдены в темных саркофагах или в песках.

Она всегда останется в нашем воображении женщиной с лирой в руках. С любовью в сердце.

Но когда же лодочник Фаон серой тенью скользнул в мир теней? Был ли он стар в миг своей смерти? Или молод?

Какое нам дело!

28.8.2002 г.

Евгения СЛАВОРОССОВА

Сёстры

Ирине Антоновой

В хоре плакальщиц тех
По навеки во мглу уходящим,
Невозможно прекрасным
И столь безнадежно любимым
Чисто голос звучит
Между прошлым моим и моим настоящим,
Между вечным огнём
И над ним исчезающим дымом.
Этот дым, что горячим стыдом
Нам глаза выедает,
Вызывает бессильные,
Чёрные, горькие слёзы,
Потому что возлюбленный наш
Нас всегда покидает —
Не удержат ни ласки его,
Ни мольбы, ни угрозы.
Он уходит из жизни твоей,
Он уходит из собственной жизни...
Почему же он катится в бездну,
Как под гору камень Сизифа?
Пить с отравой вино
Нам на той нескончаемой тризне,
Что накрыта была
В недрах тёмного древнего мифа.
В хоре кровных сестёр по несчастью,
По странному счастью
Мы возносим свой плач,
Сотворённый из слёзных алмазов.
Бескорыстны и склонны
К сочувствию, дружбе, участию,
Милосердные сёстры
Средь воинских грозных приказов.
Убегают, уходят —
А мы тосковать остаёмся.

И хватает души не судить —
Пожалеть дезертира.
Предают, покидают...
А мы всё равно не сдаёмся —
И поём о любви
На развалинах падшего мира.

Из книги «Афганский синдром»

Алексее Кебадзе

* * *

В пыли солдаты наши шли,
Дул знойный ветер неустанно...
Но что осталось там, вдали,
В чужих горах Афганистана?

Живём, не ведая конца.
Но не сказал никто доньне,
Зачем умолкли их сердца
Там, на безжалостной чужбине?

Кто их утешил, кто помог?
Война кровава, жизнь жестока.
Курится призрачный дымок
Над картой Ближнего Востока.

* * *

Крадётся дождь ночной, шурша,
Земля в туманной мгле уснула.
Но почему твоя душа
Не спит в окрестностях Кабула?

В осенней бездне так темно,
И навзничь свитер твой на стуле.
Как громко дождь стучит в окно!
Но это капли, а не пули.

Не одолеешь Лету вплавь,
Изводит дождь и ноют шрамы.
И сон бежит, и смотрит явь
С холста давнишнего из рамы.

* * *

Снаряды полегли,
И пули просвистели.
Но духи той земли
Тебя убить хотели.

Что знал ты о любви?
Урок потерь и боли
Мальчишка шурави
Прошёл в кровавой школе.

Снег ляжет на виски
С далёких гор афганских,
Но не избыть тоски
В глазах твоих цыганских.

* * *

Нет, Афган твой — не роман
И страшнее, чем кино.
Между скал ползёт душман,
Словно чёрное пятно.

В синеве парят орлы,
И солдат из фляжки пьёт.
А в него из-за скалы
Невидимка снайпер бьёт.

И отравую горчит
Солнца вязкий тяжкий мёд...
А в мозгу стучит, стучит
Тридцать лет твой пулемёт.

* * *

Сыплет звёздная с неба труха
Над безлюдным селеньем Руха.
А вокруг ни дымка, ни огня.
Загадай же, что встретишь меня!

Веет диких цветов аромат,
Пусть пока отдохнёт автомат
В эту ночь, что так странно тиха,
В опустевшем селенье Руха.

* * *

Луч рассвета озарил
Госпиталь, где ты проснулся,
Ангел смерти Азраил
Лишь крылом тебя коснулся.

Это тёмное крыло
Так таинственно и странно.
Три десятка лет прошло,
Но болит сквозная рана.

С этой тайной ты живёшь,
Никому не открывая,
Словно носишь в сердце нож...
Только это боль живая.

* * *

А ты уже три дня молчишь
И речь о прошлом не заводишь.
Но как обманна эта тишь -
Ведь ты туда опять уходишь.

Ведь не сошёл с лица загар
Того сжигающего пекла.
Кабул, Герат и Кандагар...
А пряди стали цвета пепла.

Но, чтоб погибших не предать,
Уходишь — и не обернёшься.
Мне остаётся только ждать,
Когда ж оттуда ты вернёшься.

* * *

Возьми меня туда с собой,
В страну твоей тоски муки!
Ведь там сейчас окончен бой,
И ожили иные звуки:

Твой тяжкий вздох среди тишины,
Пробежка серенькой лисицы.
Но птичьи песни не слышны.
Куда отсюда делись птицы?!

Бормочет мутная река,
В безмолвии застыли скалы...
Глядит стервятник свысока,
И смотрят пристально шакалы.

* * *

Они опять в твои приходят сны,
И не могу я крикнуть им: «Довольно!»
И посреди бездонной тишины
Они бормочут: «Холодно» и «Больно».

Чем этим душам я могу помочь?
Зажечь свечу? Смахнуть слезу невольно?
Их бормотанье наполняет ночь,
А на душе и холодно, и больно.

* * *

О, если б я попасть могла
Туда, где несть числа снарядам!
Я за руку б тебя взяла,
Шепнула, что побуду рядом,

И пот твой вытерла со лба,
И в сны входила до рассвета,
Чтобы сказать: «Кисмет, судьба.
Ты выживешь, я знаю это».

* * *

Их всех послали в ад,
Остались там ребята...
А ты пришёл назад?
Оттуда нет возврата.

Бог молвил: «Не суди»,
Прощенье в Божьем слове.
...Твой орден на груди,
Как будто капля крови.

ТРИПТИХ «СКАНДИНАВИЯ»
Стокгольм

В письме описываю наряды,
 Французские свои духи и взгляды
 Голубоглазых шведов,
 Озёра, острова — по ним не еду,
 А мы по ним гуляем.

И мягкость шведов замечаем,
 И что они светловолосы,
 И высоких шведок косы.
 Лошадка деревянная
 У ратуши кирпичной,
 В цветах и голубая, даларнская.
 А у залива Королевский зал столичный.
 И ратуши ступени:
 Дамы в платьях длинных
 Спускаются по ним после вручения
 Нобелевских премий в Королевском зале модерновом,
 не старинном.

А купол ратуши в Стокгольме
 Блистает золотом.
 И Балтика привольна.
 Средневековие и молодость.
 Спокойствие, приветливость.
 Валькирий некокетливость.
 Вдруг речки бурные, мосты.
 И корабли огромные. Цветы
 На набережных. А солнце освещает
 Башни, дали водные, искрящиеся.
 Бывает, улицы спускаются холмами,
 На них вдруг скалы,
 И шпили над домами,
 Под черепицей тёмной мезонины, Карлсон
 Живёт в одном из них, упитанный,
 Он прилетает к Малышу.
 Стекло и сталь, дождём умытые.

Я воздухом бодрящим, свежим Балтики дышу.
Флаг голубой с лучами солнца золотыми
Полощется на кораблях, лучи крестом.
Когда король есть с королевой и поныне,
Стране любая непогода нипочём.
Лев поднял щит
У Королевского дворца.
Вода журчит
И в чаши падает у великолепного крыльца.
Кафе на воздухе, на берегу:
Диванчики, подушки черно-белые
С абстрактными рисунками. Бегут
Стокгольмцы или едут вело.
Даларнская лошадка —
Символ Швеции.
Она первоначально красная.
А символ севера её: Олень.
Лошадки тонконогие и овцы белосерстные
В лугах зелёных — мы покидаем Швецию прекрасную.
Шары, как яблоки на проводах. Сине-зелёный день.

15 сентября 2012 года. Утро

Анна Норвежская

* * *

Норвегия — Эдвард Григ.
Норвегия — чаек крик
Над фьордами.
Тоннели в скалах твёрдых,
Длинные,
Где в колпачках старинных
Гномы. Огни
В темноте мелькают.
Дни,
При свете которых вдруг исчезают
Ночные тролли,
Населяющие горы,
Резвящиеся на приволье
В лесах, у ручьёв. Озёра
И водопады.
Скал неприступных громады.
Туманы,
Они inferнальны.

Обманы?
Нет, это реальность!
Всей жизни моей туманы сгустились,
Меня окружили,
Меня заманили,
Очаровали.
Грохочущие водопады,
Брызг прозрачные стены.
Танцевали
Воспоминания в белой пене.
А Хулдра пела,
В рыжем платье,
И исчезала.
Пена блестела
В горных объятьях,
Хулдра волосы рыжие по ветру распускала.
Могучи
Горные кручи.
На них вдруг дома,
Далеко друг от друга стоящие,
Мокрые скалы, капли звенящие,
Только семейным считают здесь счастье.
Зимой дома деревянные утопают в снегу.
В прошлом сама
В курточке странной на лыжах с тобой бегу,
В курточке замшевой, рыжей,
В шапочке красной, на лыжах.
А ты — волк белый,
Такие в Норвегии на самом севере.
Коровы тучные
На лугах
Козочки с рогами кру́чеными.
И летом не тают снега
На вершинах.
Мхи и камни в долинах.
Тёмная синева озёр
В отблесках августовской белой ночи.
Трав мягкий ковёр.
Горнолыжные трассы кажутся короче
Летом,
Но всё так же головокружительны.
Под светом
Камина белый рояль восхитителен

В горном отеле.
В креслах мехом согрелись.

6.11.2012. Утро.

Хандангер — фьорд и Согни — фьорд,
Фломбана, Твиндефоссен.
И ветер только норд.
Гольфстрим всегда тепло приносит.
Фломбана верикальна,
Фломбана виртуозна.
Над пропастью, казалось, фатальной,
Стремительно проносит
Поезд. И всё реально. И всё астрально.
Захватывает дух. Вискозный
Шарфик на ветру.
В горах прохладно поутру.
Так бодро, чисто и свежо,
Прозрачно, ясно, строго и нежно ,
Угрюмо, мрачновато чуть,
Серьёзно. И викинги открыли путь
По разным странам.
Невероятно храбрые, и великаны.
Но фьорды! Тихо плещется вода.
Так глубоко. Легко
Плывёт корабль. А небо низко.

И тогда

Я понимаю: тролли близко.
Они в ущельях, меж деревьев
Плутают.
Их напев
Смущает.
Путают следы,
Высовываются из-за цветов и из воды,
Размера разного и вида.
Но наш корабль там, где рыба,
Плывёт меж высоченных скальных глыб,
А тролль один на берегу надел пиджак из твида.

7.11.2012. Утро

Но... Пер Гюнт. И Сольвейг.
Генрик Ибсен. Григ.
И над водой стальной и серой повеяло
Теплом любви. «Крик» -

Картина Мунка в Осло.
Три девушки рыжеволосые.
И шляпка на одной. И мост.
И в водах отразилась луна,
Желта, кругла, как точка,
Она грустит, полна
Девичьих заморочек.
Мечтанья белой августовской ночи.

8-11.11. 2012. Утро

Королева Датская

Да — ни — я,
Та - ни — я,
Да — на — я,
До - жди.
Жди — не жди...
Маргарет.
Тёмно-синие оборки, креп-жоржет,
Шорты белые.
Небо серое.
Золочёных рам багет.

Воздух августовский чуть согрет.

Королевская корона.
Мона.
Платья бордовые королев.
Златокудрый лев,
Шёлковая львица.
Дании столица.

21.11.12, вечер

Плывём из Осло в Копенгаген.
Огромен наш паром.
И белый крест на красном флаге.
Осло-фьорд, излом
Канала. Какое расстояние на лаге?
Жёсткий холм,
Где летом климат тёпл и мягок.

Темнеет. И серебристых волн,
Луны и звёзд уж наступает магия.

Бассейн, и наша палуба,
Этаж десятый. Холодный
Ветер, но подогретая вода так голуба.
Маяк на Фьордере.
Купаемся и мокрые скорей
Бежим в каюту.
На побережии маяк Хёттербергет.
Встречающий писателей, художников уютом,
Красотой, там город Скаген.
Он самый северный
В Европе, в Дании.
Паром бесшумно и уверенно
Плывёт в скрывающийся в н очи Копенгаген.

И проплывая шведский Гётеборг,
Уже мы спали.
На рассвете просним и крепость Варберг
На неприступных скалах.
Но вот уже светло и видим замок
Кронборг вдалеке и в дымке рассветных рос.
Шекспира Гамлет.
«Быть или не быть?» - вот в чём вопрос.

А дальше замок Хельсинборг.
Он датский или шведский?
Какой из сливок взбитых, фруктов торт
Мы ели на пароме в этих королевствах!

И в ресторане «7 морей»
И устрицы, и мидии.
Дул северный Борей.
И вот уж Копенгаген виден.

Монархия старейшая
В мире — Дания.
На берегу современнойши
Здания.
Дождливо-пасмурное очарование.

Ноябрь, 2012

МИШЕНЬКА

Операционные швы сняли через две недели, и Гвоздик уже довольно сносно сжимал пальцы в кулак. Хотя никакой силы в руке, конечно, ещё не было.

Кроме того, очень трудно оказалось сгибать и разгибать руку в локте, — боль была такая, что зеленело в глазах, и сами собой наворачивались слёзы.

Чтобы проделывать эти нехитрые движения, он уходил в самый конец госпитального коридора, — подальше от чужих глаз. Там сиделся на широкий подоконник, и сгибал локоть, сжимал и разжимал кулак, — столько раз чередуя эти упражнения, насколько сил хватало.

Однажды дверь в палату тихонько приоткрылась, — что само по себе было удивительно, — обычно она распахивалась на всю ширину. Вошёл худенький, светловолосый паренёк очень странного вида. Даже по сравнению с другими, в основном девятнадцатилетними, он выглядел совсем ещё мальчишкой. Встретишь такого на улице, — никак не дашь больше пятнадцати. На его громадной, не по росту, госпитальной робе, красовались всевозможные значки, — комсомольский, два бегунка «Воин-спортсмен», — зелёный и красный, «Специалист третьего класса». А выше всего этого иконостаса был накрепко привинчен новенький орден «Красной звезды».

— Здравствуйте, мальчики! — произнёс он ясным, чистым голосом. — Меня зовут Мишенька.

— И как таких детей только в армию берут!? — сердито буркнул непонятно чем раздосадованный раненый десантник Федя. На него моментально зашикали, — даже кто-то с дальней койки бросил в его сторону костыль, потому что Мишеньку-блаженного знали все. Он был местной госпитальной достопримечательностью.

— Не ссорьтесь, мальчики! — продолжал Мишенька. — Всё у вас будет хорошо, и скоро вы поедете домой! Я вам сейчас спою дембельскую!..

Немало повидали, немало пережили,
Два полных года Родине
Мы с честью отслужили.
Нас солнце жгло нещадно,
Мы грудью снег пахали,

Но на судьбу солдата
Напрасно не роптали.

— Но даже на припев не хватило Мишеньки, — он начал мучительно заикаться, — так, что только судорожно всхлипывал, — и всё повторял: Домой... Домой... Мне здесь жарко!..

Случившаяся поблизости нянечка обняла его за острые плечи, и увела куда-то.

До настоящей своей войны он когда-то так и не доехал: камаз, который Мишенька первый раз в жизни вёл через перевал, подорвался на мощном итальянском фугасе. Когда его извлекли из покорёженной кабины, то решили, что он мёртв. И только случайно уловили слабое, нитевидное биение пульса. Вертушка доставила Мишеньку в госпиталь, где он целых четырнадцать дней не приходил в сознание, — настолько тяжелой оказалась контузия. Но он выкарабкался, хотя ни память, ни рассудок к нему так полностью и не вернулись.

Сначала его не отправляли в Союз, потому что опасались: контуженная голова не выдержит взлёта-посадки, и дело кончится кровоизлиянием в мозг.

А потом он как-то сам собой прижился в госпитале, и отправлять его уже не торопились, жалели. Мишенька был детдомовским, поэтому возвращаться-то ему особо было некуда, да никто и не ждал его. Уже шестой месяц жил он в госпитале. Здесь дождался даже своего ордена. Специально, — по такому случаю, — приезжали его командир батальона и замполит, вручили Мишеньке бордовую коробочку. Сказали какие-то дежурные слова, а Мишенька, казалось, толком и не понимал, что происходит, — только вздрагивал и смотрел на них испуганно. Офицеры помялись, потоптались, выпили спирта с дежурным врачом и уехали. А Мишенька остался. Ушёл на свою койку, долго возился там и что-то бормотал. После этого он и появился с орденом и значками на пижаме. И с тех пор всегда ходил так по палатам, всем обещал скорое возвращение домой и пел единственный куплет дембельской песни.

На другой день Мишенька остановился в коридоре, недалеко от окна, и долго наблюдал за тем, как Гвоздик делает свои упражнения. Этот пристальный, словно остановившийся взгляд Мишеньки раздражал его, и он, не удержавшись, зло прошипел сквозь сжатые от напряжения зубы — «Слышь, отвали! Чего уставился?»

Мишенька даже отшатнулся, словно его толкнули в грудь, сглотнул слюну и часто задышал. Казалось, что он вот-вот заплачет. Но не заплакал, просто повернулся, и медленно, шаркающей походкой побрёл в палату.

А он, натрудив руку до надоедливой тянущей боли, вернулся к себе, лёг на койку и в какой-то момент провалился в тяжёлый сон. И сразу же увидел себя у дороги: непонятно почему, лежал на обочине, — может быть, раненый, — а мимо в клубах пыли и металлическом лязге двигалась колонна. Он слышал треск и выхлопы, видел, как проходят танки, бэтээры, отчётливо различал солдат, сидящих на броне. Тут его охватил панический страх, — страх, что они его не заметят, проедут мимо. Хотел позвать, окликнуть: «Братцы, заберите меня!», но голоса не было, и во рту так пересохло, что распухший язык прилип к нёбу. И вдруг он почувствовал, — не увидел, — всей незащищённой спиной своей почувствовал чужой взгляд. Повернул голову — дух! Стоит на склоне с автоматом наизготовку, смотрит на него. Враз обессиленный жутким сознанием непоправимости случившегося, он, как лежал, так снизу вверх и смотрел на духа, а мысль металась лихорадочно. Вот ведь только что все ещё было совсем по-другому, а теперь уже ничего не изменишь! Дух, морща лицо в едкой усмешке, нажал на спусковой крючок. «Бакшиш, шурави!» — гулко, как эхо, отдалось в ушах. Это была смерть, — он понял сразу, и уже не мог оторвать взгляд от брызжущего в него огня. Потом сердце полетело в бездну, он дернулся, вскрикнул и проснулся. Лежал, вздрагивая от толчков крови, еще до конца не веря, что жив. Почему во сне всегда так страшно бывает? Ни разу в бою не было ему так страшно, как приснится потом.

И тут только он заметил, что в ногах его койки, едва различимый в полумраке палаты, сидит человек. Виден худой профиль, сутулая спина и тонкая шея. Он широко открыл глаза и разом сел.

— Тьфу ты, чёрт!.. Мишенька!

— Здравствуй, Гвоздик! — проговорил тот негромко. Это было удивительно, потому что ко всем обычно Мишенька обращался «мальчики». — Ты сильно кричал сейчас. Звал кого-то?

— Я? Да... То есть, нет... Просто чепуха разная снилась...

— Гвоздик, скажи, у тебя девушка есть?

— Вроде... — Он даже оторопел от неожиданного вопроса. — Или была... Асей зовут... Раньше, в Мелитополе.

— Есть фотокарточка?

Он, ещё не стряхнув остатки сна, машинально пошарил в тумбочке, отыскал свой потрёпанный блокнот. Вынул маленький твёрдый прямоугольничек фотобумаги 3x4, передал Мишеньке. Тот бережно взял фотографию за уголок, — как филателист берёт пинцетом редкую марку, — повернул к тусклому свету, долго и внимательно рассматривал.

— Красивая...

— А у тебя, Миша?

— Что?

— У тебя есть девушка?

— Я не помню... — Мишенька вздохнул горестно и уронил руки. — Я ведь вообще мало что помню. Вот я Миша, фамилия моя Полухин, родом из деревни Полухино. Это Вологодская область, Грязовецкий район... Я в районном детдоме вырос, фамилию дали по названию деревни... И... и... — Мишенька начал заикаться, и взрыв фугаса, нанёсший контузию его щуплому мальчишескому телу, долетел вдруг сюда — остро пахнуло гарью и болью.

— И то не знаю, сам я всё это помню, или мне уже потом, здесь рассказали...

Мишенька встряхнул головой, словно отгоняя тяжёлые мысли, и вытащив из бездонного пижамного кармана какое-то затёртое до желтоватого блеска серенькое резиновое кольцо, положил ему на одеяло.

— Возьми его себе, Гвоздик!

— Что это, Миша? — спросил он удивлённо.

— А вот... Слова-то я и не помню... Э... э... Вот лучше дай мне руку!

Всё с тем же изумлением он протянул правую руку, и чуть не вскрикнул: хватка у худенького паренька оказалась железной. Вот тебе и Мишенька-блаженный!

— Я... я каждый день т... тренировался. Этой штукой... э... э...

— Эспандер! Я понял, Миша! — Кистевой эспандер! Ну, спасибо тебе, земляк!

— Да н... н... не за что. Видишь, Гвоздик, как всё хорошо получилось? И всё обязательно будет хорошо, скоро ты поедешь домой... Хочешь, спую тебе дембельскую?..

Лето

Если в лес июньский выйдешь
с первым солнечным лучом,
поклонись — в траве увидишь
землянику под листом.
Затаись — в ветвях услышишь
хор из птичьих голосов.
Вдруг солист взлетел повыше,
ноту взял и был таков!

Ветер, птичьим песням вторя,
шелестит листвою берёз.
Ждёт под ёлкой гриб, который
для тебя, наверно, рос.
На ромашковой опушке
соберёшь большой букет.
И ещё тебе кукушка
накукует сотню лет!

А потом найдёшь солиста
в книжке — жёлто-золотой,
с нежным, словно флейта, свистом,
пел тебе артист лесной!
Вспомнится зимой морозной
ветра с иволгой дуэт,
земляника под берёзой,
гриб и солнечный рассвет!

Август

Отцветают зверобой и клевер,
закраснели грозди у рябин.
Значит скоро бесшабашный север
сдует лето с солнечных равнин,
понагонит серые, седые,
с сыростью тяжёлой, облака.
Заметелят листья золотые

над землёй осенней. Но пока
есть ещё у нас остаток лета.
Может даже, с бабьим повезёт.
Допоётся всё, что не допето,
что с надеждой ждём, произойдёт.

* * *

По осеннему лесу, по листве облетелой,
где нагие деревья стоят без прикрас,
бродит поздняя осень. И какое ей дело,
что без бабьего лета оставила нас!

Красотой неземной не дала насладиться,
раньше срока с ветрами натешилась всласть,
полила дождевой, не жалея, водицей,
превращая красу в почерневшую грязь.

Нам бы солнечных дней! Пусть немного хотя бы!
Вдоль дорог — с золотисто-шуршащей листвой!
Мы до мозга костей городские. Но бабы!
И тоскливо без бабьего лета, хоть вой!

Волки

Глухая ночь. Луною озарён
тамбовский лес. Заснеженные ёлки.
На вырубку сошлись со всех сторон
тамбовские взъярившиеся волки.
Вожак матёр и зол. Тяжёлый взгляд
окинул все собравшиеся стаи.
— Братва! — сказал — Нам нет пути назад!
Сплотимся и с рассветом выступаем!
Под Брянском у волков сытной обед,
есть кабаны, косули и лосята!
Делиться с нами им резона нет,
но ведь и мы не робкие ребята!
Речь вожака одобрила братва,
кто — жутким воем, кто — рычаньем грозным.
Когда восток затеплился едва,
день обещающая ясный и морозный,
из предрассветных сумерек лесных
потокотом серым потекла густая
волков тамбовских, озверело-злых,

голодная бесчисленная стая.
На Брянский лес нахлынули бедой!
И логова с потомством защищая,
сомкнулись волки брянские стеной,
клыками острыми налётчиков встречая!
Что началось! Летит клоками шерсть
и вырванные с мясом клочья шкуры!
У тех и у других не счесть потерь —
жертв беспощадно-яростной природы!
Как страшно снег в лесу кроваво-ал!
Ужасны окровавленные морды,
клыков свирепых боевой оскал
в рычании убийц победно-гордом!

Проснуться и стряхнуть кошмарный сон
из волчьей жизни. Что возьмёшь с них — звери!
Но у людей ещё страшней потери,
Где РАЗУМ — волчий вытеснил закон!

Дарья СОЛДАТЕНКОВА

Боровичи

В городе идти по горбатым мощным дорогам,
Идти и вслушиваться в обрывки фраз родного языка,
Словно в шум, привычный для слуха — дождь и ветер,
И обратить внимание на
Бесконечно повторенное движение стаи
Птиц над крышами и головами.

На мосту, опершись локтями
О стертые до кости перила,
Заворожено глядеть вниз, где всегда
Под будничным серо-лиловым покровом
Загадочным глазом дикого зверя
Мерцает река.

В округе, в лесах и болотах,
Когда-то страшная смерть кричала. —
С тех пор могилы залегли
В корнях осоки, елей и осин карминных. —
И мученики освящают город —
И смех детей, и птичий свист, и осень...

Вереницы домов времен ампира
В землю вросли до самых окон.
На их перилах - стертые печати теплых рук. —
Повсюду здесь следы несметных поколений, —
И город дышит их дыханьем просветленным,
В жемчужном узелке души своей хранит.

Холод

Одинокий. Падший.
Куда и откуда
Спешешь?
— Изморозью в травах лежать,
В ладонях сжимая сталь
Мерзлых осок.

— По каменистому дну своему
Водой ледяной бежать
Цвета мятежного дня.
— Лавровым разрезом глаз листвы
Коситься зеленым вопросом?
Ответом?
— Ветром ветреного человека обнять
Волной театральной любви —
Тоски?
— Беркутом воздух гладить,
В зеркальной линзе склоняясь над картой
Неотвратимых причин и следствий, —
— Слушать музыку низких частот,
Плывущую из-за предела.
Или из сердца?
— Умереть? Отогреться?
Живую обитель найти?
Одинокий. Падший.
Куда и откуда ветер в тебе
Гонит и гонит тебя?

«О се-си-бо»

Светлой памяти подруги Ирины.

...и о любви —
Никто не знал, что мы
В последний раз идем
По краешку весны...
От Цветного бульвара направо,
по переулкам, и они
Распахивали нам свои
Солнечные веера.
Мы молчали.
Нас хлестали лучи
Заходящего солнца,
И сияли в окнах напротив,
Наполняя весной до краев.
«О сесибо!»
Ты была в своих
Невообразимых шарфиках
И сафьяновых сапожках...

Я шла размашистой походкой
И пела про себя
«О сесибо»,-
И последние льдинки
Тихо звенели
От наших шагов.
Я думала, что под ногами
следы, оставленные
Моим отцом в шестидесятых —
«О сесибо!»
Наша молодость
Захлопнула за нами двери.-
Ты была не из этого мира -
Ты ушла навсегда.
И только ветер теперь бросает
И несет куда-то по тротуарам
Поломанные ветки...
Я тебя вспоминаю,
И нашу прогулку.-
«О сесибо»...

Августе

моей бабушке А. М. Коршановой

Сизая струйка дыма тянется вдоль реки.
Ивы, тонкие ивы рассыпали листья свои.
Августы голос со мной остался,
Как этой осени боль и прозрачность.
Остались клекот птичий и перезвоны,
На даче чай, треск дров в печи и шум березы,
Шуршанье трав сухих в лугах у пруда,
В синей воде стоят растения на грани чуда.
В ней гаснет солнце и Коломны играет отблеск.
О, золотые колокольни на горизонте!
В сердце лежит тяжелый камень – воды студеность.
И это тоже мне подарок и просветленность.

Гравюра

Гравюра ветхая вуалью сумерек касается меня.
Пять взглядов в ряд из-под беретов темных
По-разному глядят средневековьем —
Насмешливо, надменно, строго,
Влюблено и светло по-детски.

Век держит крест в руке и крестное знамение творит
В очерченных монахом сводах мира.
И уголья и солнце витражей, растерты пестиком
В фарфоре синем и влиты в краску осени;
Наполненной шипами трав сухих,
Органых вздохов и костров в просторах,
Простертых тонким кружевом кустов
И ив коричневых и дымных в кайме дыханья сумерек.
Терновые готические знаки
Нам каждой осенью природа преподносит
Пространствами с рекой и аргомантом
Серебряно-коричневых деревьев,
Пергаментом листвы, укывшей путь.
Гравюра пожелтела в старой книге —
Портрет Корнелия ван Амстеля среди изображенных.
Он смотрит сквозь меня. И осень позади.
Гравюры как снега ложатся на листы,
И ноты на бумаге вьются снежной вьюгой,
И сучья с тряпками уже колышет ветер
На полотне голландца у пруда, закованного льдом,
И под коньком звучащего сквозь ветви и фигуры.

Ушедшая цивилизация

За крепкой вороньей костью,
Где забытого сфинкса долгий взгляд лежит,
Скалистую твердь тяжелым вздохом
Проложило ущелье души.
И навстречу этому взгляду
Из-под веера павших хвой
Посмотрел агатовым взглядом
Ручей, говорящий с собой.
Сквозными сводами дуба
Одетое, время шумело,
И пела жемчужная птица...
В желтом стрелчатом свете
Орнамент чертополоха
Рисовал окрыленный ветер;
Ущелье вечернее метило
Тело вишневых глин
Трилистником сонного ириса
И морской долькой дельфина.
Ворошил одинокий ветер в ущелье
Огненные бабочки,

Зеленые камушки,
Птичьи перья.
Пепел веял по серым травам
И пела жемчужная птица...

Родилась в Москве. Первые впечатления связаны с прогулками с родителями в Кремль смотреть царь-пушку и царь-колокол и с походами в зоопарк кататься на пони. Закончила школу и кафедру этнографии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. С детства ездила с мамой-археологом в экспедиции, а во время учебы в МГУ — в этнографические — в Среднюю Азию.

Всю жизнь проработала в музее-заповеднике «Царицыно» научным сотрудником — хранителем. Писать стихи начала с детства. Есть публикации в коллективных сборниках.

Анна Ахматова

Испанский гребень в чёрных волосах,
Короткой чёлки вороно крыло.
И зеркало, что отражало страх,
Когда ко мне прощание пришло.
Ты обнял плечи, кружевная шаль
Касалась нежно поднятой руки...
И каждое мгновенье было жаль,
А сердце бунтовало от тоски...

Калитка скрипнула, неверные шаги...
Ушёл, сказав: « Не мёрзни на ветру...»
Я прошептала: «Память сбереги...
И возвращайся к нашему костру...»
Не пишется, отброшено перо,
Листок бумаги, будто белый снег.
Светает... Утро... Рано рассвело...
Минутной стрелки учащённый бег.

Чуть зазвенит холодное стекло,
Знакомым отраженьем силуэт...
Как странно, вдохновение пришло,
И строки падают на белый снег... листа...

27.10.2015 г.

Снегири

На кружева крещенского мороза
Слетела стайка красногрудых птиц.
В кристальном инее застыли слёзы,
Все ветки опустили крылья вниз.
Как ангелы, с небес перелетая,
И символы предутренней зари.
На нас порошей сказку осыпая,
Любовью околдуют снегири.

Рябиновыми гроздьями на белом,
Святую красоту преподнесли.
В притихшем вальсе, нежном и несмелом,
Ведут нас за собою снегири.
Пусть этот зимний сон подольше длится,
Как весточка из солнечной дали.
Сидят на белых инея ресницах
В хрустальном царстве счастья снегири.

Встреча

Февральская метель стегает плетью,
Швыряя в окна снежную крупой.
Туман устало очень плотной сетью
Вновь спрятал фонари в свой не покой.

Нам так тепло у жаркого камина,
Трещат дрова, и свечи зажжены,
А сердце предвкушением томимо
Чудесной встречи в чарах тишины.

Играет нежно музыка Леграна,
И на плече моём твоя рука...
Ты так прекрасна, солнечна, желанна,
А от шампанского пьяна слегка.

Притихли туфли, греясь у камина.
Застыло платье в кресле... Мы вдвоём.
И нитка янтаря из бус старинных
С груди сорвалась солнечным дождём...

Осень в городе

Осень — вязь сердолика и дымка опала,
Инея кружевница утром лужи сковала.
Вновь октябрьского ветра распоясался отрок,
А рассвет на востоке хладен, весел и бодрок.

Грозных туч аметисты, как тайные люстры повисли,
Пешеходы скрывают печальные, грустные мысли.
И зонтов купола разноцветным над городом роём...
Капли бьются в стекло: всех намочим, почистим, отмоем.

По дорогам машин проплывает весёлая свора,
Ветер капли бросает прохожим на зонт и за ворот.
И грустя фонари, ловят в лужах часть лунного блика.
Осень — дымка опала и тонкая вязь сердолика...

Белла

Слова нанизаны на чётки строф
Жемчужной россыпью, алмазной гранью.
Плетутся кружевные нити слов,
Соскальзывая в бездну мироздания.
Иль забираясь в высоту веков,
Здесь находя достойное признание.
То глубина возвышенных стихов,
То Беллы Ахмадулиной страданье.

Платок и шляпка, голос чуть дрожит...
Высок полёт той лебединой шеи.
И долго-долго каждый звук звенит,
И колокольчик этот души греет.
Не поэтесса, истинный поэт,
Там на орбите твоё кружит имя...
Читаешь строки, и не гаснет свет,
Стихами растревоженный твоими...

24.12.14 г.

Сергей Есенин

Сергей Есенин — Божья дудка —
России солнечный поэт!
Твоих стихов тот негасимый свет,
Звенит, звенит в них каждая минутка.

В кружении слов такая глубина,
Такая боль, величие и сила.
На крыльях ангелов судьба тебя носила,
Но ждал своих мгновений Сатана...

Лесов рязанских златокудрый Лель,
Твой голос вольный, страстный и мятежный.
Как птица-тройка по России снежной
Звенит бубенчиков есенинская трель!

ТАМ, В АМЕРИКЕ

1. Ветреный город

Кто не хочет побывать в Америке? Я там был!

Когда начались лихие девяностые, младшая дочка Настя закончила медицинское училище. Устроили её на работу фельдшером в Скорую помощь. Сутки через двое.

— Папа, я почти всегда работаю одна, без врача, — рассказывала она. — Среди ночи тащишься на вызов по темной лестнице, а там все пьяные. Страшно. И каждый день приходится мыть салон машины от крови...

Мы же помним это время. Какие были цены. И какие деньги платили. Свою первую получку Настя не донесла до дома. Она купила копченый язык, который всегда мечтала попробовать. Такой, в вакуумной упаковке.

Настя дружила со своей ровесницей американкой Стефани, которая приехала в Россию на практику по русскому языку. Она предложила Насте поехать в Америку:

— Пойдем в консульство, я напишу приглашение.

— Ой, спасибо... Но у меня даже нет загранпаспорта. Давай сходим позже.

— Позже не получится, я скоро уезжаю. Пойдем сделаем приглашение, а визу получишь потом, когда будет паспорт...

В консульство поехали с утра, отстояли большую очередь. Сотрудник консульства, доброжелательный и строгий, долго беседовал с девушками и оформил Насте приглашение.

Настя проработала на Скорой целый год. Хорошо получались уколы в вену. Как-то она везла умирающую бабушку. Если бы та скончалась в пути, то потом целый день пришлось бы потратить на разбирательство. Настя понимала, что спасти её может только инъекция в вену. Совсем помирала бедная старушка. И врача рядом не было. И машину трясло на ухабах. Воткнула иглу в дряблую руку... и... ура!.. — попала в вену. Сдала-таки её в приемный покой живой.

Коллеги хорошо относились к Насте. За её доброжелательность, исполнительность, трудолюбие. Но потом отношение изменилось. Начались досадные придирки.

— Папа, как-то мы работали с опытной врачихой, — рассказала Настя, — и не смогли помочь пожилой женщине. Умерла она. Тут врачиха стала рыскать по квартире и нашла конверт с деньгами. Покойная явно отложила их на похороны. Половину денег врачиха взяла себе, а половину предложила мне. Ты можешь представить себе мою реакцию? От неожиданности я отправила её на три буквы. Ты же знаешь, как я могу ругаться. Я хотела даже применить к ней приём дзю-до...

— Да... ты могла бы её покалечить.

— С того случая меня и невзлюбили в коллективе. Думали, что я её заложу. Тот ещё коллектив... Хочу в Америку...

Наконец, Настя получила загранпаспорт и рано утром заняла очередь в американское консульство. Люди знают всё. В очереди она узнала, какие задают вопросы и как на них правильно отвечать. Что визы получают не более, чем пять или семь человек в день. Что молодых незамужних девушек не пропускают совсем. И что ответ будет известен только в конце дня, когда выдадут паспорта...

Так получилось, что Настя попала к тому же строгому и доброжелательному сотруднику консульства, который недавно оформлял ей приглашение Стефани. Пару незначительных вопросов, томительное ожидание, и паспорт с визой получен!

В тот же вечер удалось занять деньги на билет.

В июне 1993 года Настя рейсом «Аэрофлота» улетела в Чикаго, но не прямиком, а через Москву, потому что других рейсов тогда не было. Жизнь открыла новую, незнакомую страницу!..

В эмигрантской среде есть люди, которые помогают вновь приехавшим. Ростислав и Любовь Дьяконовы, они приехали в Штаты давно, приютили нашу Настю. Эти одинокие очень пожилые и милые люди дали Насте крышу над головой, но нельзя было злоупотреблять гостеприимством и рассчитывать на большее.

Не зная языка, не имея связей, Настя могла претендовать только на уборку богатых домов. Работала с утра до вечера. А беспорядок в домах был страшный. И хозяйки придирчивые. Но надо было зарабатывать деньги на пропитание и отдавать долг за билет. Как-то Настя позвонила и сказала:

— Мама, я к вечеру так устаю, что не могу очистить апельсин... Может быть, мне вернуться?..

— Знаешь, Настя, — вынуждена была ответить мама. — У тебя пальцы не могут очистить апельсин, а у нас нету денег, чтобы апельсин купить... Мы скучаем, волнуемся за тебя, рады были бы, чтобы ты приехала... Но... Сиди уж там...

По воскресениям Настя вместе с Дьяконовыми ходила в православную церковь. Это было традиционное место встреч и общения

выходцев из России. Там она познакомилась с Антоном, выпускником Ленинградского Кораблестроительного института. В настроении Насти произошел перелом.

Нужно было возвращаться к медицинской специальности. Сначала Настю взяли диспетчером по записи пациентов на приём к врачам. По телефону. Суровая жизненная необходимость заставила справиться с этой работой. После этого проблем с английским языком у неё не стало.

Настя уже не жила у старичков Дьяконовых. Они с Антоном сняли комнату.

Появилась возможность купить машину. Это была зелёнькая трех-дверная «Тоёта-Селена» выпуска середины 80-х годов. Водительское удостоверение Настя получила ещё в Ленинграде, поэтому она сдала экзамен и ей выдали права штата Иллинойс.

Настя устроилась работать процедурной медсестрой по взятию крови на анализ. Здесь пригодился её навык внутривенных инъекций. В Чикаго исследования крови проводят в едином центре. Медсестра навещает клиентов дома и забирает кровь, из вены.

В четыре часа утра Настя выехала на работу. В городе было пусто. Тишина. Ни машин, ни людей. И вдруг... сзади появился полицейский на машине и потребовал остановиться. Полицейские в Америке всегда ездят по одному и выполняют как функции охраны, так и автоинспекции.

— Мадам, предъявите документы... Что случилось, почему вы ездите ночью? — поинтересовался полицейский.

Настя объяснила, что едет на работу. Полицейский улыбнулся и пожелал удачи. Впоследствии Настя часто встречала этого полицейского, они обменивались приветствиями.

Вскоре Настя и Антон обвенчались. В том же храме, где познакомились. На неделю съездили на машине в штат Флорида, купались в океане. Позже на денек съездили полюбоваться Ниагарским водопадом. Все остальное время работали, работали...

Антон казался перспективным мужем. Он работал в серьезной фирме, которая направила его на учебу для повышения квалификации, за счет фирмы.

Потом произошло непредвиденное. Как-то они ехали по автобану на высокой скорости. За рулем был Антон. Они приближались к стоящим в заторе машинам. Но Антон и не думал тормозить. Настя закричала, но было поздно. Последовал страшный удар...

Настя очнулась в госпитале. Без сознания она находилась более шести часов. Страшно болела голова. Но, несмотря на это, её через сутки выписали. Такой там порядок.

Антон тоже долго был без сознания. Позже он оправдывался:

— Настя, я совершенно не видел этих машин... И вообще, у меня такое чувство, будто меня постоянно кто-то преследует...

Это был нехороший симптом. А потом обнаружили и другие особенности его характера.

В декабре 1995 года Настя родила сына. Назвали его по церковному календарю Даниил. Дая. Дэн — это по-английски. Крестили в православном храме. Любовь Дьяконова стала крестной.

Тут возникла серьезная проблема. За рождение Дани и за двое суток пребывания Насти в больнице, а дольше там рожениц не держат, прислали счет на сумму \$9500. Дорогой получился мальчик. Настя стала выяснять. Сначала предложили, что дадут рассрочку и надо будет платить по \$1 в месяц. Потом нашли какой-то благотворительный фонд, который оплатил всю сумму.

Антон уволился с работы. Он ничего не делал, целыми днями сидел дома, пил пиво и смотрел телевизор. «Я так хочу, я так люблю, я так привык». Вот и весь сказ. Насте приходилось работать, вести хозяйство и смотреть за ребенком. Долго это продолжаться не могло. Вскоре Настя переправила Даню к нам в Россию и разошлась с Антоном. Некоторое время снова жила у Дьяконовых, потом сняла комнату. Продолжала работать в службе крови.

Соседом по квартире оказался Виктор, ровесник Насти, тоже эмигрировавший из Санкт-Петербурга. Жили они на соседних улицах, а встретились в Чикаго. Сначала не обращали друг на друга внимания, потом молодость взяла своё. У Виктора была бригада строителей, все необходимые лицензии и разрешения. Они ремонтировали квартиры и строили небольшие дома.

У Дьяконовых был доставшийся им по наследству дом, который они сдавали. Дом требовал ремонта, и они за небольшую цену продали его Насте. Как подарок крестному, чтобы Дане всегда было где жить. Виктор отремонтировал дом. Жили внизу, а второй этаж сдавали.

Дане исполнилось три года, когда Настя забрала его из России. Малыш был бойким и способным. Он с помощью бабушки выучил по-русски несколько стихотворений, в том числе Пушкина «У лукоморья дуб зеленый...». При этом вместо слов «...здесь русский дух, здесь Русью пахнет...» заучил «...здесь русский дух, здесь русским пахнет...». И никак его было не переубедить. Если забывал какое-нибудь слово, то подбирал другое, подобное по смыслу. По-русски говорил очень хорошо, но английского не знал совсем. Из-за этого испытал шок, когда пошел в Чикаго в детский сад.

Выяснилось, что Насте могут признать диплом о медицинском образовании, полученном в России. Но понятия «фельдшер» в Америке нет. Пришлось делать запрос в Медицинское училище в Петербурге и выяснять подробности учебной программы. В конце концов диплом

был признан, но... для получения квалификации медсестры (nurse) необходимо было сдать экзамен. Порядок простой. Компьютер задает вопросы, предлагает варианты ответов и фиксирует время, затраченное на ответ. Вопросов очень много, экзамен длится несколько часов. Результат приходит по почте. Если экзамен не сдан, то повторная сдача разрешается только через несколько месяцев. Серьезное это дело.

Настя перешла на другую работу, стала ухаживать за стариками на дому. Одновременно зубрила американскую медицину. Училась быстро отвечать на вопросы компьютера. Никак не могла сдать экзамен.

В то время в Америке происходил строительный бум. Без согласования с Настей Виктор продал их дом, который надо было постоянно ремонтировать, и купил Насте в кредит на 25 лет квартиру в строящемся доме и на двоих с компаньоном, которого звали Джак, участок земли с полуразвалившимся домиком в тихом престижном районе Чикаго. Задумка Виктора была простая. Взять кредит, построить на этом месте новый красивый трехэтажный дом и перепродать его втридорога. Деньги пустить на новый проект. Одним словом, бизнесмен... американский...

Но где-то надо было жить, пока строили квартиру. Виктор на скорую руку отремонтировал купленный домик, куда они и переехали. Из большого дома в маленький. Представьте настроение Насти!..

Здесь Даня пошел в школу. Район элитный, школа хорошая.

В Америке дети учатся в начальной школе (grade-school) с первого по четвертый класс, в средней школе (grammar-school) с пятого по восьмой класс и в высшей школе (high-school) с девятого по двенадцатый класс. Все школы бесплатные. Высшая школа одна на район. В первый класс дети идут в шестилетнем возрасте. Занятия начинаются не с 1 сентября, а числа с 20-го августа. Школы располагаются в разных зданиях, поэтому дети по возрасту не пересекаются в одной школе. Вход посторонних, в том числе родителей, категорически запрещен.

По программе объединения семей Настя оформила мне право на получение зеленой карты, которая позволяла жить и работать в Америке.

Для получения визы и комплекта соответствующих документов пришлось съездить в Москву в американское посольство...

06.06.2006 года я впервые прилетел в Чикаго.

В терминале аэропорта длиннющий подземный переход привёл меня к паспортному контролю. Здесь было более сорока постов контроля, в зале змейёй вился ограниченный лентами проход, по которому двигались пассажиры. Очередь шла быстро, в конце прохода служащая направляла людей к свободному посту. В помещении было довольно прохладно.

Первая встреча с представителями американской власти. Меня идентифицировали по отпечатку указательного пальца правой руки. После этого отвели к другому инспектору, который проверил документы, и... пустил в Америку!

— Все в порядке, сэр, проходите. Зеленую карту Вам пришлют по почте.

Понимать, что мне говорят американцы, было проблемой. Но как-то понимал. И изъяснять, что надо мне, тоже получалось. Я знал язык в категории «английский со словарем», как всегда отвечал на этот вопрос в анкетах.

В зале получения багажа, где больше десятка транспортёров и много людей, я нашел свои чемоданы и чуть не наступил на черного французского бульдога с приплюснутой мордой, которого водила на поводке невысокая плотно обтянутая ремнями полицейша в красивой черной униформе. Собака шустро обнюхивала пассажиров и их багаж. Вероятно, в поисках наркотиков.

По зеленому коридору я прошел к выходу.

— Папа! Пошли скорей, мы сегодня едем в гости. К Олегу, благодаря которому ты попал в Америку. Он работает в банке, богатый, дал за тебя финансовое поручительство. Даня и Витя ждут дома, — Настя вся светилась от счастья, что я приехал. — Пока немного расскажу тебе про Чикаго. Его называют ветренный город, потому что с озера Мичиган постоянно дует ветер. Это большой, второй по величине город в Америке...

Был вечер, но солнце еще не зашло. Жарко, градусов тридцать, для Чикаго обычная летняя температура. Бывает и тридцать восемь.

На паркинге подошли к машине. Да, зелененькая «Тоёта-Селена».

— Папа, как ты долетел? Наверное, хочешь спать? Всю ночь провел в самолете, бедняга. Сейчас я быстро домчу, аэропорт Охаре — почти в центре города. Чикаго разделен на районы. Самый центр, где собраны все небоскребы, называется Чикаго-Чикаго. Или Даун Таун. Ближе к центру находится Скоки. Район АрлингтонХайтс дальше от города. Там наш домик, где мы жили, и школа, где учится Даня. Мы уже переехали в новую квартиру. Это в районе Палатайн, на границе с АрлингтонХайтс. Школу не стали менять, она хорошая. Я вожу Даню, доезжаем за десять минут. Мы не пользуемся школьным автобусом... Как дома?... Расскажи...

Настя болтала и ловко рулила по бетонированным улицам. Разметка хорошая, ширина ряда сантиметров на десять меньше, чем в России. Это заметно и непривычно. В городе очень много зелени — деревья, кусты, газоны, клумбы...

Приехали. Дом аккуратный, облицован декоративным кирпичом. Перед входом парковка на шесть машин. Дверь с кодовым замком.

В помещении прохладно, включен кондиционер. Тут ящики для почты. Везде очень чисто.

Загрузились в уютный, просторный лифт и поднялись на последний, шестой этаж. Здесь коридор, из которого вход в шесть квартир, в помещение мусоропровода и на лестницу. На полу ковровлин.

— Деду-у-ня!.. — Даня бросился мне на шею. Он большой стал, уже одиннадцатый год.

Витя высокий, уравновешенный, спортивный.

Быстро собрались и поехали к Олегу на машине Виктора, на новеньком серебристом «Лексусе». Стемнело. По обе стороны улиц за деревьями мелькали одно, двух, иногда трехэтажные дома, обязательно с гаражами. Огни рекламы, бензозаправки, многочисленные церкви. Повернули на площадку и остановились перед небольшим одноэтажным домиком.

— О-о-о... Наконец-то. Рад видеть вас, проходите, — Олег вышел встретить гостей. Улыбающийся, любезный. Широкое лицо, открытый взгляд серых глаз. Но... хромой. Передвигался быстро, ловко манипулируя ногой. — У нас гость, Саша. Он вчера прилетел с Украины. А завтра прилетает его жена Люба.

На заднем дворе на примыкающей к дому дощатой площадке был накрыт стол с выпивкой и простой закуской — овощами, сыром. Рядом газовая жаровня, в которой готовилось барбекю. Привлеченные светом фонаря, вокруг летали тучи мошки, бабочек, комаров, каких-то москитов. Кусачие такие.

Олег показал свой дом. Дверь с заднего двора двойная — одна стеклянная, другая с москитной сеткой — ведет на кухню, оборудованную всей необходимой техникой для приготовления еды. Далее короткий коридор, потом холл с аудиовидеоаппаратурой и две комнаты. Из коридора лестница ведет в подвал, где, гордость хозяина, во всю площадь дома обустроен кабинет, в котором большой рабочий стол, компьютер, стеллажи с литературой, диван для отдыха.

Олег рассказал, как приехал в Штаты больше десяти лет назад, как подтвердил свой диплом о высшем образовании, полученный в России, как мытарствовал и в конце концов устроился работать в банке. Только жениться пока не успел. Приезжала одна давняя подруга, но не сошлось.

Сели за стол. Выпили за приезд мой и Саши. За новый автомобиль Олега. Черный, представительский, класса «Люкс».

— Меня недавно повысили в должности. Машина должна соответствовать положению на работе. Таков порядок, — рассказал Олег.

Как меня довели до дома, раздели и уложили спать, я не запомнил. Не помню, и всё...

Проснулся я днём. Посмотрел, что за квартира у Насти. Хорошая квартира. Пол застлан ковролином с длинным ворсом. После входа короткий коридор, затем кухня и сразу холл. Тут большой стеклянный стол, диван, на стене плазменный телевизор. Слева и справа от холла по комнате, а прямо выход на балкон. В квартире два туалета, ванна и каморка для стиральной машины и сушики. На кухне, естественно, большой холодильник, микроволновая печь, мойка, посудомоечная, а на потолке стеклянный колпак, через который она освещалась дневным светом, а в дождливую погоду по нему колотил дождь. Так натурально, что хотелось схватить зонтик. На балконе газовая жаровня для барбекю и три пластмассовых кресла, здесь удобно загорать.

А что видно за окном? На противоположной стороне узкой улицы большая плаца, машин на двести. С левой стороны бензозаправка, в дальней части многоэтажное офисное здание с банком в первом этаже. Далее по периметру плацы одноэтажные строения различных... этих... офисов, заведений, представительств. Всяких контор.

Прямо напротив дома — большое здание для торжеств. Там каждый вечер нарядная публика что-нибудь отмечала. Свадьбы, юбилеи. Пили, ели, танцевали... Общались. На крыше установлены кондиционеры, шесть штук, каждый размером с автомобиль «Газель».

С левой стороны виден Норд-Вест хайвей и железная дорога, по которой проходили двухэтажные пассажирские поезда местных линий, вроде наших электричек, иногда длинные грузовые составы. В Америке большая железнодорожная сеть, но не на электрической тяге, а на тепловозной.

В небе много лайнеров. Одновременно можно видеть до десяти самолетов. На посадку заходили каждые полторы минуты.

Настя привезла из школы Даню.

— Дед, — закричал он. — Хватит сидеть дома. Пойдем, я покажу тебе окрестности.

Вышли на улицу и завернули направо. Здесь с торца дома въезд в двухэтажный подземный гараж. Дальше теннисный корт и вход в небольшой парк гольф-клуба. В середине парка два озера, соединенные перемычкой. Стоянка машин и живописное строение клуба, рядом выстроились электромобили для богатых завсегдаев.

Потом мы часто гуляли с Даней по этому парку, брали напрокат клюшку для гольфа и мячики, которые закидывали в озеро, там были установлены мишени. Катались по соседнему озеру на водном велосипеде. Ели пиццу или мороженое в кафе гольф-клуба.

Виктор занимался получением разрешения на строительство трехэтажного богатого дома на месте их маленького домика. Преодолевал различные бюрократические препоны. Потребовалось, чтобы проект был сделан профессиональным архитектором. То не так, это не эдак.

Согласование требовало много времени и денег. Виктор не смог разработать проект, влез в долги и в конце концов был вынужден продать свою долю во владении участком компаньону Джаку.

Через неделю прислали мою зеленую карту. Теперь я мог получить водительское удостоверение. Это необходимо было срочно, так как Настя с Даней уезжали на месяц в Россию. Чтобы не потерять хорошего клиента она договорилась, что за стариком в это время буду ухаживать я. Надо было каждое утро ездить к нему на машине и вечером возвращаться. На зелёной «Тоёте-Селене».

В центральных районах города на улицах много пешеходов. В других районах только в центре, а дальше их практически нет, все передвигаются на машинах. Магазины, кафе и прочие заведения расположены на плацах, часто в длинных строениях под единой крышей. Рядом парковки.

В одном из таких одноэтажных строений размещался пункт службы, аналогичной ГАИ. Здесь сдают экзамены и выдают права. Водительское удостоверение в Америке является одновременно удостоверением личности. Здесь нет внутренних паспортов.

Мы с Виктором побывали в этом пункте. В середине большого зала дежурный. Он объяснил порядок сдачи экзаменов и выдал брошюру «Правила о дороге штата Иллинойс». Экзамен можно сдать в любой день.

Я засел за изучение правил. Пользовался англо-русским электронным словарем. Через неделю одолел текст. Изучать дорожные знаки терпения не хватило. Да чего там, подумал, у меня водительский стаж тридцать лет, со знаками как-нибудь разберусь. Оказалось, напрасно.

Утром с Виктором приехали в пункт. Дежурный посмотрел мои документы и выдал талончик с номером очереди на сдачу экзаменов. В зале несколько рядов стульев для ожидающих, которых было немного. С левой стороны стойки операторов, прямо выгородка для экзамена по теории и выход во двор, где сдают вождение. Справа выдают водительские удостоверения.

Минут через пятнадцать на табло высветилась наша очередь и окно, куда надо подойти. Оператор, энергичная и любезная женщина средних лет, томительно долго беседовала с Виктором, через него задавала мне вопросы, ушла с моими документами к начальнику. Вскоре вернулась и продолжила оформление. Один из вопросов был:

— Согласны ли Вы, что в случае гибели Ваши органы будут пересажены другим людям?

Мне пришлось немного подумать, прежде чем я ответил:

— Да нет, пожалуй. Мне в общем-то не жалко мои органы — сердце, почки, легкие, чего там, научились пересаживать — просто не хочется подводить какого-нибудь пострадавшего американца,

предлагая ему одряхлевшие русские органы. У них почти выработан ресурс. Secondhand. И они прилично проспиртованы. — Последнюю фразу я вслух не произнес, подумал про себя.

Вероятно, Виктор не совсем точно перевел мой ответ. Дама не поняла юмора, закончила оформление бумаг и передала нам папку:

— Теперь, please, пройдите к крайнему окну, оплатите десять долларов и можете сдавать экзамены. Желаю удачи.

После оплаты подошли к длинной стойке, за ней несколько человек обслуживали претендентов. Я передал папку и документы. Сначала здесь же провели «медосмотр» — на специальных аппаратах проверили зрение и слух. Затем выдали билеты для сдачи теории. В углу помещения одноместные столики, где я и разместился. Одновременно экзамен сдавали еще человек пять.

В билете вопросы скомпонованы в соответствии с разделами текста правил дорожного движения. Даны по три варианта ответов. В конце вопросы по знакам дорожного движения. Общее количество вопросов штук двадцать. Можно дать не более трех неправильных ответов.

Сложнее всего было понять смысл вопросов и предлагаемых ответов без электронного словаря. Вопросы по знакам я не понял, потому что этот раздел не выучил, ответы указал наугад, ошибки оказались роковыми и в результате экзамен не сдал. Двоечник несчастный. Давно со мной такого не было.

В следующий раз приехали в выходной. На Настиной зелёной «Тоёте-Селене».

Людей было много, очередь начиналась на улице. К оператору попали часа через полтора. Нам выдали мою папку с документами. Я спросил:

— Сколько мы должны заплатить?

— Платить не надо, у вас уже оплачено, — прозвучал ответ.

За длинной стойкой снова выдали экзаменационный билет. На этот раз экзамен по теории я сдал. С моим стажем экзамена по вождению я не очень боялся. Как оказалось, снова напрасно.

Нам объяснили, что экзамен проводится на своей машине. Надо подъехать к площадке с обратной стороны здания и занять очередь. Впереди было несколько машин. Когда стали первыми, Виктор вышел из машины. Я остался в «Тоёте-Селене»... один на один с инспектором. Пожилым гражданским американцем. Общественником. Неприступным и суровым.

Проверка началась с небольшого техосмотра. Инспектор походил вокруг машины, а я повключал по его команде фары, поворотники, стоп-сигнал, гудок. Стеклоочистители и омыватели ветрового стекла.

Выехали на узкую извилистую улицу среди зеленых насаждений. Вдруг инспектор сказал:

— Stop here.

Я почувствовал в этом приказе подставу. Поэтому сначала свернул направо в боковой выезд и остановился. Тут инспектор раздраженным голосом грозно приказал, чтобы я дал задний ход. Это меня озадачило еще больше, потому что выезжать задним ходом из кустов на улицу мне показалось неправильным. Я хотел развернуться и выехать передом, но выполнил приказ и выехал задним ходом. Затем последовали совершенно непонятные указания. В результате экзамен по вождению я не сдал. Инспектор сказал Виктору:

— Он меня не понимает, как я могу принять экзамен?

Неудачу свалил на меня. Как будто я сдавал экзамен по языку, а не по вождению.

Мы с Виктором приехали снова. На этот раз инспектором оказался эмигрант из Польши, тоже пожилой общественник. Он не только четко говорил, что я должен делать, но показывал рукой и что-то объяснял. Явно переживал за меня. В результате экзамен был сдан.

Я припарковал машину и вошел в помещение. Виктор уже стоял с папкой моих документов и привел меня к стойке, где оформляли удостоверения. У меня забрали папку и попросили подождать. Потом вызвали и сообщили:

— Вы можете пройти сфотографироваться.

Я прошел за стойку и оказался напротив фотографа. Пока я пытался прочесть надпись под фотоаппаратом, меня сфотографировали. А надпись гласила: «Smile, please». В результате мое лицо получилось без улыбки и со скошенным вниз взором. Потом попросили расписаться на какой-то пластинке.

Через полчаса водительское удостоверение было готово. Инспектор взглянул на фотографию и предложил сфотографироваться повторно, но я отказался. Может, подумал, одумаются и не дадут права. Уж лучше так. Синица в кармане.

На водительском удостоверении указаны: название штата — Иллинойс, дата выдачи, фамилия и имя, адрес, дата рождения, принадлежность к мужскому полу, рост, цвет глаз, и что выдано секретарем штата Jesse White. Документ украшен моей фотографией в желтой рубашке с серьезным красным лицом. Срок действия пять лет до дня рождения, а не до дня выдачи. Так, наверное, легче запомнить. Внизу образец моей подписи. Два штрих-кода.

Настя и Дания интенсивно готовились к поездке в Россию, до вылета оставалась, точно помню, неделя. Пора было отправлять документы в Российское посольство для оформления визы. И вдруг... вечером, в пятницу, выяснилось, что у Дании заканчивается срок заграничного паспорта.

Паспорта для жителей Восточной части Америки, в том числе Чикаго, оформляют в городе Чарльстоне в штате Южная Каролина, на Атлантическом побережье. В почтовых отделениях есть служащие, которые занимаются оформлением и отправкой документов на паспорт.

Утром в субботу мы ринулись на почту. Но не тут-то было. Одна почта закрыта, на другой нужного работника не было. Наконец, нашли почту с работником, но она принимала посетителей по очереди и пришлось ждать. На оформление документов на паспорт мы были единственными.

Афроамериканка среднего возраста, большая, источала позитивную энергию. Она была такая полная, что казалось, будто у неё сзади привязана подушка. Работала на компьютере и изредка с интересом поглядывала на меня — прямиком из России все-таки человек. И интеллигентный такой, надо же.

Оформили анкету и заявление. Затем стали выяснять сроки. Экстренная почта должна была доставить документы в Чарльстон в понедельник утром. Созвонились непосредственно с «паспортисткой» региона Чикаго и она пообещала, что паспорт будет готов во вторник утром. Правда, это будет стоить дорого. Значит, в среду Настя получит Данин паспорт и можно будет обращаться в Российское консульство для получения визы, но консульства в Чикаго нет. Документы надо направлять в Сан-Франциско. Экстренной почтой.

Настя тут же созвонилась с консульством. Разговор был длинный. Документы должны были поступить в консульство в четверг, а вернуться в субботу, потому что самолёт в Россию в воскресенье. Снова повышенный тариф и экстренная почта.

Представляете? Всё так и получилось. И паспорт прислали вовремя, и визу.

Настя познакомила меня со стариком, мистером Rubin, у которого я должен был работать. Он жил в районе Скоки. Чтобы туда доехать, надо свернуть на Норд-Вест хайвей в сторону Чикаго и ехать час. Я был за рулем и освоил этот несложный маршрут. Дорожное движение было очень плотным.

— Главное, папа, — наставляла меня Настя, — будь пунктуален. Они это любят. Приезжать надо к девяти утра, а в 9-30 должен быть готов завтрак. Варить кашу я тебя научу. Ты ведь сам не умеешь?

— Нет, конечно. Зачем мне это надо? Дома кашу всегда варит твоя мать.

— Ну вот. Потом прибери постель. В два часа обед, в полшестого ужин, помоешь посуду, и в шесть свободен. В течение дня надо с ним погулять. Иногда возить в фитнес-клуб, это недалеко. У него

там абонемент. Да, раз в неделю постирай бельё. Машины напротив, расплачиваться надо квотерами. Я тебе всё покажу.

Пришло время ехать на работу. Было около восьми утра. Я повернул в сторону Чикаго. Было как-то волнительно. И вдруг... или мне показалось?... Нет, не показалось. Встречная машина подмигнула фарами. Неужели впереди радар? Да, точно, в кустах примостился со своей машиной полицейский. После этого мои волнения испарились. Везде люди.

Далее вперед, вперед... После Арлингтон Хайтс проехал районы Маунт Проспект, Дез Плайнез, Парк Ридж и оказался в Скоки. Следил по времени, чтобы не пропустить поворот. По дороге горланил песню «...только примет ли Ро-одина, Родина-мать, одного из пропа-авших сво-и-их сыновей?..». Как-то под настроение она была.

Так и ездил месяц.

Мистер Рубин, инвалид, без стопы, имел редкое заболевание крови. Жил в однокомнатной квартире на первом этаже многоквартирного двухэтажного дома. Родители перебрались в Америку из Одессы вскоре после революции. Его старший брат как-то сказал мне:

— Я тогда был совсем маленьким, но запомнил одно русское слово.

— Какое же это слово?

— С-в-о-л-о-ч-ь, — и заразительно засмеялся.

Сын у брата, Вилли, был преуспевающий бизнесмен, богатенький, недавно купил легкомоторный самолёт.

— Папа, тебе надо выучить английский, — Настю постоянно беспокоило то, что я не владел английским языком. — В штатах существует государственная программа по бесплатному обучению эмигрантов. В high-school Палатайна сейчас проводят набор на курсы. Я смотрела в Интернете, это недалеко.

К шести часам вечера в назначенный день Настя привезла меня в школу. Это большое здание, рядом несколько строений, стадион с трибунами, огромная парковка. Занятия только что закончились и школьники расходились. Такие же как в России старшекласники, много смеялись. Только разговаривали по-английски, поэтому не слышно было мата, и не курили.

В здании школы в коридорах оборудованы шкафчики. У каждого школьника есть свой шкафчик, который закрывается на ключ.

На курсах сначала попросили заполнить анкеты, потом провели тест на знание английского языка. Для этого запустили всех в большую аудиторию и раздали задания. Через час собрали результаты и сказали, что решение комиссии пришлют по почте.

Через неделю сообщили, что я зачислен в группу третьего уровня. Всего уровней пять. Я удивился, что попал в третий уровень. Чего-то, значит, знаю.

Многонациональная собралась группа. Несколько человек из Мексики. Были поляки, белорусы. По одному человеку граждане Болгарии, Индии и Тайваня. Женщина из Венесуэлы приходила со своей взрослой красавицей дочерью. Из России я один.

Занятия проводились два раза в неделю. Весь курс 12 занятий. Для каждого уровня продавали хорошо иллюстрированный учебник.

Преподавала афроамериканка Джуди Паулук. Строгая и справедливая, не давала сачковать. Много внимания уделяла грамматике. Постоянно затевала общее обсуждение каких-либо тем — об обычаях в разных странах, географии, этикете.

Как-то говорили о крепких напитках — текилле, джине, виски, саке. Мне задали вопрос:

— Какую водку сейчас пьют в России?

На меня как ступор нашел. Надо ответить про водку, да ещё по-английски. Не могу вспомнить ни одного названия. Минуту думал. Все ждали. Даже стыдно стало. Наконец, выдал:

— Столичную.

Потом на вопрос о крепких напитках в её стране отвечала болгарка. Бойкая такая, черноглазая, как армянка. Я решил реабилитироваться за свой конфуз и подсказал:

— Коньяк «Златы Пясы», или «Слынчев Бряг».

Пили этот коньяк в студенческие годы. Мягкий вкус, бесподобный аромат.

Реакция была моментальной. Сверкнув на меня молнией взгляда, она ответила:

— «Golden beach».

Ну вот. Приехали. Как говорят, Кирилл и Мефодий именно в Болгарии придумали славянскую письменность. Что, теперь перешли на латиницу? А кто победил турок на Шипке в 1877 году и освободил Болгарию от Османского ига? Неужели всё забыто? Обидно...

Вскоре мне пришлось срочно возвратиться в Россию. Так я и не выучил английский. А какой был шанс!..

М. Ю. Лермонтову

В своём Отечестве пророка нет,
Хотя пронзительно им песнь пропета;
И надо, чтобы двести долгих лет
Прошло для постижения поэта.
На всём лежит таинственный покров
Для мысли небесами не согретой,
Закрыты разум и душа для слов,
Что сотканы «из пламени и света».
А он «готов пожертвовать собой,
Чтобы «в другую грудь хоть тень их перелить...»
Наперекор всему, в борьбе с судьбой,
«Желание блаженства» объяснить.
В стихах его иные видят мрак,
Презренье к людям, ропот и гордыню;
А он любил, любил всю жизнь! И как!
Всем существом, как любят лишь святыню.
Любил Отечество, друзей и мать;
И жить хотел (не рассуждать о жизни).
Но, видит Бог, его удел — мечтать,
Послав стихов венец родной Отчизне.

Кошке

Пусть ты беспородная малышка—
Не сибирских «голубых» кровей,
Но меня забавишь, как мартышка,
Каждою ужимкою своей.

Вместе нам совсем другое дело,
Ты мне детство возвращаешь вдруг.
Я всю жизнь одну тебя хотела,
Мне с тобой возиться без натуг...

Ты, словно нерпа на Байкале...
Беспомощна, но всё ж жива.
Вокруг нетронутые дали,
Что закружится голова.

Дана ты, видно, в утешенье,
И одиночество влача,
Я не вхожу во искушенье,
Когда шалишь ты сгоряча!

Жасминовый цвет

Жасминовый цвет, жасминовый свет
Встаёт с зарёй предо мною...
И шлю я вам снова свой светлый привет,
Который летит над рекою...

Я утром зарёю к тебе прихожу,
И я прощаюсь зарёю...
Мне слов не промолвить—«жасмином» слежу,
За вами, и слёз я не скрою...

Роса упадёт, и покатится вниз—
Примите этот подарок!
И наша встреча была нам сюрприз,
А не церковный огарок...

АРХИПОВНА И НАСТЯ

Архиповна была маленькая худая с тощим пучком седых волос на затылке и при этом не по возрасту живая, сноровистая и острая на язык. Такой я ее не помню, про нее мне рассказывали родители. В Москве в те достопамятные времена няни по уходу за детьми были в большой цене... Отпуск по случаю рождения ребенка предполагал 3 месяца, как известно, бабушка есть не в каждой семье... Папа настаивал, чтобы мама вышла на работу, отнюдь, не из-за ее символической зарплаты. Он полагал, что ей будет хорошо в кругу милых интеллигентных людей, где ее ценили за широту интересов и тонкий художественный вкус. Работали они в одном из лучших в Москве академических институтов с устоявшимися традициями, вместе в обеденный перерыв ходили в столовую.

Архиповну несмотря на ее почти 80 лет рекомендовали как отменную прачку. Свою карьеру она начала еще до революции у купцов. Но у каждой медали, как водится, две стороны. У Архиповны была своя хорошо отлаженная система по закаливанию младенцев. Она ловко смиряла меня свивальником (гарантия, что ножки не искривятся) и выносила гулять по любой погоде, нередко пятки мои зимой торчали наружу, но тем не менее, я у нее не простужалась. Вместо оставленного прикорма, давала тряпочку с нажеванным хлебом, и злые языки утверждали, что мой здоровый сон продлевался не без помощи маковой настойки. Иногда её навещал внучатый племянник, молчаливый подросток с иконописным лицом, кажется, сирота, ему она и передавала кульки с крупами, полагая, что доверчивые, вечно занятые хозяева никогда не проверяют свои скудные запасы... Любимым ее занятием было пить на коммунальной кухне крепкий до горечи чай с чем-либо вприкуску и с высоты опыта поучать товарок. Свою преемницу Настю, которая не без крестьянского лукавства посетовала, что не умеет готовить по-городскому, Архиповна напутствовала следующим образом: «В деревне жила? Жила. Свиным варила?— Варила. А им и подавно сварить!» Ну, чем не реплика для Аркадия Райкина?

Нахлынувшие из разрушенных деревень обездоленные молодки, как в свое время продавщицы из рассказов О' Генри, мечтавшие о миллионере, хотели устроиться домработницей к вдовому полковнику или даже генералу: сначала экономка, а потом и гражданская жена...

Брать молодую деревенскую девчонку мама не хотела. На ее глазах у соседней гуляющая разбитная Валька запирала ребенка и бегала на свиданья. Видели, как она развлекается с солдатами, отпуская коляску по наклонной дороге, а очередной служивый ее героически ловит.

Случай привел к нам Настю. Была она статная, степенная лет за пятьдесят, голова обвязана косынкой узелками наверх, речь певучая, неторопливая с особым смоленским выговором. История ее типична для того времени. В тридцатые годы всю её большую работающую семью раскулачили и сослали в Сибирь. Из родни у нее осталась только младшая сестра с ребенком. Настя изредка ездила к ней в Люблино. Сама Настя замужем не была, несмотря на свою явную привлекательность даже в пожилые годы. По выходным в свободную минуту, медленно шевеля губами, Настя пыталась читать Писание... Меня она учила молиться и целовать крестик. Стоило мне помолиться при няне, как я находила на полу серебряную монетку... Только позднее я догадалась о природе их зарождения в нашей квартире...

Мои родители, воспитанные на христианских ценностях, скептически относились к официальным церковнослужителям. В интеллигентских кругах знали о сотрудничестве церкви и КГБ, тайна исповеди нарушалась. Возможно, поэтому меня не крестили...

Настя прижилась у нас и стала почти членом семьи. Спала она на топчане в коммунальной кухне, вставала чуть свет. Мама даже обижалась, что я никогда не плакала, когда она уходила на работу и на целый день оставляла меня Насте. Няня меня не ругала, не поучала, не старалась привить хорошие манеры. На первом плане у нее было хозяйство, а потом уже я. Крепкая крестьянская закваска давала себя знать. Время было послевоенное, с продуктами случались перебои даже в столице. Няня предложила развести кур. Это было вполне реально. Рядом был институт Генетики имени Лысенко, и можно было приобрести выбракованных цыплят. Мы жили тогда за Свалочным шоссе, на задворках Москвы, на пустырях и в оврагах лепились голубятни и сараи. Некоторые из бывших деревенских, ухитрились держать корову... Каждое утро сын знакомого водителя самосвала и по совместительству сапожника, приносил молоко в бидоне... Однажды, с головой уйдя в хлопоты, няня забыла меня накормить. Двумя пригоршнями я зачерпнула из чугунка, спрятанного под плитой, круто сваренное для кур пшено.

Иногда в синие зимние сумерки няня сажала меня на санки и везла в тридцатое царство. Поездка по неотложным делам превращалась в сказочное путешествие... Заиндевелый наст снега отливал серебром, полозья скрипели и зачарованные деревья словно указывали дорогу... Няня открывала тяжелый навесной замок. И рыжие, черные, пестрые

куры во главе с огненным красавцем высыпали на снег. Куры мне тогда казались осмысленными существами. Одна моя рыжая любимица несла золотисто-коричневые необыкновенно крупные яйца с двумя желтками... А курочка-наседка с грязновато-белыми перьями прихрамывала и была, на удивление, невзрачна. За покупками няня тоже возила меня на санках. Это были убогие деревянные строения по сельскому типу, где на прилавке неизменно стояли эмалированные лотки с квашеной капустой, томатной пастой и зеленым луком вперемешку с землей.

Однажды в возрасте 3–4-х лет, листая старый истрепанный букварь и, наткнувшись на портреты вождей революции, я ляпнула первое, что пришло в голову: «Сталин—дурак...» Вдруг я увидела на лице няни неподдельный ужас. Она стала молча креститься и задвигать шторы. А мне погрозила пальцем. Уж она-то хорошо помнила сталинские законы о колосках и детской ответственности.

Как-то засыпая, я услышала, явно не для моих ушей, рассказ няни... В их деревне многие поверили, что наступает конец света... Надели длинные белые рубахи, кресты, легли в загоя заготовленные гробы, руки на груди сложили и стали ждать... Час, два, три, пока кто-то не захотел встать по нужде.

Настя не была ни жадной, ни корыстной, но подарки к праздникам любила как дань уважения к ее заслугам. Причем дарить надо было не только на революционные праздники, но и на религиозные, которым несть числа. Иногда проверяла хозяина на щедрость, «...а машинку швейную подарить?» Она почти не тратила заработанных денег, так как жила в семье. А маме приходилось туго, ее и отцовской зарплаты едва хватало, чтобы сводить концы с концами, иногда приходилось занимать у няни. Снимать дачу они также не могли, но жизнь подсказала выход... Научная группа, где мама работала расчетчицей, летом выезжала на объект в район будущего Обнинска. Его только начинали строить. В этой бездорожной глухомани можно было за бесценок снять домик лесника прямо на опушке. Два или три года подряд меня вывозили на все лето в «Трясь» или «Черную грязь» Названия деревушек говорили сами за себя. Сборы превращались в эпопею. Заказывали грузовик для домашнего скарба и брали с собой клетки с курами. Теперь, по прошествии прожитых лет, мне хочется опять и опять вернуться в то блаженное время раннего детства, когда границы собственного я и жизни природы были почти неотделимы. Мама на работе, а мы с няней на целый день уходим за грибами. Лес она знала и любила бесконечно. От нее мне передалась эта возрастающая с годами любовь ко всему сущему и живому. Четверть века спустя, когда я случайно наткнулась на знаменитое стихотворение Ивана Бунина «И цветы, и шмели...», меня накрыло с головой то

самое чувство земного родства, что я уже когда-то испытывала во младенчестве во время наших долгих блужданий по волнам цветущего луга, мимо полей гречихи, но только не знала ему названия. Воистину когда-нибудь: «И забуду я всё и припомню лишь эти межевые пути меж колосьев и трав...»

Няня научила меня собирать грибы. Кроме общеизвестных: лисички-опята, подосиновики-подберезовики, она знала их сотни местных имен, где и как растут, как заготовить. Всю зиму у нас на кухне стояла кадка с солеными грибами. Родители особенно любили отливающие зеленью маленькие крепкие чернушки.

По дороге няня как бы невзначай срывала целебный подорожник, сообщала, что самая крупная и вкусная земляника прячется в траве белоус, пригнись — увидишь, а заросли розово-сиреневого Иванчая растут на пепелище... С ее слов я запоминала названия лесных растений, попадавших на глаза, в начале лета: кукушкины слезки, куриная слепота, мышинный горошек, купальницы, повилика, вороний глаз — и незадолго до осени — невероятно затейливые сережки бересклета и алые запретно-зазывные волчьи ягоды.

При сборе грибов время не чувствовалось. Мы могли бродить без усталости долгие часы. Забирались в чащу, спускались в овраги, няня шутила — «леший водит», выбирались на просеку, кружили по роще. Это же ни с чем ни сравнимое удовольствие высмотреть бархатную шляпку гриба, вытянуть его за толстую плотную ножку, перевернуть и залюбоваться сливочной чистотой изнанки. К концу дня ладони становились чумазыми, в черно-зеленых разводах, с трудом отмывались, но, боже мой, как они чудесно пахли, травяным соком, прелым листом, хвоей и еще чем-то необъяснимо лесным.

Брать в руки крошечных юрких лягушат, спящих под ногами и прыскающих в траву, няня не разрешала, пугая бородавками. Однажды она извлекла палочкой из-под коряги огромного сонного ужа и указала мне на его золотую отметину на шее. Оказывается, так просто не путать его со змеей и не обижать зря.

Набрав полную корзину, няня выходила на опушку и садилась под березой перебирать грибы, а я убегала за шишками... Маленькие елочки, на удивление, совсем не колются. Игрушечные шишки нежно зеленого цвета, словно слеплены из воска, я катаю их в ладонях и ношу в карманах как талисман.

Чтобы остановить мой грибной азарт и вывести из леса, няня говорила примерно одну и ту же фразу: «Надо и другим оставить...» Аргумент железно действовал...

От няни я перенимала все ее смоленские просторечные обороты. Мама долго боролась с моими деепричастиями типа: «лежа, сидя, боюся»... Она была поборницей безукоризненно правильной лите-

ратурной речи. Но были слова и выражения, которые неожиданно восхищали маму. Например: «ведро, полное срезь», то есть с верхом или «сорочий цвет» —белый в черную крапинку.

Одним из ярких детских воспоминаний стали страшные первозданные грозы того далекого лета. Мы были с няней совсем одни в маленьком деревянном доме на краю леса. Грозы обычно случались к вечеру. Няня задолго могла их предсказать. Она захлопывала окна, запирала дверь, чтобы не влетела шаровая молния. Ведра и тазы нарочно не заносили в дом, чтобы набралась для мытья мягкая и полезная дождевая вода. При каждом ударе грома няня начинала истоиво креститься. Ей казалось, что это бог гневается. Мне передавался нянин страх. От частых вспышек молний хотелось зажмурить глаза. Гулкий шум падающих с неба тяжелых струй сотрясал стены.

Няня была суеверна. Приметы становились частью нашего бытования. «Тьфу-тьфу, с гуся вода» —это когда меня мыла или умывала из рукомойника. Видя мои слабые, похожие на пух, волосы, няня предложила обрить меня наголо и обязательно зарыть сбритые волосы в землю, чтобы ворона не унесла мое счастье.

Совсем неожиданно, когда мне исполнилось пять лет, родители рассчитали Настю. Она навсегда ушла из нашей жизни. На прощанье она ничего мне так и не сказала.

Не знаю, в чем истинная причина такого скоропалительного решения. Скорее всего финансовые проблемы, родители были больше не в состоянии содержать няню. Им предложили для меня место в хорошем детском саду.

Теперь уже в возрасте старше тогдашнего возраста Насти, с нежностью и благодарностью вспоминая её уроки, мне захотелось хотя бы в слове запечатлеть ее образ...

Иногда в голову приходят странные крамольные мысли. Почему к одним судьба так милостива с самого начала, а других словно выбрасывает за борт? Есть у меня слабое утешение, что может теперь душа Насти наконец нашла пристанище-успокоение под яблонькой с золотыми яблочками, той самой, о которой она рассказывала мне в детстве, растущей в раю.

26 июня 2016 г.

**Главы из повести
«МОЗАИКА ЖИЗНИ МОЕЙ»***Глава 9***Любовь первая, но не последняя**

Первая любовь у каждого своя, и в то же время все они чем—то похожи, кажется, что встретил того единственного, без которого уже не мыслима дальнейшая жизнь, и лишь через многие годы можешь понять, что это совсем не так. Познакомились мы почти так же, как Александр Сергеевич с Натали, на студенческом вечере, то есть, почти что на балу. Он был явно не студенческого возраста, взрослый мужчина, лет тридцати, привел его кто-то из преподавателей.

Дальше всё получилось тоже по- литературному. Он пригласил меня на вальс, в те времена ещё танцевали этот прекрасный танец, Я испытала примерно те же чувства, что и Наташа Ростова в этой ситуации. Во время танца мы и познакомились. Его звали Виктор. Говорил он без умолку, рассказывал интересно, вставляя по ходу разговора анекдоты, мне было весело. Он показался мне очень интересным человеком. Мы начали встречаться, причём, встречались каждый вечер: ходили в кино, на концерты, гуляли в парке. И, конечно, целовались. Я была очень стеснительной, даже робкой, и это, очевидно, ему нравилось. Целоваться он умел, что мне и нравилось и пугало одновременно.

Аллочка, которую я с Виктором познакомила, сказала мне:

— Будь с ним поосторожнее, он — взрослый мужчина, а ты ещё девчонка, он тебе голову быстро задурит.

Предупреждение было правильным, но оно запоздало: моя голова уже была задурена, причём, основательно. Кстати сказать, он познакомил меня со своей мамой, которая мне понравилась, и я ей тоже. Можно было понять, что у Виктора серьёзные намерения.

Виктор захотел познакомиться с моей мамой, которая к этому времени уже вернулась из ссылки. Я сказала ей об этом, и она, конечно, захотела с ним познакомиться.

Мы пригласили его на субботний обед и постарались угостить повкуснее. Виктор был в ударе, он пытался произвести на маму неизгладимое впечатление, произвёл, но совсем не то, на которое рас-

считывал, маме он не понравился: она посчитала, что он слишком стар для меня и довольно потрёпан. Виктор был старше меня на одиннадцать лет, и мама стала за глаза называть его «старым развратником», который охотится за глупыми молодыми девчонками. Наверно, у неё были основания для такого мнения, но я была огорчена: он мне казался самым умным, самым красивым, в общем — самым-самым...

Конечно, разница в возрасте меня немного смущала, но я считала, что когда есть любовь, то возраст не имеет значения.

Виктор понял, что не понравился моей маме, поэтому старался бывать у нас нечасто, зато мы часто бывали у него дома, и его мама всегда очень хорошо меня принимала.

Конечно, тридцатилетнему мужчине было не очень интересно встречаться просто так, он хотел жениться и иметь детей.

Когда мне исполнилось двадцать лет, он решил, что пора. Как воспитанный человек, он пришёл к моей маме и попросил моей руки. И... получил отказ. Мама сразу ему сказала, что я ещё молода для брака, а ему надо найти женщину постарше.

Мы простились с Виктором на крыльце, он сказал мне с грустной улыбкой, целуя в щёку, как брат:

— Наверное, твоя мама права: я неподходящий для тебя жених. Мы не будем больше встречаться, прощай! Будь счастлива!

Я осталась стоять, растерянная, обескураженная, не понимая до конца, что же произошло и что делать дальше. Из глаз текли слёзы, и я их даже не вытирала. С мамой я не хотела разговаривать и отказалась от еды, что её взволновало больше всего.

На Виктора я тоже страшно обиделась: он должен был поступить как рыцарь, то есть увезти меня на тройке лошадей, или, в крайнем случае, на такси, а он сдался, не стал за меня бороться, и это было самым обидным.

Больше мы с Виктором не встречались, но я знала о его жизни все.

У моей подруги Аллочки был свой человек в окружении Виктора, который и поставлял нам сведения о его жизни. Из этого источника я узнала, что примерно через год Виктор женился на своей ученице, ей тоже было двадцать лет. А поскольку он работал директором вечерней школы, то выбор у него был большой. Однако этот брак продлился недолго. Молодая жена хотела бегать на танцы, а солидный муж хотел лежать на диване и читать газеты. Через два года они разошлись, причём её родители увезли из его дома все свадебные подарки.

Через несколько лет Виктор снова женился, на этот раз более разумно — на тридцатилетней медсестре. Возможно, у него начались проблемы со здоровьем. Медсестра в доме — это очень удобно.

Может показаться странным, но, живя в одном городе, мы с Виктором никогда не встречались. Однако одна — последняя встреча — нам всё же была суждена.

Прошло более десяти лет после того, как мы с Виктором расстались. В моей жизни произошло столько событий, столько новых встреч, что я практически забыла о своей первой любви. Появилась уже вторая, причём более сильная. И всё же, когда встреча с Виктором состоялась, что-то шевельнулось в душе, как будто донеслось глухое эхо из прошлой жизни.

Был тёплый субботний день в конце мая. Я работала тогда в газете «Крымский комсомолец». И наш дружный коллектив собрался поехать на маёвку. Подготовились заранее: купили молодую баранину и замариновали её, а также овощи и сухое вино.

Со всеми своими припасами мы вышли на улицу, ожидая приезда машин, их должно было приехать две: одна — редакционная, вторая — служебная, мужа нашей сотрудницы Раисы.

В ожидании приезда этих машин мы болтали о своих редакционных делах, шутили, смеялись. Настроение у всех было отличное.

И вдруг я почувствовала на себе какой-то пристальный взгляд. Оглянулась и увидела у кромки тротуара инвалидную коляску, в которой сидел пожилой полный мужчина с грустными глазами. Это был Виктор.

Два чувства боролись во мне: естественная жалость к несчастному человеку и жажда мести за то, что он всё-таки бросил меня, глупую девчонку, которой задурил голову. Второе чувство всё же победило.

Как говорили наши незабвенные классики Ильф и Петров, «Остапа понесло». Я вдруг стала удивительно красноречивой, остроумной, находчивой, вспомнила даже полузабытые, но очень смешные анекдоты. Все слышали меня, раскрыв глаза от удивления: такого со мной ещё никогда не бывало. Мой редакционный поклонник смотрел на меня с восторгом.

Я встала к Виктору боком, чтоб ему хорошо было видно, какая у меня отличная фигура, какой красивый профиль, какие блестящие каштановые вьющиеся волосы. Наконец, я решила взглянуть на Виктора, чтобы увидеть его реакцию.

В его глазах была такая тоска, что хоть в петлю лезть. Я замолкла на полуслове, поняв, что нельзя быть такой жестокой: лежачего не бьют.

Тут как раз подошли наши машины, мы сели в них и уехали — к горам, морю и веселью.

Я была молода: всего-то тридцать лет и главное — здорова. Поэтому мне не хотелось думать о несчастном инвалиде. Я его простила и постаралась вычеркнуть из своей памяти, лучше бы — навсегда.

Море было уже тёплым, горы красивы, а шашлык из молодой баранины удивительно вкусным. Мы ели, пили, загорали и плавали, гуляли по берегу, фотографировались, веселились.

Постепенно образ инвалида в коляске испарился из моей памяти. Вскоре я узнала, что он умер. На похороны я, конечно, не пошла: ведь была жена для оплакивания.

Я не могу сказать, что совсем забыла Виктора, изредка мы с Аллочкой все же говорили о нём, просто так, как о старом знакомом.

А в одном из своих сборников я поместила стихотворение, которое называется «Первая любовь». Мне кажется, там дана исчерпывающая характеристика Виктора. Жаль, что он не смог его прочитать. Думаю, ему бы понравилось.

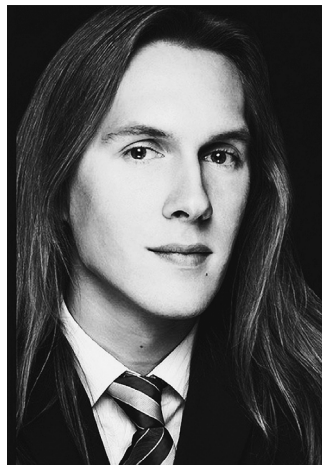
Первая любовь

(эскиз портрета)

Где-то под сосною есть могила,
только где — давно уже забыла.
Там лежит под старыми цветами
тот, кто был с весёлыми глазами,
заражал друзей задорным смехом,
добивался быстрого успеха.
Рисовал мгновенно шаржи-лица,
в скучных книгах пропускал страницы.
В письмах никогда не ставил точки
и кривил к концу тугие строчки.
Был непредсказуем, как комета,
и не слушал ничьего совета.
Где-то под сосной его могила.
Признаюсь, и я его любила.

* * *

В помойку летит слово
Исписаны всинь тетради
Зачем святую корову
Пустили на фарш, дядя?
В туманном пути сизом
Не видно, куда ехать
Отклянчили зад карнизы
От смерчей лихих смеха
Курили табак трубы
Пускали овец тучи
Рассохлись от соли губы
Под сводом ивы плакучей
И трудно добавить слово
Молчание прочь откинув
Скажу лишь зачем-то снова
“Не будь, человек, скотиной!”

14.04.2014

* * *

Никто не узнает, что завтрашним днем
В Китае ракета утонет
Не знает никто, что под треснутым пнем
Барсук от уныния стонет
Не слышит никто, как суровый лицом
В душе громким смехом смеется
Не помнит никто, как за строгим отцом
Нашкодивший мальчик плетется
Я помню те дни, когда солнечный круг
Был шире, чем реки в разливе
На грядках разбух свежавыросший лук
И соком наполнились сливы
Я помню, как в дни без горячей воды
Мы были прекрасней и чище
Не чаяли извне иллюзий беды
И ели прохладную пищу

Я знаю, что есть в этом мире добро
За старым скрипучим комодом
Засунуто комом в гнилое ведро
И сверху присыпано содой
Я слышал, что где-то трамвай за окном
Гремит, вынув нос из потемок
Что стар и трухляв невысокий тот дом,
Страдает от вечных поломок
Не знает никто, что за низкой горой
В песке захоронены мыши
Что мыслей внутри головы тучный рой
Но их здесь никто не услышит

03.07.2013

РЫБЫ

Рыбы мерзнут, они не одеты
Льдины мнут их худые бока
Перспектива согреть жабры летом
От рыбех еще так далека
Нет еды, и воды нет повсюду
Всюду холод и лед, темнота
В шубах где-то там греются люди
Согревают людей города
Вот найти бы червя или личинку
Но вокруг пустота и мороз
И не выронит рыба слезинку
Ведь у рыб нет печали и слез
Подчиняясь пустому желудку
Рыба ищет хоть где-то еду
Жаль, не может она словно утка
Крошки хлеба ловить налету
Я бы вышел во вьюгу и холод
Чтобы рыбью толпу покормить
Утолить шестимесячный голод
И домой отнести приютить
Но увы, далеко водоемы
Где продрогнувших рыб косяки
Уменьшают желудков объемы
Избегая голодной тоски
И в бегах за приманкой съедобной
Попадают рыбы на крюк

И в котле согреваясь бездонном
Лечат мерзлый свой рыбий недуг

2010

Медведи полысели

Весною, когда вдруг грачи прилетели
Медведи внезапно вокруг полысели
Нет шерсти ни сверху, ни сзади, ни сбоку
И выглядят нынче медведи убого
Смотрели с печалью они друг на друга
Над ними смеялись все звери в округе
И нету величия больше и силы
У некогда злого медвежьего рыла
А вместо густого блестящего меха
В пупырышках кожа — умора, потеха!
И с грусти, тоски, необъятной печали
Медведи навек травоядными стали.

2011

Елфимов Максим Александрович, родился в Москве 11 июля 1987 года, часть детства провел в Венгрии, окончил РГГУ по специальности «международные отношения». В настоящее время работаю в сфере PR, в свободное от работы время являюсь лидером музыкальной группы «Ледокол “Т.”», увлекаюсь рисованием, путешествиями, зарубежной рок-музыкой 1960–1970-х гг. В прошлом сотрудничал с группой «Ляпис Трубецкой».

Элинор Фарджон

СЕДЬМАЯ ПРИНЦЕССА

Слыхали ли вы когда-нибудь историю о шести принцессах, для которых не было ничего важнее собственных волос? Вот она.

Давным-давно жил на свете Король, и женился он не на ком-нибудь — на красивой черноглазой цыганке. Берег он её, будто она была хрустальная, и пуще всего боялся, что сбежит она от него обратно на волю: цыгане-то, известно, народ бродячий. Чтобы этого не допустить, поселил он Королеву во дворце посреди огромного сада, а сад повелел обнести высокой оградой. Королева слишком любила своего Короля и потому не говорила ему, как хочется ей выйти за ограду, на вольный простор. Часами сидела она на дворцовой крыше и глядела на восток, где раскинулись широкие луга, на речку, что текла с юга, на город, шумевший на севере, и на высокие холмы, протянувшиеся долгой грядой на западе.

В свой срок Королева родила Королю двух дочек-двойняшек, светлых, как рассвет. В день их крестин Король на радостях пообещал Королеве любой подарок, какой она только пожелает. Королева взглянула с крыши на восток, на цветущие майские луга, и молвила:

— Подари мне весну!

Тотчас Король кликнул пятьдесят тысяч садовников и велел каждому принести с собой цветок ли дикий, молоденькое ли деревце, чтобы посадить их в королевском саду. Как только работа была закончена, Король вышел с Королевой в цветущий сад и воскликнул:

— Любимая, весна — твоя!

Но Королева только вздохнула.

На следующий год Королева родила ещё двух дочек, нежных, как утро. И снова в день крестин Король спросил у Королевы, что бы она пожелала получить в подарок. На этот раз Королева взглянула на юг, и, завидев, как блеснула на дне долины вода, ответила:

— Подари мне речку!

Недолго думая, Король созвал пятьдесят тысяч рабочих и наказал им отвести русло реки в королевский сад, чтобы её воды питали самый прекрасный мраморный фонтан — на радость Королеве. Когда работа была закончена, он привел Королеву к каменному бассейну, где взметались к небесам и вновь опадали струи фонтана, и воскликнул:

— Дорогая, теперь и река твоя!

Но Королева только поглядела долгим взглядом на пленницу-воду, тщетно рвавшуюся к небу, и опустила голову.

На третий год Королева родила еще двух близняшек, ясных, словно светлый полдень. Когда Король спросил её о подарке, она поглядела на север, где шумел городок, и сказала:

— Подари мне людей!

Тут же Король послал в город пятьдесят тысяч гонцов, и минуты не прошло, как они вернулись, а с ними — шесть честных торговых с рыночной площади.

— Дорогая, вот твои люди! — воскликнул Король.

Но Королева лишь тайком утерла глаза и поручила малышей заботам этих добрых женщин: каждой принцессе — по няньке.

На четвёртый год Королева родила всего одну дочку — смуглую да черноглазую, как и она сама. Король-то был голубоглаз и светловолос.

— Чего пожелаешь ты на этот раз? — спросил Король, когда они с Королевой стояли на дворцовой крыше в день принцессиных крестин.

Королева обернулась к западу — и увидела, как шесть белоснежных лебедей цепочкой летят над холмами; а за ними скромная лесная голубка.

— О, — воскликнула Королева, — подари мне птиц!

Король немедленно снарядил пятьдесят тысяч птицеловов. Когда они скрылись вдаль, Королева обратилась к Королю:

— Любимый Король! Сейчас мои дети — в своих колыбелях, а я — на троне. Но однажды они вырастут из колыбелек, а мой трон опустеет. Скажи: когда этот день настанет — которая из них займет мое место?

Тут воротились птицеловы с добычей в сетях. Король поглядел на голубку, спрятавшую головку в пушистых серых пёрышках на груди, на величавых лебедей с длинными белыми шеями, и объявил:

— Королевой станет та принцесса, у которой будут самые длинные волосы.

Тогда Королева созвала шестерых няnek и передала им слова Короля. «Помните, — добавила она, — вы должны без усталости мыть и расчёсывать девочкам волосы. От вас зависит, которая из них станет Королевой».

— А кто же будет мыть и расчёсывать волосы Седьмой Принцессе? — спросили няньки.

— Я сама, — ответила Королева.

Ох, и расстарались няньки: каждой хотелось, чтобы именно её воспитанница стала Королевой. Каждый погожий день выводили они девочек в сад и мыли их волосы в фонтане, сушили на солнышке, а

после расчёсывали, пока они не начинали блестеть, точно золотой шёлк. Вплетали им в локоны ленты, украшали их цветами — ни у кого на всем белом свете не было таких дивных волос, и ни у кого не уходило на них столько сил и забот, сколько у шести нянек. И шесть белых лебедей были при них, тут же: где принцессы — там и лебеди.

Но Седьмой Принцессе, худенькой и смуглой, никогда не мыли голову в фонтане. Её волосы всегда были спрятаны под красным платком — Королева мыла и расчёсывала их втайне, когда никто не видел, на дворцовой крыше. А малышка в это время играла с лесной голубкой.

И вот однажды почувствовала Королева, что пришел её час. Созвала она дочерей, благословила их, и попросила Короля отнести её на крышу. Окинула взглядом луга и речку, городок и далёкие холмы — и закрыла глаза.

Король был безутешен — но вот протрубил у дворцовых ворот рожок, и в тронный зал вбежал паж с известием: пожаловал сам Владыка Мира! Король распахнул двери — и в зал проследовал Владыка, а за ним — его слуга. Одежды Владыки были все расшиты золотом, шлейф его мантии протянулся через весь зал, а султан на его шляпе достигал потолка. Слуга же его был совсем юн и одет в лохмотья.

— Добро пожаловать, Владыка Мира! — воскликнул Король и протянул руку для приветствия.

Но Владыка и с места не сдвинулся — так и застыл молча, опустив очи долу. Зато Слуга-Оборванец широко улыбнулся: «Здравствуй, Король этой Страны!» — и сердечно пожал ему руку.

Король удивился:

— А что же, Владыка сам ответить не может? — спросил он.

— Может быть, и может, — отвечал Слуга, — да только никто никогда не слышал от него ни единого словечка. Сам знаешь: на свете есть место всем — богатым и бедным, тем, кто говорит, и тем, кто хранит молчание, тем, кто думает, и тем, кто делает, тем, кто глядит вверх — и тем, кто не поднимает глаз от земли. Мой хозяин потому и избрал меня в слуги, что мы с ним вместе составляем тот самый мир, которому он — Владыка. Он богат — я беден, он задумывает — я исполняю, он смотрит вниз — я гляжу вверх, он молчит, а я говорю.

— Зачем он явился? — спросил Король.

— Чтобы жениться на твоей дочери, — отвечал Слуга-Оборванец. — Ведь на свете есть место всем: и мужчинам, и женщинам, и одному без другого нельзя.

— С этим не поспоришь, — согласился Король. — Но у меня семь дочерей. Не может же он жениться на всех семерых разом!

— Он женится на той, что станет Королевой, — объяснил Слуга.

— Пошлите за моими дочерьми! — объявил Король. — Пришла пора измерить им волосы.

И вот семь принцесс предстали пред королевские очи: шесть светлоголовых пришли с няньками, а смуглая и маленькая — одна. Слуга-Оборванец окинул их быстрым взглядом, но Владыка Мира так и не поднял глаз от пола.

Король послал за придворным портным, чтобы тот измерил принцессам волосы. Когда он явился с мерной лентой, шесть принцесс распустили косы — и волны светлых волос легли на пол.

Пока Портной делал свое дело, няньки гордо переглядывались: разве не поработали они на славу, ухаживая за волосами своих подопечных? Но, увы! — оказалось, что все они потрудились одинако-

во: у каждой Принцессы волосы были точно той же длины, что и у остальных.

Придворные всплеснули руками, няньки заломили руки в отчаянии; Король в недоумении теребил свою корону, Владыка Мира стоял на месте, вперив взгляд в землю, а Слуга-Оборванец обернулся к Седьмой Принцессе.

— Что же делать, — спросил Король, — если и у младшей Принцессы волосы окажутся той же длины?

— Не думаю, Ваше Величество, — спокойно ответила Принцесса. Сестры с беспокойством следили за тем, как она развязывает узел и стягивает красный платок с головы. И правда: волосы у неё были совсем иной длины — она была острижена совсем коротко, под мальчика.

— Кто остриг тебя, дитя мое? — спросил Король.

— Моя мать, Ваше Величество, — отвечала Принцесса. — Каждый день мы выходили с ней на крышу, и она щёлкала ножницами, чтобы ни одна прядь не отросла.

— Вот так так! — протянул Король. — Что ж, Королевой тебе в таком случае не бывать.

Вот и вся история о Принцессах, которые всю свою жизнь заботились только о своих волосах. Остаток своих дней они провели по-прежнему — няньки так и продолжали мыть и расчёсывать их волосы, пока те не стали совсем белыми, словно перья их любимцев-лебедей.

Владыка Мира провел остаток своих дней, всё так же глядя в пол и ожидая, когда же у какой-нибудь из принцесс волосы отрастут длиннее, чем у прочих, чтобы она стала его Королевой. Говорят, он до сих пор стоит там и ждёт, опустив очи долу.

А Седьмая Принцесса вновь повязала голову красным платком и убежала из дворца — навстречу холмам и реке, лугам и городам; а за нею поспешили лесная голубка и Слуга-Оборванец.

— Как же там будет без тебя Владыка Мира? — спросила Принцесса.

— Как-нибудь справится, — ответил Слуга. — Ведь на свете есть место всем: и тем, кто сидит взаперти, и тем, кто гуляет на воле...

Перевод с английского Маши Славоросовой
Маше Славоросовой 19 лет, она студентка МГПУ.
Иллюстрации Феде Славоросова
Феде Славоросову 16 лет, он учится в школе.

Из цикла «Сарказмы»

Ксении Жулевой

1.

Давайте как-нибудь
Втроем
Чаек без сахара
Попьем,
Поговорим о том, о сем,
Покрепче что-нибудь
Нальем,
Повеселеем,
Попоем,
И станет все нам
Нипочем.
Вдруг жить по-новому
Начнем?
Давайте как-нибудь
Втроем
Чаек попьем!

2.

Вот тело. И еще раз тело.
Со всех концов страны налетело...
В ухо из уха раз просвистело
И шлейфом от пыли упасть не успело...

Просмотрены замки, мосты и ворота.
И, сделав порядка двухсот поворотов,
Найдется покупка с горой наворотов
И белым пальто с накладным отворотом.

Карты искромсаны по районам,
Нагужно скрипят на границах вагоны...
И до чего ж ты наивен и чист,
Русский турист!

5.

Не смотря на машины-железки вокруг,
Настоящие письма все ж летают из рук.
И когда открываешь бумажный конверт,
О руках тех получишь сразу ответ —
В том конце есть еще доброта или нет.
И в письме, вылетающем из твоих рук,
Тоже будет о том, кто ты — враг или друг.
Положи же в конверт весть о том, что ты друг!
Так добра будет больше немного вокруг.

6.

Эпиграмма

У нас в России так заведено —
Что сделано с душою, то — г..но.
Но в этом свойстве плюс есть все равно:
Полсотни подвигов с него вдохновлено!

Из цикла «Бродяги»

2.

В одиночество,
Худшую из тюрем,
Мы, толпа порочная,
Сверху плюнем.

Ботами похлупывая,
Руки в брюки,
Мы, толпа разблюдовая,
Не боимся скуки.

Нас снегами тяжкими
Господа покроют,

В безымянные кресты
Косточки заруют.

А пока с сигаркою,
В рубище на теле,
Погорланим песни мы,
Чтобы веселее...

Побредем, заблудшие,
В степи яровые,
Там толпой убогою
Будем мы живые...

9.

Мой троллейбус трясется с протяжным скрипом,
Тощих яблок хрустит на зубах зелень,
Из дверей взад-вперед все снует черень,
Волоча с собой круглые сумки с хлебом.

На вокзале среди городских электричек
Все друг другу протягивают сторублевки,
На фасадах красуются кинообновки,
На дорогах — обугленные трупы спичек.

Под сереющей крышей над головами,
Трудовой лапой поручень ухватив крепко,
Омываем слезами себя нередко,
Утираясь безжизненными волосами.

Но надежда на сердце никогда не потухнет,
Все равно раб пойдет за туманной свободой,
Хоть на поле поляжет несметная уйма
Гордецов!

11.

Ну что же...
А может,
Заинтересоваться,
Кое в чем расписаться,
Кое с кем расстаться,
И совсем распластаться?

Ну что же,
А может,
Просто остановиться,
Молча перекреститься
И кое-как схорониться?

А что же,
Ну может?...

Гаркнуть по всей земле —
Сдвиги коры осиной.
Из глубины трахей
Выхаркну я трясину!
И перекосит рот
Глиной, фонтаном — слезы,
Смрад, будто из болот,
А зато легче возу!
Вывернуть на ветра
Все эти нечистоты,
Страсти нажралась в хлам,
Так — аж до рвоты!
Хватит комедий с меня,
Продажности тоже хватит!
Распутье сего дня
Мне цену свою платит...

Из цикла «Земля бытованная»

8.

Август.
Толпами комарье,
И такая сладость
На душе
И во тьме
Летней ночи.

Август.
Солнце дынь,
Моря синь,
И банальность
Этих равных,
Которые среди прочих...

Август — астры.
И запах Марины.
На стихи он берет
Карантины.
Знаю, будут еще
Картины
Из завязанных в узлы строчек.

Из цикла «Библейские мотивы»

6.

В этой сухости,
В этой плоскости
Сжались легкие,
Точно пропасти.
Над монахом чернь
Заливается,
Гонит прочь его,
Изголяется.
И черным черно
По пути бежать,
Одному ему
Посреди стоять.

И во тьме найти
Свечку тонкую,
И держать, и петь
Песню звонкую.
В темень темную
Во все горло петь,
Страх глушить,
Свое сердце греть.
Отгонять чертей
Там, во тьме ночной...
Не услышишь отклика —
Громче пой!

Выставка Айвазовского в Москве

Чёрное море. Одесса.
Здесь Айвазовский писал.
Пушкин — поэт и повеса
Музу в Гурзуфе искал.

Вижу царя на прогулке.
Сам Александр второй
Крыма любил закоулки,
Чёрного моря прибой.

Ах водопад Ниагарский!
Чувствую воздух морской.
Запах Ливадии царской.
Крит навевает покой..

Горы — дорога к Ай-Петри.
Лазарев смотрит на нас.
Крымские сильные ветры,
В бой вдохновляет Парнас.

Бухта Синоп. Севастополь.
С рейда палят корабли.
Русского флота Некрополь,
Берег турецкой земли.

Вон рыбаки на просторе.
Пётр совсем молодой.
Был Айвазовский в фаворе,
Сделалось море судьбой.

От аллегии сложной
пухнет порой голова.
Я ухожу осторожно
И обступает Москва

Я ВЕРНУСЬ

1

Аэробус А-320 оторвался от земли и стал набирать высоту. Настя взяла из кармана впереди стоящего кресла инструкцию по пользованию спасательными средствами и принялась ее просматривать. Рядом лежали какие-то рекламные журналы. У Насти был очень трудный день. Но вот все дела по командировке завершены, теперь можно немного расслабиться. От усталости у девушки стали слипаться глаза. Журналы выпали у нее из рук, и она погрузилась в дремоту.

Настю разбудил громкий голос:

— Уважаемые пассажиры! По техническим причинам наш самолет вынужден вернуться в Москву. Дальнейшую информацию по данному рейсу вы получите в аэропорту. Приносим вам свои извинения! Девушка открыла глаза. Пассажиры вокруг переглядывались и перешептывались, но паники на борту не было. У Насти стало закладывать уши, самолет шёл на посадку.

— Что же все-таки случилось? — подумала девушка. — Когда теперь домой попаду? В приметы Настя не верила. Но когда в аэропорт вылета возвращается самолет, тут уж хочешь — не хочешь, а поверишь во всякие там приметы. И в ее голову полезли дурные мысли.

Через три часа пассажирам злополучного рейса подали другой борт. Настя несколько раз пыталась позвонить мужу и сообщить, что ее вылет задерживается, но телефон Федора был вне зоны доступа.

— Куда же ты запропастился? — нервничала девушка. — Самолет вернулся, муж не отвечает. А, ведь, утро было такое доброе!

Когда Настя открыла глаза, то, сквозь иллюминатор, увидела ярко красное зарево. День близился к закату. Огромное пространство внизу, под самолетом, было сплошь устлано серыми облаками. Постепенно облака приобретали все более темный оттенок и, вскоре, вовсе почернели. Сумерки уверенно вытесняли свет. Бледно-оранжевая полоса на горизонте — это все, что оставалось от ослепительного солнечного света.

— Совсем, как в моей жизни, — промелькнуло в голове у Насти, — была светлая полоса, да, вдруг, посерела. А ей так хотелось, чтобы отношения с мужем оставались такими же красивыми, как до свадьбы, чтобы он, хоть иногда дарил ей цветы и говорил о любви.

— Может Федор разлюбил меня? — думала девушка. Встречались они недолго и вскоре расписались. Настю поразила искренность и глубина его горящих глаз. Когда она смотрела в эти глаза, у нее замирало сердце. В тот момент у Насти не было никаких сомнений, что Федор любит ее. Но в последнее время он стал более сдержан в своих чувствах, стал чаще и надолго замыкаться в себе. Девушка не могла понять, чем вызвана эта его внезапная холодность. Ей казалось, что сейчас, спустя всего год после свадьбы, они живут в двух параллельных мирах. Будь у них ребенок, она не испытывала бы такого невыносимого чувства одиночества, однако муж пока не хотел детей по причине бытовой неустроенности.

И вот в их жизни произошли перемены. Молодые люди сменили место жительства и работу. И именно в это самое время, как казалось Насте, Федор стал, вдруг, каким-то чужим. Она несколько раз спрашивала мужа:

— Может у тебя проблемы на новой работе или с Оленькой что-нибудь? Но вразумительного ответа не получала. Оленька — это пятилетняя дочь Федора от первого, совсем короткого, брака. Теперь они с матерью жили где-то далеко на севере.

Самолет, как в бездну, провалился в густую черную облачность. Настя, вдруг, ощутила резкую боль в голове. По мере снижения воздушного судна, боль нарастала. Настя выпила обезболивающее, закрыла глаза и прошептала:

— Господи, скорее бы земля! А там меня встретит Федор.

Но ни в зале ожидания, ни за его пределами ее никто не ждал.

Все то время, пока Настя находилась у стойки выдачи багажа, она названивала мужу. Телефон Федора оставался вне зоны доступа. Тогда девушка позвонила маме:

— Алло, мам, я прилетела, жду багаж. Ты не в курсе, что с Федором? Обещал встретить и как сквозь землю провалился.

— С приездом, Настенька! — ответила Алевтина Сергеевна. — Я со вчерашнего дня на дежурстве. Утром звонила, он был дома, собирался в аэропорт. Попробую узнать что-нибудь у соседей.

Три месяца назад Алевтина Сергеевна осталась одна, и Федор с Настей решили перебраться жить из поселка, где Федор работал на сейсмостанции, к ней город. Тем более, Федору обещали здесь свою лабораторию. А у Алевтины Сергеевны был большой дом с участком в частном секторе, состоящий из четырех комнат, кухни и огромной прихожей, где во время сильного дождя протекала крыша. Федор латал ее несколько раз, но вода находила новый лаз. Дому нужен был капитальный ремонт, и Федор, в самое ближайшее время, собирался этим заняться.

Настя, наконец, схватила свой чемодан с крутящейся ленты, устроилась на заднем сидении одного из многочисленных такси, стоявших у входа в аэропорт, и стала бессознательно глядеть в окно. Мимо мчались машины, мелькали рекламные щиты и светящиеся фонари, но Настя ничего перед собой не видела. Ее глаза застилал туман неизвестности. Девушка забыла про головную боль. А, может, лекарство уже подействовало. Она забыла про все на свете, ее лишь мучительно тревожил вопрос:

— Что с мужем?

Зазвонил мобильник. Настя схватила телефон и услышала голос мамы:

— Настенька, девочка моя, ты только не волнуйся! Я позвонила нашей соседке Галине. Она сказала, что в детском саду, что на соседней улице, взорвался газовый баллон. Был пожар. Так как сегодня суббота, детей было мало, и вроде всех спасли. Твоего Федора там видели.

У Насти заныло сердце. Федор никогда не проходил мимо чужой беды.

— Тебе только в МЧС работать. Твое призвание — людей спасать, а не землетрясениями заниматься! — часто, с улыбкой, говорила ему Настя. Она была уверена, что если уж ее муж оказался на месте трагедии, то обязательно постарается помочь пострадавшим, даже ценой собственной жизни.

— Нельзя ли ехать быстрее? — нервно спросила Настя водителя.

— Нет, мы уже в городе, — ответил тот. — У вас что-нибудь случилось?

— Еще не знаю, — сухо пробурчала девушка и закрыла глаза. Ей сейчас совершенно не хотелось общаться.

Настя бросила чемодан у порога своего дома и побежала к детскому саду. Было темно, но возле обгоревшего здания все еще толпились зеваки. Пожарных уже не было, но стояла полиция. Настя попыталась пройти во двор. Ей преградил дорогу лейтенант:

— Девушка сюда нельзя! В любой момент может произойти обрушение.

— Скажите, кто-нибудь пострадал? — спросила она, но услышала грубый ответ:

— Повторяю, отойдите!

— Поймите, я живу рядом, и спрашиваю не из праздного любопытства. Меня муж в аэропорту не встретил и на звонки не отвечает! Я не знаю, что и думать! — объяснила она лейтенанту. Он взглянул на Настю и уже более мягко произнес:

— С детьми все в порядке, они находились в дальнем крыле здания. Их сразу же эвакуировали в безопасное место. А вот повар, находив-

шаяся в момент взрыва на кухне, обгорела сильно. Ее нашел молодой мужчина. Возможно, это ваш муж. К несчастью, на него упала горячая балка, когда он через окно передавал женщину спасателям. Их обоих увезли, скорее всего, в больницу скорой помощи.

— Спасибо! — прокричала Настя и помчалась к стоянке такси недалеко от ее дома.

Девушка поднялась на третий этаж больницы, где располагался ожоговый центр, и направилась к стойке медрегистратора.

— Здравствуйте! К вам сегодня поступал Федор Харитонов? — взволнованно обратилась она к медсестре.

— Да, — предварительно полистав журнал регистрации больных, ответила та, — есть такой. Он в реанимации, но туда вход воспрещен. Однако, его лечащий врач, Смирнов Олег Викторович, сегодня дежурит. Зайдите в ординаторскую, он должен быть там.

В дверях ординаторской Настя столкнулась с женщиной лет сорока в белом халате и колпаке. Он был высокого роста, крепкого телосложения и в очках.

— Скажите, пожалуйста, вы лечащий врач Федора Харитонова? — спросила Настя. — Я его жена.

— Да, — взглянув на нее поверх очков, ответил Олег Викторович. — Ваш муж сильно обгорел. Шестьдесят процентов ожогов. Мы делаем все возможное. Он бредит, и зовет какую-то Настю.

— Это он меня зовет! — взволнованно ответила девушка. — Разрешите мне его увидеть!

— Хорошо, я сделаю для вас исключение. Может это пойдет вашему мужу на пользу. Наденьте халат, шапочку, бахилы и следуйте за мной, — произнес он.

Федор, всегда такой сильный и уверенный в себе, лежал теперь под капельницей, перебинтованный с головы до ног. Несмотря на тяжелые ожоги, он не стонал. Он лишь время от времени еле слышно произносил ее имя. Настя подошла к Федору, взяла его перебинтованную руку и поднесла к своим губам. Она просидела так минут двадцать, периодически нашептывая, сквозь слезы:

— Ты только не оставляй меня, пожалуйста! Вернись ко мне!

Вдруг, она почувствовала, как Федор слабо сжал ее руку.

Он словно хотел сказать ей:

— Я вернусь!

Вошла медсестра.

— Вам пора уходить, — сочувственно поглаживая девушку по плечу сказала она.

Настя нехотя вышла из больницы. Разбушевавшийся ветер срывал с деревьев листья и разбрасывал их повсюду. Они тревожно шуршали под ногами, будоража мысли. Настю, то одолевал страх за

жизнь Федора, ведь шестьдесят процентов ожогов, это очень много! То, вдруг, какое-то необъяснимое светлое чувство закрадывалось в ее измученную душу.

— Он меня любит! — стучало у нее в голове. — Но почему должно было произойти такое страшное событие, чтобы я это поняла!

Настя зашла домой. Здесь было пусто без Федора. Ее душа кричала:

Не цветет у дороги вишня,
Вдаль гляжу — не видать ни зги.
Песен жаворонка не слышно,
В мастерской не шуршат шаги.

И часы на стене застыли,
Словно замерло время вдруг.
Ты мне больше не даришь лилий,
Телефона не слышен звук.

Возвращайся, любимый, прежним,
Возвращайся ко мне без слов,
Вместе с ливнем рассветным свежим,
Вместе с запахом васильков.

Девушке было невыносимо находиться одной в этом большом пустынном доме, и она решила ехать к маме.

Федор выкарабкался благодаря профессионализму врачей, заботе Насти и своему огромному желанию жить.

В один из дней молодые люди гуляли в больничном парке.

Выпал первый снег. Он был нежный, мягкий и быстро таял на асфальте. Однако на ветках деревьев снег оставался нетронутым. Он густо запорошил высокую голубую ель, которая обособленно стояла в глубине парка. Казалось, он обнимал ее своими пушистыми лапами, чтобы ей не было так одиноко. Федор тоже обнял Настю, достал из правого кармана трико письмо с их старым адресом на конверте и протянул его жене. В письме сообщалось, что дочь Федора, Ольга Харитоновна, находится в таком-то детском доме по причине внезапной смерти ее матери.

— Я долго не мог с ними связаться, — начал Федор, — но вчера ко мне приезжал Андрей. Помнишь, он жил с нами в поселке в соседней квартире?

— Да, он мне звонил, и я сообщила ему в какой ты больнице, — ответила Настя.

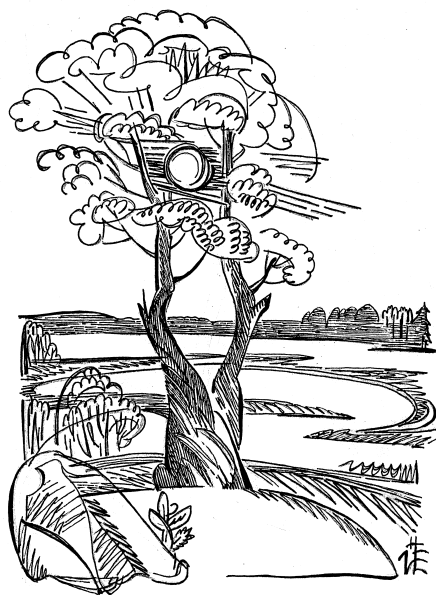
— Так вот, — продолжал Федор, — он привез мне это письмо. Оно по чьей-то халатности долго пролежало в чужом почтовом отделении. Теперь ты все знаешь.

Федор вопросительно взглянул на жену...

Наступило молчание, которое длилось совсем недолго.

— После твоей выписки мы поедем за Оленькой, — решительно произнесла Настя. — У нас ей будет лучше, чем в детском доме.

— Спасибо, родная! — крепко обняв Настю, обрадовался Федор. — А потом я обязательно возьмусь за ремонт дома. Надеюсь, со временем в нем зазвучит не один детский голос...

Люди-меч¹

Пусть не давит он нас, неотёсанных, перст,
Указательный перст указующий.
Нам указка — ничто, уж такие мы есть,
Что глыбеем от окриков пуще.
Ну, а если не горлом, а вздумаешь сжечь
Эти наглые чёрные глыбы?
Глыба-люд, закалившись, рождает люд-меч,
И не скажет за плавку спасибо!

Преодоление

Спой песню про безногого,
Спой песню про безрукого.
Спой песню о Маресьеве,
Напой о Харе песню нам!
Но жалче нам бездушного,
Но жалче нам безмозглого,
Но жалче нам забытого,
Безвестностью убитого
Небес Сократа мудрого,
Земли титана грозного!

Курыта учатся летать

О высоте лопочут сёла,
Идёт летать цыплек весёлый,
К прогрессу надо прирастать!
Курыта учатся летать!!!
Летают станции «Салюты»,
И курам, как честному люду,
Их позывной мешает спать.
Курыта учатся летать!!!
Шагают куры с орденами
К себе куриными путями
Во двор — куриный корм клевать.

¹ Стихи печатаются в авторской редакции.

Курята учатся летать!!!
Мы высоту задором сломим,
Задор крылат крыла дипломов,
И нас слепцам не осмеять —
КУРЯТА УЧАТСЯ ЛЕТАТЬ!!!

Песнь о Петре Великом

Не забывай те грозные года,
Когда была Расея молода,
Ея пороли гордые ветра,
Она мужала гением Петра.
Поклонимся великим тем годам,
Тем славным господам и их рабам,
А пуще — Императору Петру,
Тому, о коем плачем на ветру,
Лефорту, Сашке, Брюсу, Репнину,
Всем тем, что в люди вывели страну.
Всем миром, всем народом, всей семьёй
Помолимся за наш Петровский строй!

Нашим родителям

У холодного моря зябнет липкая пена,
Там где мчится поезд «Воркута-Ленинград»,
Комсомолка сыграла на уроке Шопена,
Но её не размазал пистолета разряд!

Рассказ ваганта-1905

Сердце осветил гитары сполох,
Хрыч я хрыч, но хрыч весьма весёлый,
В полночь будет мне сто десять лет:
Я приличий общества боялся,
Но зело за юбками гонялся,
Хоть я, может, вашим дедам дед!
На толкучем у блатного Макса
Отхватил за рупь трёхтомник Маркса,
И пока читал, мой борщ прокис.
Тут меня декан-легаш увидел:
«Ты Его Величество обидел,
С книжками нечистыми кати-ись!»
На царя я в знатной был обиде,
Шёл с нирверситета в пьяном виде,

Напоролся где-то на толпу.
Думал: ну, скоттит горячка,
Прочихался, вижу: стачка,
Точно в Клязьму, сиганул в борьбу.
Пособлял нам Саваоф Создатель:
Сто городских пришили за день —
Всё равно нам жись — без смерти смерть.
Свищет Власть ехидною рогатой,
Нас у своего Христова брата
Принудив отнять сей грешный свет!
Нет прозой тех лет багряной прозы:
Вонь в «холодной», на газоне розы,
Словно дамы пахнут. «Ну, прощай,
Ревуяр, смутьян, извольте ехать,
Можешь жить в Республике и в Рейхе,
Там бунтуй, голубчик, не скучай!»
А, братва, мне стало не до скуки —
Отдал сердце, голову и руки,
Яко в потрошилку, я за вас.
Выпер сотню монархистов
И борцов с дворцами выслал,
Как пришёл промозглый славный час.
Посылал декана я без мата,
После занял место в деканате,
Лучше всех в Совдепии живу.
Только если обыватель —
Наш советский воспитатель —
Враз его диплом при всех порву!

Сказкам К. Паустовского

Брови из дыма над глазом сигар,
Кружится жук. «Прилетел на пожар?» -
Синька догадки. Дым на крыле.
И засыпает жук в серой золе.
«Не от пожара ль рождается жук —
Лето на зелени смачной прожить,
Смерть есть пожар — значит, смерти он друг,
Чиркает — к горю в ночную позднеть?»
...Вам, Паустовский, лире болот,
Жалко в костёр было бросить сосну.
Как вы призывали с листочных «охот»
В сказке жука на войну?

В ржави горящего горла войны
Был он последней ласки жучок.
Плакали сказки без чистой воды,
«ИЛ», богатырь бронированный, взмок.
Галькой зубовно стучала Ока,
Рыжий прожектор — победы маяк...
Чёрно ревел жук в глазу. Чуял враг
В драном белье нашей мести рога! —
Это серьёзней путчей пивных,
Это острее касочных рог!
Хлюпеньких слёз — болотных, гнилых
Не принимает слёзный поток!
...Сушит асфальт, как картошку, листву,
Где-то табачные косят цветы.
Жжём мы костёр. И на дым на траву
Живность явилась с рогом крутым.
Снова пахнуло огнём из газет:
Хочется, словно тех касок рогам,
В боль примужиченным жирным мозгам,
Чтоб на пожар полетел мертвоед.
Только ракеты крылу не скосить
Рог у жука и цветка огонёк!
Мудрому пламени хватит сил,
Сила горячая, жук-носорог!

Пабло Неруде

С горькою бедностью с вами, герой,
Сладкий закат отстреляли.
Молнию-землю с прахом-землёй
Мёртвой решёткой распяли.
Молнии тело билось огнём,
Горы — сгорбаченным трупом.
Выкрали ваше живое перо
Пальцы друзей, что преступны.
Реки текли в Магелланов пролив,
Пил океан за свободу.
Видим, что карой из песен твоих
Тучи шагали и годы.
То не война, то — карающий миг:
Молния с мыслью сойдутся —
Взрыв... Не один своротился язык
С тёмным сочувствием куцым.
Только воскресшие жертвы рыдать

На фотографиях будут.
Ваша свобода — нам — взоры назад,
Мука — не водится с блудом.

Фронтовому поэту В. Баранчеву

Словно жаба с губами крашеными,
Над Вселенной потомок гундит:
«До чего примитивна лажа —
Исаковский, Сурков и Дудин!
Грязь безвременья? Понимаем,
Но зачем же в поэты лезть —
Северянин в выси монбланит,
И другие Антеи есть!»
Слушай, сдоба снобистая пышная,
Слушай ты, теоретик-свин,
Хоть во лавры безбрежно пишется,
Нас хранит неподкупный гимн
Баранчева-сталинградца.
Промороженный Сталинград.
Чуть безграмотно гнутся пальцы,
От мороза почти звенят —
В них живая стучится искра,
Не богемы туманный сплин!
Слышишь, пышная сдоба снобистая,
Слышишь ты, теоретик-свин?
Из дерьма в светлый век не протопаешь,
Но за демоном и божеством
Шёл прогресс первобытными тропами,
Шли светила кровавым путём.
Я в себе, словно зверя, гения
Изничтожу в зловонный прах,
Коли кол забью на военных
Непогибших нагих стихах!

Песни палачей

«Слово для искусства слов — священно,
А страдают люди — ну, так что ж!»
Чей-то прадед кайзеровским пленом
Отвечал за ту чужую ложь.
«Мглистый век не хочет серебриться,
Стих наш серым оловом застыл».
Да живут по веку и по триста,
Кто казну неправды рассказал!

Вы, живя над старыми костями,
Вновь поёте песни палачей!
Я извечно буду драться с вами,
Умирая в серебре ночей!

Песня

Когда корабль Земли в безумье тонет,
С горючей бойни роем мчатся тени,
Пытался смерть убить ты многотомьем,
Но шибче вниз идём, товарищ Гений.
Ты боли не щадил, чтоб к солнцу далее
Пришла Земля рабочей ночью звёздной,
Ты — не чума, но шёл девятым валом,
Спасал и убивал, товарищ Грозный.
Смешал ты сдуру золото и светила,
Ракеты, зёрна, мудрость мерил лупой.
И нищета, и бездны отворились
Свечением твоим, товарищ Глупый.
В ленивый холод цветшая гвоздика,
Огонь подземный с песней поднебесной,
От дикарей спасём твой миг великий,
Твой честный миг Земли, товарищ Честный.

Песня московского ваганта-1983

Жар — как столб. Весна царит. Насекомое лежит,
Словно девочка в купальники цветастом.
Снится звёздный кавалер. О наличье строгих мер
Ей откуда сведений набраться!
Приближается вагант — не поэт, не музыкант,
Дух весенний поднялся весёлым тестом.
Словно старым утюгом, по красотке — сапогом —
Только мокрое цветное сохнет место.
Тут прискрипался старик: «Пацаньё плюёт на крик,
Раз — и нету нимба солнечной дивчины!»
Пацанья готов ответ: «Эй, идейник, жрец газет!
Нарушала трудовую дисциплину
Эта барышня сейчас. В пляжкостюм «павлиний глаз»
Нарядилась, развалилась, и ни слова!»
Хрыч подальше припустил: только в бане пиво пил,
А ходил директором столовой!

Песня деда Мороза-1984

Декабрьская полночь черна и сыра,
Дожди на прудах оскользаются,
Прижался к траве, что по-волчьи сера,
Огромный белёсый заяц.
Висит над страной бесснежный прогноз,
На пасмурный морок похожий.
«Прохожий, привет! Это я, Дед Мороз,
Виновник зимы непогожей!
Любая снежинка и капля, поверь,
Запомните, внуки и деды:
Когда-то дрались за Отечества дверь —
Теперь защищаем планету.
Я бросил морозное дело своё,
Европа бушует недаром,
Не терпит угрюмое брюхо её
Притихших вселенских пожаров.
Мороз — пустыки пред всеобщим концом.
Шагаю по лужам угрюмым
По миру простым переходим певцом,
Запятав в багажник юмор.
И мирной зимой будет лёд голубеть,
И синий морозец будет,
И снежной пылью липа с дубом звенеть,
И холод людей не остудит».

Ноэль ваганта-1985

Не ведая Веры и страха, мы,
Несясь из постели в постель,
Подколем большие умы страны,
Сварганим крутой Ноэль!
Живёт на свете один мужичок,
Имеет он пять бунгал,
Он року покорен, как сытый бычок,
И жёнам ставит рога.
«Бухгалтер — поэт? Не чрезмерна ли честь
Великие выдать слова,
Что жизнь такова, какова она есть,
И больше никакова!
Позвольте, бухгалтер, при чём тут честь —
МНЕ веком даны права,
А жизнь такова, какова она есть,

И больше никакова!»
Пришёл наш титан к тётке Маше в роддом:
В пожаре январских звёзд,
Как скажем на нашем жаргоне родном,
«она заимела хвост»!
Пришлось тут ему колыбельную петь:
«К чему мечты синева,
Ведь жизнь такова, какова она есть,
И больше никакова!»
Но честен младенец, что в крупах каш
То грозное слово нашёл,
Каким раскидал фальшивых папаш,
И мёртвый словесный шёлк:
«Давно уже смертью повергли смерть,
Сидящую нынче в вас —
Ведь жизнь такова, какова она есть,
И больше никакова!»

Старый марш-1985

Всё, что наше, мы сделаем нашим,
Не отнять ни глубин, ни миров.
Мы шагаем под старые марши
Дальних стран и далёких голов.
Начинаем, начинаем,
Станет правдою бывший обман,
Начинаем, начинаем,
Аж до солнца встаёт океан!
Заступись за хрустальные ночи,
За горячую рыбу зари!
Кто сгореть в полминуты не хочет,
С этой нашей минуты горит!
Надоело, надоело
Ждать ветров у ленивых морей!
Надоело, надоело —
Вскипятим нашу кровь поскорей!
Надоели холодные слёзы,
Не согреться лучами речей!
подавай к электронному возу
Незапятнанных нам лошадей!
Поскорее, поскорее,
Всей Землёй за обиженных — шаг!
Поскорее, поскорее,
Но зазря не чеши свой кулак!

Прочь, проруха великого века,
Отпусти наши пятки, беда!
Обнимитесь, мечтучее небо
С практикучей землёю труда!
Неудачи, неудачи,
Вы не смейтесь на нашем пути,
Неудачи, неудачи,
Берегитесь — мы вас победим!

Тридцатые годы

«Это тебе не буржуйский возок,
До Соловков пробавляйся подводой!»
Подан трудягам хороший урок.
Так начинались тридцатые годы.
Мент по зубам тебе смачно даёт:
«Гад иль дурак — опоздал на работу?»
Только Мадрид от расстрела спасёт.
Так продолжались тридцатые годы.
Красная площадь. Тюремный рассвет.
Прахом чернеют Москвы-реки воды.
Свастика шлёт комсомолу привет.
Так завершались тридцатые годы.
Небо обманет, и льстиво на свет
Тянутся черви несчастной породы.
Ищем на камне на голом ответ,
Чем же богаты тридцатые годы.
Годы могучие-славные, годы дюрала и Сталина,
Так они тяжко ползли, что не увидать земли!
Даже рождённые через года
Двери от вас запирают всегда
На ночь, о, славные годы!

О МОИХ РАДОСТЯХ И О ЧУДЕСНОМ ПРЕБЫВАНИИ В ДАЛЕКОМ СЕЛЕ

(Написано благодаря нахлынувшему потоку вдохновения)

Лежу себе ночью, не спится мне. А мысли идут подобно варяжским богатырям, и остановить их никак не получается. И я решил записать их, дабы не прошли они попусту. Редко бывает такое, когда вдохновение проливается на тебя, подобно манне небесной.

Но ладно, оставим пафос и перейдём к тому, что решил я отразить на экране монитора.

А все-таки интересный год этот 2016-й. Нет здесь никакого надоедливости и угнетающего душу, застоя. Нет никаких серьезностей, которые бы ставили в тупик. Да, год еще не прошёл, но ему я уже благодарен. Да, что в будущем ждёт меня — я не ведаю, но, конечно, надеюсь на лучшее.

Как ни странно, лучшие времена в этом году я провел в моей деревеньке. Казалось бы, великолепное это чувство, когда все вокруг тебя знают. Ты проходишь по деревенской улочке, и все машут тебе руками и здороваются. Особо добрые крестьяне предлагают зайти к ним и разделить порцию добротного спирта, которое очень поднимает настроение. А уж наши московские родственники, приезжающие в село, горазды иметь при себе всякие тайники с драгоценным спиртом. Правда, от него можно так накачаться, что потом домой будешь еле ноги волочить. Будто бы весь мир встанет задом наперед и будет тихонько тебя шевелить, а ты — будто бы в ином измерении, так как ты находишься в диком опьянении. Сложно описать те чувства, которые я испытал. Деревенский алкоголь действительно оказывает на человека странное влияние.

Но помимо алкоголя есть еще и другие развлечения, правда?

Прогулки! Чудно гулять по вечерней деревеньке с палочкой в руках. Ощущаешь себя неким представителем давно ушедшего сословия. Ты будто бы где-то далеко в том времени, когда еще жил драгоценный Александр Сергеевич Пушкин. Ты идешь и глядишь

на прекрасные пейзажи, и чувствуешь душу природы, а в голове тем временем рождаются новые прозаические мысли. И после прогулки ты возвращаешься домой, берешь записную книжку и делаешь несколько набросков.

В родной деревне даже трудности с давно надоевшими бумажными проблемами кажутся чем-то интересным и веселым. Ведь все вокруг тебя знают и помогают.

Особенно Володька! Хороший парень, правда матом выражается, как кожевник настоящий. Но добрый такой, что подобных более и не сыщешь. Всегда приходит на помощь и всегда бескорыстно. Мы с ним не только бумажные дела решили. Мы так с ним садик мой драгоценный преобразили, что он теперь долго будет радовать глаза приходящих людей. А самое главное, теперь мой садик стал еще красивее чем был прежде. И в то же время мы с Володькой выстригли весь сорняк, а то такие заросли были, что недолго и заблудиться. А уж наткнуться на какой-нибудь камень — можно было элементарно. Но теперь уже не будет такого. Володька поработал на максимум... Молодец Владимир! Горжусь что у меня такой отзывчивый родственник!

И все это ведь моя деревня! Моя родная! Здесь все свое, родное, любимое и такое дорогое! Дорогое твоему сердцу, твоей душе.

И самое главное, в родной деревне никогда не сыщешь проблем с одиночеством. Пусть некоторые и дальше молвят по поводу того, что в деревне совсем делать нечего, и что пора уже переселяться в города и забивать на эти крестьянские избы, ровно как и на ту размеренную жизнь. Пускай они бормочут сколько сил хватит в их языковых мышцах.

Пускай! Но у меня все равно мнение не изменится.

Это моя деревня, это моя родина. А необязательно родина является тем местом, где ты родился. Ведь говаривали мудрецы, что родина это то местечко, где душе хорошо и приятно.

Если привязываться к этой буквальности, то почему бы не считать родину роддомом, и не ездить туда на свой день рождения и не справлять там праздники?!

Хах, это даже представить смешно!

Возвращаясь к моей начальной теме, я скажу также, что отлично проводил время не только в деревне. Конечно, в деревне большую часть, как и говорил. Но были у меня хорошие моменты и здесь, в старой Москве.

Здесь я научился ловить каждый момент своей жизни. Ведь ничто же не вечно и не бесконечно.

Только лишь вселенная.

В Москве я отлично проводил время со своим хорошим другом Сашей. Мы ездили на ВДНХ, обсуждали литературу, беседовали на разные темы. Это раньше, еще давно, я все Москву словами дурными обкладывал, но теперь я научился и здесь проводить отличное время.

И всё-таки хороший этот 2016й год. Такой интересный и неповторимый. Едва стоит замолвить слово о застое, как его как будто метлой погнали.

И ты наслаждаешься порывом событий и круговоротом мыслей в твоей голове.

Но ладно, пожалуй закончу на этом. Это были мои мысли, которые подобно табу на монгольских добрых коней, пришли на луг, и я отразил их в этом маленьком, совсем микроскопическом эссе.

Пока вдохновение охватывает твою душу, лучше открыть для него двери и писать, писать, писать. И вам, читателям, я также советую.

Вспомните Александра Сергеевича, отца нашей русской литературы. Ведь он так и делал, просто записывал приходящие в голову мысли. Пушкин был уж явно не глупцом. Так что берите с него пример, быть может, что-нибудь поистине громкое сотворите... Настолько громкое, что на века запомнят это люди!

«ВОЛОДЬКА»

(внимание в тексте присутствует деревенская речь, просьба морально подготовиться. Это называется реализм)

Решил рассказать и про моего хорошего друга и родственника дальнего. Думаю тебе, мой читатель, будет интересно! Вот только представь!

До чего добрый этот Володька! До чего добрая у него душа! Вот казалось бы, мужик работает половину дня и помогает тётце с крышей, а тут приходит какой-то мелкий вроде меня и ещё что-то требует. Другой бы уже сразу послал читать слово на заборе, как, например, Ванька. Ванька тоже не злобный кент, но коли у него дела сердечные, так всех шлёт по миру. Я поначалу не к Володьке заглянул, а именно к Ваньке. Но фиг ли там, дверь закрыта, а на ней гигантская надпись «Не беспокоить». Селяне говорили, что к нему какая-то женщина приехала. А я-то совсем в удивлении пребывал. Ваньке-то уже, ни много ни мало, 65 лет! И как у него ещё энергии хватает на любовные дела? 65 лет мужику, уже старый совсем, а вроде с достоинством мужским всё более, чем оки-доки.

Но да ладно, перейду-ка я лучше к делу основному. Итак, Ванька не помог, ибо занят был со своей барышней. И куда я, думаешь, пошёл? Правильно, зашёл к Володьке на хату. Володька хоть и низок ростом, но добротный мужик, сильный и подтянутый. Настоящий Конан-варвар, хоть и не с такой офигенской гривой волос на голове, как у нашего киммерийца. Когда я пришёл к Володьке, то он был сильно занят. Тётце помогает чинить крышу. Тётца же его сказала, что он вообще весь полный день на ногах.

— Ну ни фига себе, — выпалил я, услышав эти слова, — целые сутки крышу чинить! Да я бы задолбался уже за один час этого времени. Прости Господи, я хоть сам не слабый, но в жару бы не стал так долго корячиться.

— Что поделатъ, — отвечала его тётца, — я его не заставляю, просто попросила. А он сам взялся. Говорит, что пока не сделает — спать не ляжет.

— Добротный мужик, — улыбнулся на это я, — таких сейчас совсем не найдёшь. Все какие-то страдальцы вокруг стали.

— И не говори, — сказала на это женщина, — мужиков то, блин, почти уже не сыщешь. Одни вяленые воблы. А Володька наш то, что надо!

Я зашёл на хату к Володьке и попил чайку. А потом появился и сам наш герой. Он немного отдышался, затем вылил на себя ушат воды. После сего он переоделся в новое бельё, так как старое совсем уже было непригодным. Между тем на улице было не меньше 40 градусов. Это ж как можно в такую погоду хреначить на крыше?! Нет, это уже слишком.

— Володь привет! — крикнул я своему другу.

— Здравова Сань, — ответил он мне. — Фух... ну и устал я однако. Но дело есть дело.

— Я бы уже обалдел на второй минуте, — улыбнулся я, — а ты прям как будто в мороз хреначишь! Тебе что снег, что зной!

— И что дождик проливной, — задористым голосом проговорил Володька.

Мы попили с ним водички, а затем я нашёл в себе силы попросить его о помощи. А ведь как было неудобно это делать. Ведь человек полдня кочует на крыше весь в поту и на жуткой жаре, а тут я ещё придрался со своими вопросами. Подобные мысли охватывали мою голову.

— Володь, слушай, у меня тут дело, — набравшись энергии, проговорил я. — Ну короче.... Помощь нужна.

— Да говори, не вопрос, — сказал Володька.

— У меня там провода меняют в доме, — объяснил я. — Электрик приходил с утра, часа два теребился над этой проводкой. Слава Богу, хоть сказал, что всё не так худо, как я думал.

— А в чём помощь-то? — спросил меня друг.

— Да это.... — замаявшись, отвечал я. — Короче говоря.... электрик сказал, что нужно заросли срубить, а то мешать будут. А иначе он хрен за дело возьмётся. Поможешь? Я тебе DVD плеер с дисками отдам.

— Да помогу, помогу, не вопрос, — тут же послышался голос Владимира. — Много там вообще делать?

— Ну вообще да, но я тоже сидеть не буду на месте, — ответил я. — Ты понимаешь, почему я прошу... У меня видишь, рука ещё пока плохо работает. Перелом был со смещением. Ну я рассказывал.... Короче, тяжело одному будет. Там настоящий тарарам. Эта чертовня сорняковая чуть ли не в дом проросла. Хорошо, я в июне там хоть немного убрал, а то бы вообще джунгли были. Того и гляди, тигры заведутся. Заповедник, итить твою мать, открывать можно будет.

— Оки-доки, — улыбнулся Володька. — Сделаем, братиш!

А улыбаться он очень любил. Это было неотъемлемой частью его характера. За это я и его люблю.

— Когда приходите? — последовал вопрос Владимира. — Во сколько надо?

— Вечерочком или чуть пораньше, — ответил я, — Я дома буду, не боись. Инструменты у меня есть.

— Да я свою косилочку.... эх, — сказал мне друган, — у меня свои добротные есть! Инструменты! Приду к тебе часа в четыре и начнём.

На том мы с ним и порешили. После этого я распрощался с Володькой и его родственниками, и последовал по большой улице домой.

Володька слово сдержал. Он по-королевски пунктуальный. Пришёл прямо ровно в 4 часа. По нему можно часы проверить, боже ты мой! Сам мистер пунктуальность собственной персоной!

Пришёл Володька уже с инструментами и огромной газонокосилкой. Мы работали с ним часа два. С моей рукой я не мог пока много корячиться, а друган мой выполнил всё на ура. Мало того, что он срезал то, что просили электрики, так ещё и начал жёсткую работу по удалению сорняка.

А сорняка на участке было в прямом смысле до чёртиков. Володька сделал всё, что было в его силах. Он по-реальному перевыполнил план. Такой человек действительно заслуживает уважения. Респект Володе за такую помощь! Респект братиша!

Ближе к вечеру работа была завершена. В итоге, Володька скошил всю траву на участке, удалил все сорняковые растения и надоедливые заросли, мешавшие ходить. Более того, не знаю как получилось, но один из кустов малины пророс мне прямо в дом. Я сначала не замечал его, а потом пригляделся, и увидел, что прямо под окном торчит огромная ветвь. Она оказывается была скрыта из-за стоявшего рядом кресла. Володька даже куст вырвал.

Я ещё так прикольнолся, помню.

— Так малина же, — смешливо проговорил я. — А чё, зашибенски будет, если плоды пойдут. Протянул руку лёжа на диване и сорвал пару плодов. Прямо как в мифических садах Эдема. Не жизнь будет, а рай.

— Да ладно, на улице тоже малины полно, — улыбнулся Володька, — Нехер мечтать!

Мы посмеялись от души. Но на этом работа не закончилась. Володька скошил ещё и траву у дальнего забора, чтобы можно было ходить уже по всей территории со спокойной душой. Потом мы с ним отпили чайку и поговорили по душам.

Наутро же я отдал ему то, что обещал. Удивительно, но он долго ломался.

— Да не надо, Сань, — говорил Володька, — ну чё ты.... Зачем? Ну ладно.... Спасибо!

— Да возьми, — с усмешкой проговорил я, — не помешает. Дома с женой будешь крутейшие फिल्мецы поглядывать. У меня тут дисков 20 штук.

— Ну ладно, возьму! Уговорил! — шутливо ответил на это Володька. — Уговорил, парниш!

— Ты только лучше вначале посмотри Аватар, — сказал я, — безумно классный фильм вышел в натуре. Спецэффекты просто отпад!

— Слышал я, — ответил Владимир. — Слышал. Посмотрим сегодня вечером. Что-нибудь этакое пре-этакое. А то целый день до изнеможения пашешь..... Как крестьянин петровских времён. Не дают покоя бедному мужичку. Хе-хе!

Спустя минут десять, я уже провожал Володьку из дома. Мы обнялись, и он тут же со скоростью мухи умчался к себе на хату. Не успел я оглянуться, как его тачка уже ехала в полкилометре от меня.

До чего добрый этот Володька! До чего добрая душа.

Другой бы парень взял бы большую сумму с меня. А он — не такой человек, вовсе не такой. Добрый он парень, добрая душа и доброе сердце. Таких действительно уже почти не сыщешь в наши дни.

ДУМЫ

* * *

Синоптики обещали грозу,
Но над головой
Синее небо
И ласкающий кожу бриз.
Специалисты ошиблись?
Нет!
Её взял напрокат
Мой сосед Вася!
Он ругается со своей женой,
Мечет молнии и громы,
А супруга поливает квартиру слезами!

* * *

Внезапно на мой рабочий стол
Прыгнула огромная жаба
И, ухмыльнувшись, проскрипела:
«Катись отсюда, старый хрыч!»
Я вскочил и бросился бежать.
Теперь боюсь на работу приходить.
А вдруг это чудовище
Прискачет наяву?

* * *

Внезапно мне пришло в голову,
Что я птица.
Я разбежался и полетел.
Потом появилась мысль,
Что я — конь.
Я спланировал и поскакал.
Далее, я представил себя ужом
И зашуршал среди трав.
А вот представить себя

Могильным червем
Я просто не могу,
Хотя, б-ррр...

* * *

Еду в поезде.
Сбоку сидит лягушка в очках
И книгу читает.
Рядом с ней — заяц
В барабан бьёт
И тихонько хихикает.
Напротив — крокодил храпит,
Повернувшись к стенке.
Ну и компашка!

* * *

С некоторых пор
Со мной происходят странные вещи:
То руку оторвут,
То — ногу поранят.
А недавно
Вырвали язык.
Я бегал как сумасшедший,
И никто не хотел поверить в это.
А сегодня
Мне оторвали голову.
Как я теперь буду
Смотреть людям в глаза?

* * *

Когда у меня появляется
Свободная минута,
Я чищу звёзды.
Особенно люблю
Это занятие ночью,
В ясную погоду.
Снимаю Полярную Звезду,
Затем звёзды Большой Медведицы,
Арктур,
Голубую красавицы Вега.
И как здорово
После этого действия

Выпускать их обратно.
Они сверкают,
Благодарят!

* * *

— Думай поэтически! —
Твердила мне муза, —
Сколько можно повторять
Одно и то же.
— А если этих мыслей
Нет,
Что тогда? — спросил я.
— Будь философом, —
Выкрикнула она
И вылетела из окна.

ЧЕРНЫЙ ЦЫПЛЕНОК

Алена сидела на диване и смотрела телевизор. Ее муж лежал рядом. Человек строгий и честный, деловитый до мозга костей, он буквально дышал своими рабочими делами, а посему и дома по возможности старался от них не отвлекаться. Роман и сейчас перечитывал какие-то документы, время от времени лениво бросая взгляд на экран «ящика». Он не любил попусту тратить даже минуту и считал, что телевизор — это «заразное» достижение техники — отнимает у людей уйму времени, развивая в них хроническую «болезнь дивана», а непрерывная демонстрация мультфильмов с нелепыми чудовищами и пошлых рекламных роликов, несомненно, нарушает некрепкую психику детей, превращая их в жертв телевидения.

И тут по каналу «National Geographic channel» началась трансляция программы о жизни гепардов. Гепард для Романа был как талисман. Он отложил бумаги и с удовольствием перевел взгляд на экран, так как восхищался природной грациозностью этого животного, разительно отличающегося от всех прочих в диком мире. Даже в кабинете на рабочем столе в рамке Роман хранил старую фотографию, вырезанную из какого-то журнала, с изображением семьи гепардов. На ней, напоминая тех счастливых людей, у которых нет никаких врагов, малыш, закрыв свои милые глазки, беззаботно спал на груди у матери, и та будто бы обнимала своего детеныша, защищая его от жестокостей окружающего мира. Вся картина словно пропиталась материнской любовью, от нее веяло теплом и нежностью, пусть это и был дикий животный мир.

Ведущий передачи жалостливо повествовал о том, что мать двух гепарденышей погибла в борьбе за существование и малышки остались сиротами. К счастью, неподалеку от места их обитания расположилась научная экспедиция; отзывчивые и добрые люди этой команды забрали котят к себе и стали о них заботиться. Отснятые тогда на досуге кадры с забавными играми двух непрестанно движущихся неразлучных кошек — брата с сестрой — показывали теперь телезрителям в качестве познавательного материала.

— Уютный вечер начинается! — удобно располагаясь на диване, довольный Роман не удержался и поделился с женой своими эмоциями: — Какие же они всё-таки красавцы!

— Как из сказочной страны! — согласно кивнула Алена: она и сама сидела, умиляясь природной идиллии. — Просто красивое явление природы...

Горсточка счастья нередко безвозвратно утекает меж пальцев, также и все хорошее когда-нибудь заканчивается, причем это, как правило, случается неожиданно. Такой вот закон подлости! Один из котят, не чувствуя неладного, спустился к реке, чтобы утолить африканскую жажду, но едва он прикоснулся губами к воде, как в тот же миг из нее вынырнул крокодил и схватил кроху. Реакция кошек — предмет зависти многих спортсменов, а скорость, которую развивает гепард, большинству российских автомобилей не под силу, но даже эти способности не спасли малыша от лобового столкновения с суровой реальностью. Безобразное громадное земноводное как ни в чем не бывало развернуло свое, казалось бы, неповоротливое тело и поплыло обратно, показывая миру собственную гадкую изнанку: «Знакомьтесь, я — часть мира наравне с вами!»

Неравное и подлое единоборство произошло настолько внезапно, что почти всегда невозмутимый муж содрогнулся: его словно громом ошеломило. «Вот это называется ни за грош пропасть!», — первые секунды он еще не верил своим глазам. «Да-а-а, закон природы, говорите? Побеждают сильнейшие, значит? Ну-ну! — Роман мысленно ядовито передразнивал ведущего передачи, а гримаса на его лице была красноречивей всяких слов. — Только забыли добавить: к тому же — самые отвратные и хитрые!»

Да разве нормальному человеку такая несправедливость понравится? Полный возмущения, положив руку на сердце, будто спрашивая «Что здесь происходит?», он повернулся к жене, чтобы поделиться с ней своими размышлениями, но увидел, что ее глаза полны слез.

— Что ты плачешь? Перестань, пожалуйста, — утерев слезы, катившиеся из ее глаз, Роман погрузился в печальные мысли. — От мерзости защиты нет, хоть голову с разбегу об стенку расшиби! Еще советую: «В экстренных случаях обращайтесь по такому-то телефону!» Куда?! Кто ему сейчас может помочь? — проговорил муж дрожащим голосом, пытаясь отвлечь Алenu. — В этом случае способность языка называть вещи своими именами теряется.

— Не могу... — даже эти слова она произнесла с трудом. — Не могу на такое ужасающее зрелище смотреть. Чем заслужило такое суровое и жуткое наказание это невинное маленькое создание — символ красоты дикой природы?

— Ну да, согласен. Как бы выразиться лаконичнее? — Роман подумал минуту и, выделяя некоторые важные аспекты своих знаний, продолжил: — Картина, конечно, тошнотворная. Особенно на сон грядущий... В кошачьих хоть благородство есть, они жертву мгновенно душат, а эта зараза, соответствуя своей сущности, вращаясь в

воде, разрывает красоту в клочья. И зачем, спрашивается, аллигатору такой мелкий кусок? На один зуб положить? Но все равно позарился!.. — сделал паузу Роман, размышляя, как успокоить жену, затем, собравшись с мыслями, сказал: — Жалко, что тут говорить! У бедного котенка и так было не звездное детство, теперь и туда возврата нет, — и он со злобой выключил телевизор. — Куда деваться? Жестко отплачивают нам за нашу верность и природа, и государство...

— Правильно сделал, я тоже не хочу этого больше видеть... Гнусная, мерзкая, уродливая тварь! Чирей ему в глотку! Если бы у меня была власть, для свалки мусора со всего мира выбрала бы именно то место, где живут такие гады! Пусть размножаются в среде, которая им больше подходит, — в воспетом сборище негодяев! — охваченная безрассудством, выплеснув свою ненависть, она унялась и уже ровным голосом продолжила: — Я просто вспомнила похожий случай из детства. Правда, это не самое давнее детское воспоминание. Поэтому и приняла всё так близко к сердцу, — голос ее опять затрепетал, и Алена пробормотала себе под нос: — Жалкое ничтожество...

— Да? — удивился муж. — Хм, я не знал, ты мне никогда не рассказывала.

Алена помолчала минутку, стараясь притупить адскую боль души. Зеркальную гладь ее очей будто заволокло дымкой воспоминаний, и она начала свой рассказ...

«Ну, слушай. Училась я тогда, наверное, в классе пятом или шестом. Ежегодно, начиная с апреля, у нас во дворе бегало несколько кур с цыплятами. Как раз в том году у одной наседки они получились разноцветные — желтые, белые, коричневые с темными пятнышками, но один из них отличался от всех — был совершенно черный, как сажа. А ножки — малюсенькие, желтые. Когда эти маленькие, еще неоперившиеся создания носились около дома все вместе, то он виднелся издалека. Я сразу полюбила играть с ним; если день стоял погожий, приду из школы, брошу портфель — и бегом к малышу, точно на свидание тороплюсь», — тут Алена не смогла удержать улыбки. — «Мне так хотелось взять его на руки, погладить мягкий пушок, потискать, но схватить цыпленка удавалось не всегда: его мать все время была начеку. Собственно говоря, и моя мама умело держала под присмотром все домашнее хозяйство, включая меня, и как охранник важного военного объекта наблюдала за всем, что происходило во дворе.

— Полюбуйтесь-ка на нее! Что ты в нем нашла? Шла бы уроки делать, а то носишься по огороду под палящим солнцем! Прямо голову потеряла, — сетовала она, присматривая за нашими забавами. Ворчливость ее меня не пугала, я знала, что наказания не последуют. — Иди, делай уроки, — и почему-то настойчиво повторяла: — Иди, делай уроки!

— Ну, мамочка, я только чуть-чуть поиграю, он так мне нравится! А потом пойду заниматься, обещаю.

Я как пришла со школы в традиционной для тех времен школьной форме, так в ней и побежала к любимцу. Мать только покачала головой и ушла по своим делам. Что она могла сделать? Меня будто магнитом тянуло к этому цыпленку. Однажды, наконец, мне повезло: черный пушистый комочек пробежал очень близко. Я не упустила возможности поймать его и прижать к себе, как самое дорогое существо. Он был такой милый, теплый, но глаза смотрели грустно, словно просили: «Отпусти меня на волю!».

Чтобы даровать свободу, надо быть великодушным! Бесспорно, возможность возродить и сохранить лучшее — это не будничная повседневность.

Мама в очередной раз недовольно заворчала:

— Вы только посмотрите на них! Опять дурью маешься? Задушишь ведь! Это тебе не игрушка, а ну оставь малыша в покое! Ходишь тут, балуешься, вот сейчас горластая сторожиха на тебя нападет, будешь знать!

Она как в воду глядела: не успела закончить фразу, как курица со свирепостью хищной птицы налетела на меня именно в ту секунду, когда я уже опускала Черныша на землю — такое имя само к нему прилипло. «Орлица» издавала резкие звуки, нагоняя жути, и явно целилась мне в лицо. По правде говоря, до этого у меня и не возникло мысли, что наседка могла выклевать глаза любому за своего продолжателя куриного рода. От страха я неистово закричала, попытавшись неумело защитить себя руками, но пернатая «поборница безопасности» была решительно настроена обезоружить противника. Ну, конечно, мама не оставила меня в беде — вмешалась в спор двуногих созданий и прогнала клушу, а ведь та вполне могла устроить головомойку в «горячей» схватке.

— Не бойся! На, попей воды. Она тебе ничего не сделает, подумай, пару раз клюнет, как укольчик поставит, — и в этой ситуации маму не покинуло чувство юмора.

Выхлебала я целый стакан хрустальной холодной ключевой воды и очень быстро забыла, что защищающая своего детеныша мать на многое способна. Думаешь, какой-то урок я из этого извлекла? Разумеется, нет! «Глупцов благоразумию научают несчастья!» — кажется, Демокрит так выразился...» — Алена грустно усмехнулась и продолжила: — «Я хотела постоянно играть с Чернышом, а наседка еще упорнее воевала со мной: однажды, пока я, присев на корточки, кормила малыша с руки, в голову клюнула, в другое время догнала и на бегу успела-таки сделать пару клевков в ноги. А как-то, когда я трусливо удирала от квочки с такой скоростью, будто за мной гнались

ее предки — динозавры, она попыталась взлететь, очевидно, страстно желая добраться до моей макушки.

Мама часто наседку с цыплятами держала под деревянным ящиком с зазорами между дощечками. Малютки не могли оттуда вылезти, но я проворно просовывала к ним свою детскую ручку, чтобы лишний раз погладить Черныша. Курица будто подкарауливала меня, иногда ее клюв оставлял на коже глубокие раны, но и это не удерживало мое любопытство. Мать неустанно отгоняла меня от жилища домашних птенцов: «Опять на дозоре стоишь? Очень серьезная цель! Не трогай ты их, не мешай, пусть поспят!». Да, наверно, она была права: каждый нуждается в теплом и надежном ночлеге, где можно укрыться от холода и опасности. Почему мама держала цыплят под ящиком, я тогда не понимала и как-то спросила ее об этом.

— Их обижают все кому не лень. Для дармоедов чужое добро страхом не огорожено, — коротко объяснила она и пошла заниматься домашними делами.

Присмотревшись к окружающему миру, я убедилась, что не так уж легко приходится слабым в природе! По двору бегали драчливые петушки, целый день спокойно кружащий в небе коршун мог спикировать в любую минуту. Кроме него вокруг летают и другие хищные птицы, да еще сидят в засаде соседские кошки, которые умеют так слиться с природой, что иногда их даже вооруженным глазом не увидишь, и все с одним девизом — «чужой хлеб вкуснее!». Как известно, от всего этого оборона невозможна, неудивительно, что подобное становится «второй природой» человека. Я поняла, что ящик для пернатого семейства — спасительное убежище, и угомонилась. Помню, что даже мысленно спела колыбельную для Черныша: «Спи, малыш, спи, пока спят соколы, и лисица спит».

И вот случилось... Не прошло и месяца с того дня, как вылупились цыплята, когда я, придя из школы, по обыкновению, избавившись от тяжелых учебников, помчалась в сад. День был жаркий, палило солнце. Заметив, что наседка напряженно и настороженно посматривает в сторону густой травы, видимо, оттуда — доступный только ее слуху — до нее доносился какой-то ворошок, я отыскала глазами своего любимца. Но не успела на него наглядеться, как из-под кустов смородины вылетел поджарый полосатый кот и, в мгновение ока, схватив именно черного цыпленка, у которого не было никаких шансов защититься от нападения, исчез с глаз долой, напоминая груженный реактивный бомбовоз. Казалось, кто-то заставил его поступить именно так.

Я как стояла, остолбенев и моргая глазами, так и продолжала стоять. Пронзивший все мое тело мгновенный холод исключал возможность возврата к предыдущему душевному состоянию. Никак с места сдвинуться не могла: правая нога онемела и стала, как кочерга. И дышалось слишком тяжело: словно земная атмосфера потеряла изрядную часть

своего кислорода. Адский шум гудел в моих ушах. Мать Черныша оказалась сообразительней и быстро побежала за котом, который хитрой уловкой испортил всю обедню, но уже было поздно...

Есть ли что-нибудь более ценное и сильное, чем материнская любовь? По-моему — ничего. И вряд ли будет. Кажется, некоторые, разжигая ненависть, становятся преступниками потому, что были лишены материнской любви. Не зря же говорят: «Рай находится под стопами матерей»...

Когда я осознала, что произошло, то забыла обо всем на свете. Со мной случилась дикая истерика. Руки похолодели, стали чужими, непослушными и дрожали. В естественном порыве души у меня возникло только одно желание — поймать этого мерзкого кота и беспощадно избить. Я отдала бы что угодно, лишь бы нанести несколько ударов по его усатой морде. Уверена, что не ограничилась бы этим... Если бы я была способна изобретать, то придумала бы новый сверхскоростной летательный аппарат и бросилась бы на поиски этого злодея и пакостника. Увы, от Черныша не осталось и следа. Закончилось наслаждение красотой, появилась боль утраты, судьба показала свою силу...»

На этом месте эмоциональная и вспыльчивая Алена остановилась и перевела дыхание, слезы катились по ее щекам, казалось, это тучи разразились сильным дождем:

— Беречь мы не умеем, притом ничего... Я понимаю, что они просто звери. Но намного ли мы отличаемся от них? Телесные потребности — пища, одежда, жилище и еще некоторые вещи, — возможно, заставляют совершать за день одно или даже несколько преступлений. Кажется, сама жизнь — сплошное преступление, ибо почему так бывает в окружающем нас мире? И знать бы, что у нас внутри?! Красоту уничтожают. Еще хуже, когда бесценная красота достается не заслуживающим ее. Ничего нельзя сделать... Где-то читала, не помню где: «Красоту нужно показывать только тем глазам, что достойны ее узреть»...

Роман терпеливо дослушал супругу.

— Ты, пожалуйста, сильно не расстраивайся. Что поделать? Чаще всего красивые и благородные люди становятся жертвами. По всей вероятности, их не учили карабкаться как можно выше и дальше от земной мрази, потому что их надежды на человеческую любовь горьки и безрезультатны, — хмуро ответил он Алене. — Прошлым, безусловно, необходимо переболеть, хотя бы для того, чтобы понять, что произошло или что может произойти... — Роман задумался, ему понадобилось немного времени, чтобы найти нужные мысли. — Жаль только, что жизнь нам дают взаймы, и ее волей-неволей придется возвращать, а если вдруг не захочешь — все равно отберут. Может быть, было бы еще лучше, если бы жизнь начали выдавать в кредит,

однако проценты с этой сделки будут посредством аптек получать врачи, забывая гиппократовский принцип «Не навреди!». Дорогая моя, на первый взгляд действительность всегда кажется жестокой. Все жаждут познать истину, но с реальностью многие сталкиваться не желают. В современном мире любовь к собственной персоне достигла уже, как говорят инженеры, критической отметки. Поэтому не думаю, что нас в будущем ждут братские объятия, но, похоже, братские могилы, открыв широкую пасть, постоянно находятся в режиме ожидания, когда же мы умрем не своей смертью. Только на это способны бессердечные отношения...

— Очень часто стучится к нам в дверь грубость, но не вежливость. Было бы интересно узнать: что старше — смех или слезы? Ведь грубая сила в состоянии родить только поток соленой воды. Разве не так?

— Так, дорогая, так...

— Хотим избежать жестокости, а сами поступаем беспощадно. Кто мы, звери или...

Роман не дал супруге дальше развить ненавистную теорию против человечества:

— Милая, биологическая сущность человека — хищник. И закон естественного отбора из года в год полирует этот признак человеческой природы. Но даже хищные звери на тебя станут бросаться только тогда, когда голодны: они, загрызая тебя от голода, не думают, что ты их враг или что они тебя ненавидят. Один молодой философ с издевкой так и сказал: «Хищник загрызет вас не из ненависти, он просто голоден, а вас он любит — есть». А мы... Недавно по телевизору показывали, как на какой-то птицефабрике заболели цыплята. Коробки, заполненные сотнями живых крох, высыпали в мусорные баки, чтобы в дальнейшем их сжечь. Более гуманного способа для уничтожения, видимо, не нашлось. Понятно, что своя рубашка ближе к телу. Ну и что с того? «Сегодня, когда я защищаю двадцать семь миллионов детей, я вижу, как мало среди них счастливых». По-моему, это сказал Павел Астахов — уполномоченный по правам ребенка в нашей стране... Черныш, гепард, люди... Жизнь ведь каждому дорога. Знаешь, что я думаю?

— Всегда размножались, росли, воевали, бывало, успевали стареть, но также всегда и умирали. А природой приказано выжить, — глубоко вздохнула Алена, закинув тяжелую от теснящихся мыслей голову назад.

— Опять умничаешь? — Роман присел к жене, обнял ее и ласково сказал: — Нельзя же обобщать... Нет, другое. Я ни на йоту не сомневаюсь, что последние слова в этом мире в любом случае останутся за женщиной и нежностью...

Ноябрь, 2010 год

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

- Антонова Ирина 210*
Баклашкина Татьяна 95
Божор Наталья 127, 159
Гулдедава Пётр 156
Варварица Инна 12, 183
Влодов Юрий 142
Володарский Леонид 163
Егоркин Григорий 38
Егорова-Нерли Ирина 105, 124, 125
Елфимов Максим 220
Елфимова Лия 209
Ермаков Валентин 7
Желыбенцев Валерий 6
Иодловский Николай 254
Кебадзе Алексей 179
Колчин Станислав 99
Красовский Игорь 92
Крохмаль Александр 248
Кубинский Олег 257
Максимов Вадим 239
Март Евгений 102
Маркович Анри 10, 232
Митренин Владимир 194
Мочалова Елена 208
Наровчатова Ольга 154
Осокина Людмила 148
Петровская Карина 215
Пустовитовский Владимир 22
Светланова Валерия 227
Серафимов Александр 17, 48
Славоросова Мария 222
Славоросова Евгения 168
Солдатенкова Дарья 186

Столяров Кирилл 28
Столяров Сергей 36
Терещенко Валентин 15
Улыбышева Людмила 104
Филатова Людмила 100
Хатина Татьяна 191
Хачумова Татьяна 14, 161, 233
Чижевская Вера 8
Шведовская Татьяна 173
Шубина Валерия 129

Альманах открывается подборкой стихов и прозы к семидесятилетию Победы «Солдатский медальон». Это дань уважения и любви к «белым журавлям» Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В знаковой поэме В. Пустовитовского «Марьяна Роща» широкими экспрессивными мазками схвачена картина послевоенной Москвы.

Альманах продолжает публикацию «Семейной хроники» Кирилла Столярова — страницы быта московского купечества, на примере известного рода Константиновых. Неожиданной развязкой завершается остросюжетная повесть Александра Серафимова. Валерия Шубина впервые представляет творчество узника Гулага, ученика Ландау — Георгия Демидова. Ирина Егорова-Нерли открывает новую рубрику «Традиция и современность», впечатления от выставки выдающихся художников выливаются в удивительный сплав графики и поэзии. На страницах альманаха широко представлены голоса калужских поэтов. Особо хочется отметить яркую пацифистскую направленность поэтической подборки дебютанта «Истоков» Григория Егоркина из Челябинска.

Составители *Ирина Антонова* и *Наталья Божор*
Выпускающий редактор *Евгения Славороссова*

Рисунок на 1-й полосе обложки и графическое оформление
Ирина Егорова-Нерли

Оформление *Павел Чикин*
Компьютерная верстка *Ирина Чикина*

ООО Редакционно-издательская фирма (РИФ) «Истоки-плюс»

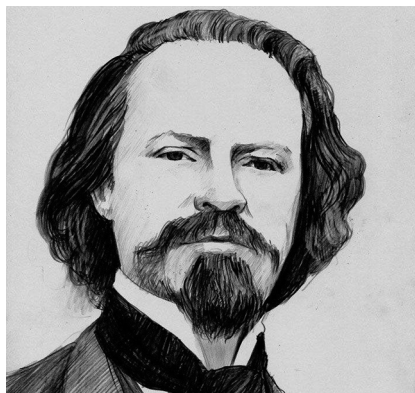
ЛР № 061080

Контактные телефоны: 8-909-965-53-05, 8-903-180-37-87.

Наш сайт в интернете: www.istoki-roy.ru

E-mail: rifistoki@yandex.ru

Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага офсетная №1. Заказ №
Печать офсетная.
Тираж договорной

К. Д. Бальмонт (1867–1942)

* * *

Бог создал мир из ничего,
Учись, художник, у него, —
И если твой талант крупница,
Соделай с нею чудеса,
Взрасти безмерные леса
И сам, как сказочная птица,
Умчись высоко в небеса,
Где светит вольная зарница,
Где вечный облачный прибой
Бежит по бездне голубой

2016

И АЛЬМАНАХ
СТОКИ